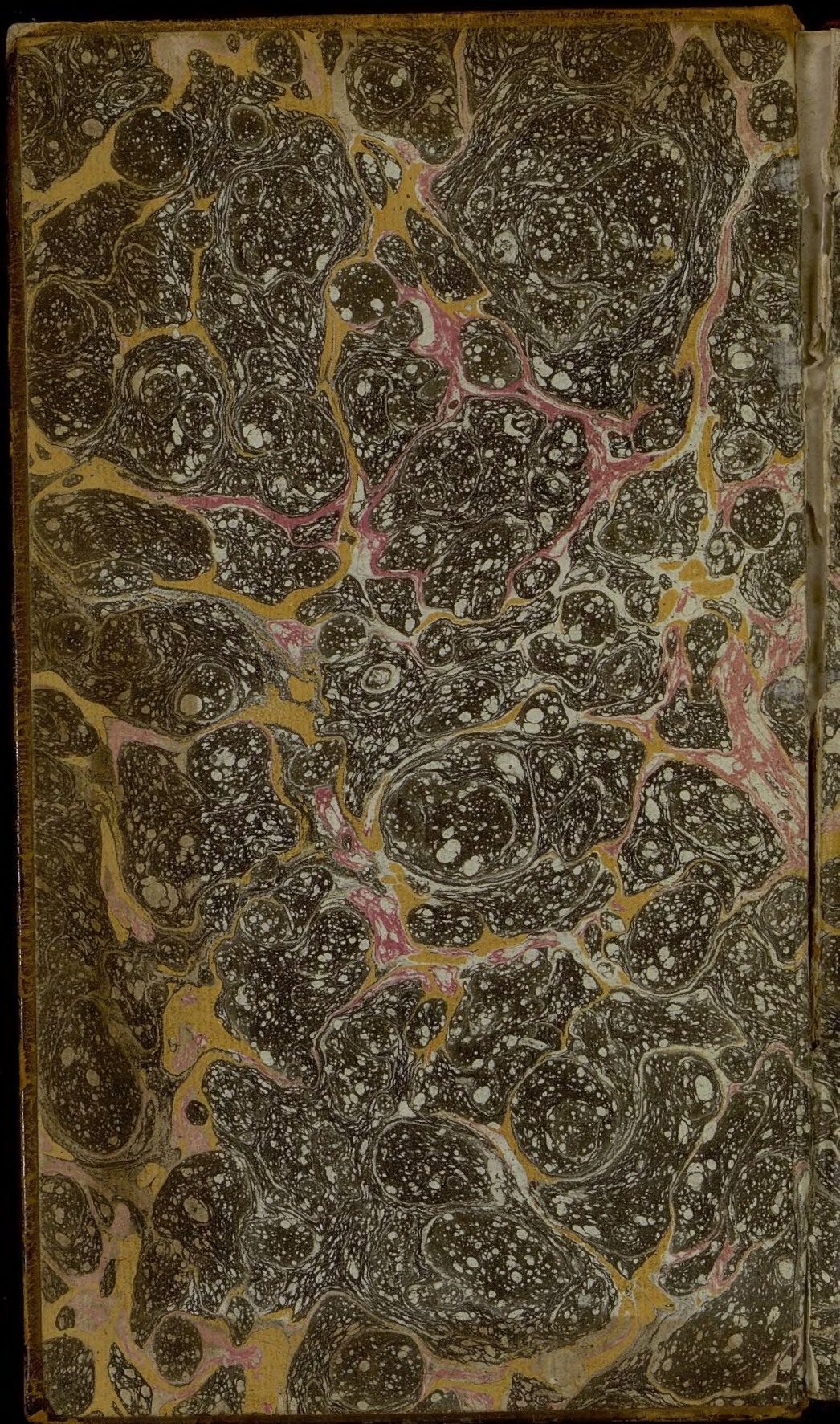
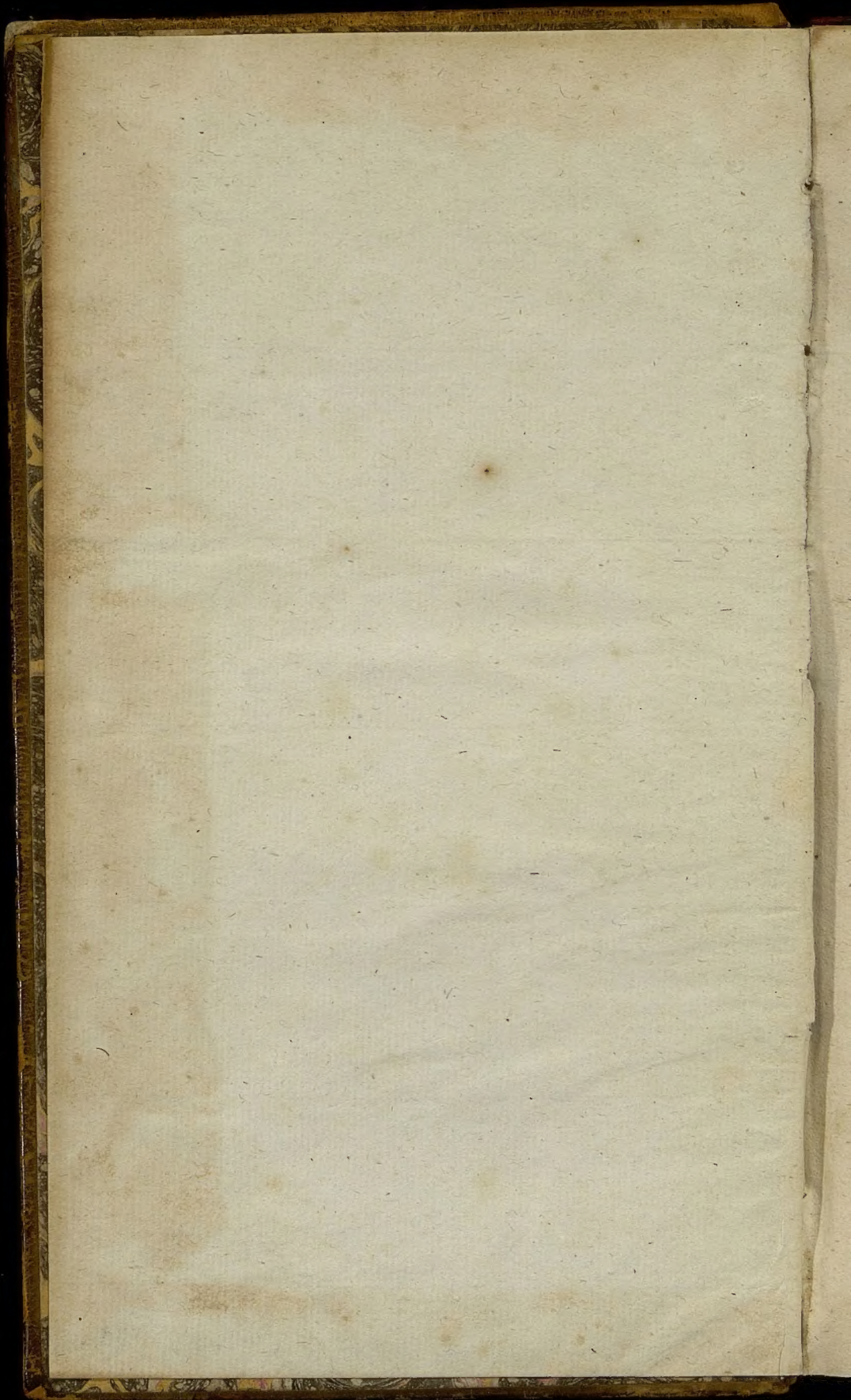
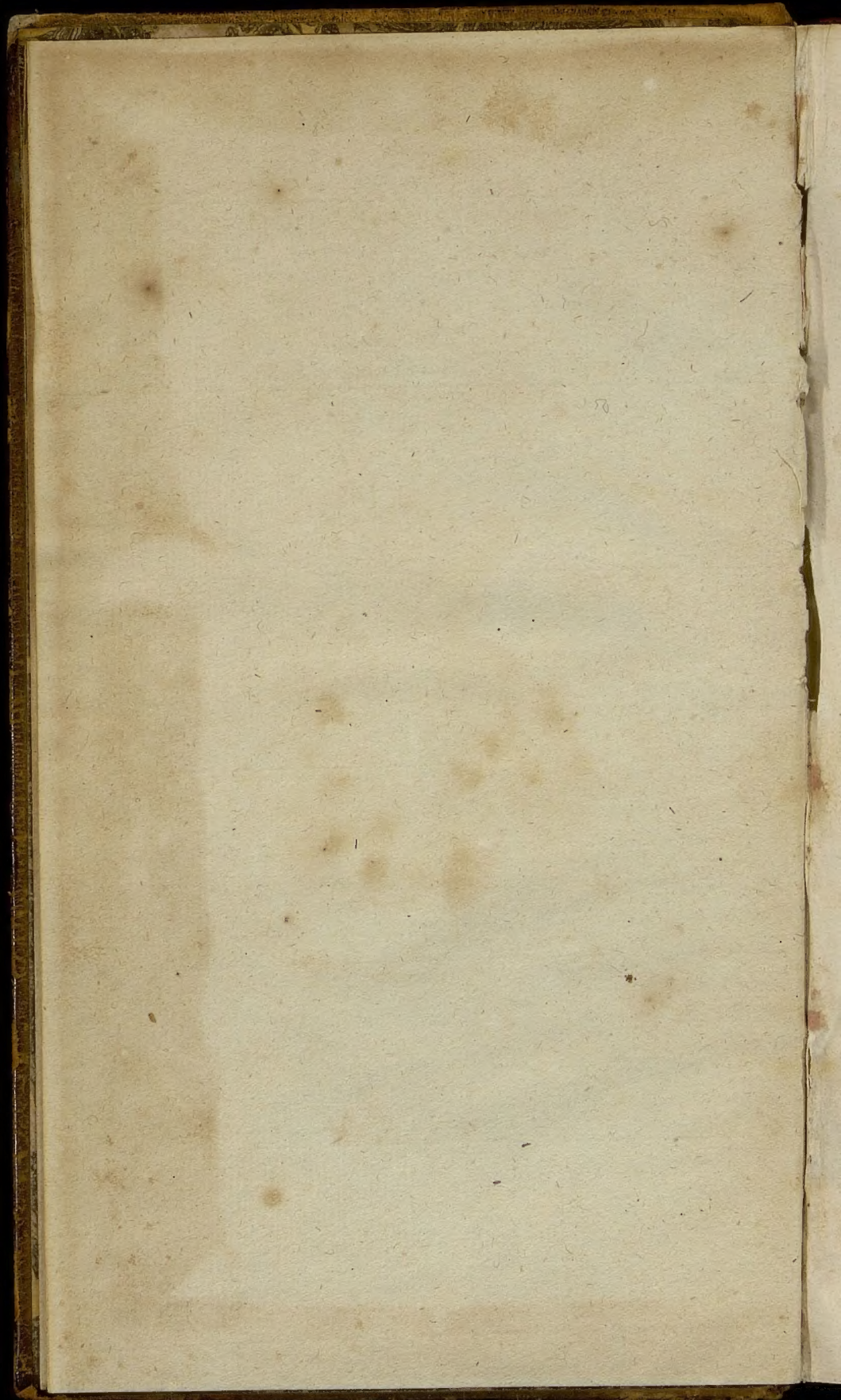

Ломоносовъ.

СОБРАНИЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

COLLEGE
BACCHUS
CATHOLIC
PUBLISHED

СОБРАНІЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ,

ВЗЯТЫХЪ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛУЧШИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ
РОССІЙСКИХЪ И ИЗЪ МНОГИХЪ РУСКИХЪ
ЖУРНАЛОВЪ,

ИЗДАННОЕ

ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Die Lieder der göttlichen Harfenspieler
Tönen mit Macht wie beseelend.

KLOPSTOCK.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1810.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

~~~~~

Лиры божественныхъ пѣснопѣвцовъ звучатъ
могущественно, звукомъ живошворящимъ!

Клопштокъ.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для
Округа Императорскаго Московскаго Университета.

О Г Л А В Л Е Н І Е

О Д Ы.

	Стран.
I. Подражаніе Іову.	3
II. На рожденіе въ Сѣверѣ порфирородна- го Ошрока.	7
III. На войну съ Турками.	10
IV. Освобожденіе Москвы.	14
V. Опыщная Соломонова мудрость, или мысли, выбранныя изъ Экклезіаста.	20
VI. Ломоносовъ.	27
VII. Весенняя пѣснь.	31
VIII. На прибытіе Императрицы Елиса- веты изъ Москвы въ Санктпетербургъ 1742 года, послѣ коронаціи.	34
IX. Ушро.	49
X. На разбитіе Египтянъ, пророчество Іереміи.	55
XI. На отсупшвіе Ея Величества въ Бѣлоруссію.	58
XII. Къ Екатеринѣ II, на Шведской миръ.	61
XIII. Осень.	64
XIV. Посланіе къ моему сосѣду.	66
XV. Зимой къ друзьямъ. Подражаніе Горацію.	72
XVI. Упреки Аполлону.	74

IV Оглавленіе.

	Стран.
XVII. Богинѣ Невы.	75
XVIII. Спящій Эротъ.	77
XIX. Къ Графу Григорью Григорьевичу Орлову.	78
XX. Осень, во время осады Очакова.	81
XXI. Шансы. Къ Н — М — К***	85
XXII. Пѣснь надгробная.	88
XXIII. Пѣвцу Фелицы.	90
XXIV. Къ Бландузскому ключу. Подражаніе Горацію.	91
XXV. Гимнъ къ Солнцу слѣплаго старца Оссіана.	93
XXVI. Царство очарованій.	95
XXVII. Вольное подражаніе Псалму: Господи, да не яростию Твоею, и проч.	99
XXVIII. Споръ.	103
XXIX. Поэзія.	106
XXX. Ода анакреонтическая.	113
XXXI. Благополучіе въ уединеніи.	114
XXXII. Храмъ Марсовъ.	116
XXXIII. Къ смерти.	126
XXXIV. На разрушеніе Вавилона. Изъ Пророка Исаіи. Гл. 14. ст. 5—28.	128
XXXV. На смерть друга моего.	132
XXXVI. Скоропечность юности.	134
XXXVII. Вельможа.	138
XXXVIII. Авось.	145

О г л а в л е н і е. V

Стран.

XXXIX. Къ благошворительности.	152
XL. Осень.	154
XLI. Власпишелямъ и Судїямъ.	156
XLII. Памятникъ.	158
XLIII. Къ Теону.	159
XLIV. Къ Парашъ.	163
XLV. Чувствованїя Россїянна при чте- нїи первыхъ Манифесловъ АЛЕК- САНДРА I.	167
XLVI. Подражанїе Горацію.	171
XLVII. На щастїе.	173
XLVIII. Къ Милости.	181
XLIX. Орелъ.	183
L. Умбренности.	184
LI. Другу моему.	186
LII. Къ Богу.	187
LIII. Приходъ Мая.	189
LIV. Къ бѣдняку.	190
LV. На кончину N. N.	193
LVI. Утро.	194
LVII. Размышленїе по случаю грома.	199
LVIII. Къ А. Г. В.	200
LIX. Добродѣтель.	201
LX. Хариты.	205
LXI. Его Сїятельству Графу Петру Алек- сандровичу Румянцову - Задушайско- му.	207

VI   О г л а в л е н і е.

	Стран.
LXII. Дружество.	213
LXIII. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго Сѣ- вернаго сѣянія.	219
LXIV. Гласъ Патріота на взятіе Варшавы.	221
LXV. Къ сосѣду.	223
LXVI. Неоспорожный моймылекъ.	226
LXVII. Стансы Богу.	227
LXVIII. Ворожба.	230
LXIX. Памятникъ Герою.	231
LXX. Осеннее ушро.	233
LXXI. Къ солнцу.	236
LXXII. Зима.	239
LXXIII. На выздоровленіе Мецената.	241
LXXIV. Гимнъ глупцамъ.	244
LXXV. Завѣщаніе.	248
LXXVI. Другу сердца.	252
LXXVII. Ушренное размышленіе о Божіемъ величествѣ.	253
LXXVIII. Къ Волгѣ.	255
LXXIX. Соловей.	259
LXXX. Водопадъ.	263

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ.

ОТДѢЛЕНИЕ ПЕРВОЕ,

О Д Ы.

L' Ode . . . . .
Elevant jusqu' au ciel son vol ambitieux,
Entretient dans ses vers commerce avec les dieux:
Aux Athletes dans Pise elle ouvre la barriere,
Chante un vainqueur poudreux au bout de sa carriere,
Mene Achille sanglant aux bords du Simois,
On fait flechir l' Escant sous le joug de Louis.

. . . . .
Son style impetueux souvent marche au hasard;
Chez elle un beau desordre est un effet de l' art.

BOILEAU, ART POËTIQUE. CHANT I.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Ода . . . лепящая на небеса полетомъ гордымъ,
бесѣдуетъ съ Богами. Она отверзаетъ поприще
Олимпійскому Аплету; славилъ побѣдителя, по-
крытаго прахомъ при концѣ ристалища; ведетъ
окровавленнаго Ахилла на берега Симоиса, и ве-
литъ бурному Рейну покорствовать игу Людови-
ка. . . . . Не рѣдко слогъ ея, въ быстротѣ своей,
уклоняется отъ правилъ; и въ ней прелестный
безпорядокъ есть дѣло искусства.

Буало, Искусство Стихотворца. Пѣснь I.

О Д Ы.

I.

ПОДРАЖАНІЕ ІОВУ.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человекъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ;
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая,
И гласомъ грома прерывая,
Словами небо колебалъ,
И шалъ его на распрю звалъ:

„Сбери свой всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власъ Мою?
Яви премуѣрность твою!

„Гдѣ былѣ ты, какѣ передо Мною
 Безчисленны тѣмы новыхъ звѣздъ,
 Моей возженныхъ вдругъ рукою
 Въ обширности безмѣрныхъ мѣстѣ,
 Мое величество вѣщали,
 Когда отъ солнца возсѣяли
 Повсюду новые лучи,
 Когда взошла луна въ ночи?

„Кто море удержалъ берегами
 И безднѣ положилъ предѣлы,
 И ей свирѣпыми волнами
 Спремись далѣ не велѣлъ?
 Покрышую пучину мглою
 Не Я ли сильною рукою
 Открылъ, и разогналъ туманъ,
 И съ суши сдвинулъ Океанъ?

„Возмогъ ли ты хотя однажды
 Велѣши ранѣй упру быть,
 И нивы въ день помящей жажды
 Дождемъ прохладнымъ напоишь;
 Пловцу способный вѣтрѣ направивъ,
 Чтобъ въ пристани его поспавишь;
 И пятошу земли пряхнушь,
 Дабы безбожныхъ съ ней сохнушь?

„Спремвинами путей ты разныхъ
 Прошелъ ли моря глубину,
 И счелъ ли чудъ многообразныхъ
 Спада, ходящія по дну?
 Отверзлись ли передъ тобою
 Всегдашнюю покрывы шмою

Со страхомъ смертныхъ врага?
Ты стерлъ ли Адовы уста?

„Сѣсныя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрытьъ,
И воздухъ огустишь прозрачный,
И молнію въ дождь родишь,
И вдругъ быспропекущимъ блескомъ
И горь сердца прясущимъ прескомъ,
Концы вселенной колебашь
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

„Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крыла проспиратъ,
И сморитъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что Я ему на пищу далъ:
Толь быспро око пылъ создалъ?

„Возри въ лѣса на бегемота,
Что Мною сотворенъ съ побой:
Колючій тернъ его охопъ
Безвредно попираетъ ногой;
Какъ вѣрви, сплечены въ немъ жилы:
Опѣвдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра, какъ лишая мѣдъ:
Кто можетъ рогъ его содрать?

„Ты можешь ли аевѣана
На удѣ выпянуть на брегъ?
Въ срединѣ самой Океана
Онъ быспрый проспиратъ бѣгъ;

Свѣтящимися чешуями
 Покрывѣ, какѣ мѣдными щипами;
 Копье и мечъ и молотѣ швой
 Счищаетѣ за простирикѣ гнилой.

„Какѣ жерновѣ сердце онѣ имѣетѣ,
 И зубы — спрашнй рядѣ серповѣ:
 Кто руку въ нихѣ вложитѣ посмѣетѣ?
 Всегда къ сраженью онѣ готовѣ;
 На оспрыхѣ камняхѣ возлегаетѣ,
 И швердосѣ оныхѣ презираетѣ;
 Для крѣпосѣ великихѣ силѣ,
 Считаетѣ ихѣ за мягкой илѣ.

„Когда ко брани устремитѣся,
 То море какѣ котелѣ кипитѣ;
 Какѣ печь, горшанѣ его дымитѣся;
 Въ пучинѣ слѣдѣ его горитѣ,
 Сверкаютѣ очи раздраженны,
 Какѣ углѣ въ горнилѣ раскаленный;
 Всѣхѣ сильныхѣ онѣ спрашитѣ, гоня:
 Кто можетѣ спать пропивѣ меня?

„Обширнаго громаду свѣта
 Когда устроиѣ Я хотѣлѣ,
 Просилѣ ли швоего совѣта
 Для множества поликихѣ дѣлѣ?
 Какѣ перстѣ Я взялѣ въ началѣ вѣка,
 Дабы создаѣи человѣка,
 За чѣмѣ тогда ты не сказалѣ,
 Чѣтобѣ видѣ иной тебѣ Я далѣ?“

Сїе, о смертный ! разсуждая,
Представь Зиждипелеву власъ;
Свящую волю починая,
Имѣй свою въ терпѣнны часъ.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ ропшанія проси.

Ломоносовъ,

II.

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ ПОРФИРОГРАДНАГО
ОТРОКА.

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ иней пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся Природа содрогала
Отъ лихова шарика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли пшичекъ хоры,
Пчелы припались въ дуплахъ;

Засыпали Нимфы съ снуки
 Средь пещеръ и камышей;
 Согрѣвать Сапиры руки
 Собирались вдругъ огней.
 Въ это время, споль холодно,
 Какъ Борей былъ разъяренъ,
 Ошроча порфирородно
 Въ царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
 Родился — и въ ту минушу
 Пересталъ ревѣть Борей;
 Онъ дохнулъ, и зиму люшу
 Удалилъ Зефиръ съ полей;
 Онъ возвратъ — и солнце красно
 Обратилоя къ веснѣ;
 Онъ вскричалъ — и миръ согласно
 Звукъ разнесся въ сей странѣ;
 Онъ простеръ лишь дѣтски руки,
 Ужь порфиру въ руки бралъ;
 Раздались громовы звуки,
 И весь Сѣверъ возсіялъ.
 Я увидѣлъ въ восхищеньи
 Разтворенъ Судебъ чертогъ;
 Я подумалъ въ изумленьи:
 Знашь родился нѣкій Богъ!
 Геніи къ Нему слѣдѣли
 Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
 Каждый Геній къ колыбели
 Даръ рожденному принесъ:
 Тотъ принесъ Ему громъ въ руки
 Для предбудущихъ побѣдъ;
 Тотъ художества, науки,
 Украшающія свѣтъ;
 Тотъ обиліе, богатство;
 Тотъ сіяніе порфиръ;

Тотъ утѣхи и прїятство;
 Тотъ спокойствїе и миръ;
 Тотъ принесъ Ему тѣлесну,
 Тотъ душевну красоту;
 Прозорливостъ потѣ небесну,
 Разумъ, духа высоту;
 Словомъ: всѣ Ему блаженства
 И паланты подаря,
 Всѣ влїяли совершенства,
 Соспавляючи Царя;
 Но послѣдній, добродѣтель
 Зараждаючи въ Немъ, рекъ:
 Будь спрасней своихъ владѣнїй,
 Будь на прогнѣ челоуѣкъ!
 Всѣ крылами восплескали,
 Каждый Генїй восклицалъ:
 Се божественный, вѣщали,
 Даръ младенцу онъ избралъ!
 Даръ, всему полезный міру!
 Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
 Кто прїемлетъ съ нимъ порфиру,
 Будетъ подданнымъ Овецъ!
 Будетъ — и Судьбы гласили. —
 Онъ Монархамъ образецъ!
 Лѣсъ и горы повспорили:
 Утѣшенїемъ сердецъ!
 Симъ Россїя восхищенна,
 Токи слезны пролила;
 На колѣни преклоненна,
 Въ руки Острога взяла;
 Возпрїявъ Его лобзаетъ
 Въ перси, очи и уста.
 Въ Немъ геройство возрасшаетъ,
 Возрасшаетъ красота;

Всѣ Его ужь любящѣ спрасно,
 Всѣхъ сердца ужь Онъ возжогъ.
 Возрастай, Дитя! прекрасно!
 Возрастай, нашъ полубогъ!
 Возрастай, уподобляясь
 Ты Родителямъ во всемъ;
 Съ ихъ Ты машерью равняясь,
 Соравняйся съ божествомъ!

Державинъ.

III.

НА ВОЙНУ СЪ ТУРКАМИ,

1769.

Султанъ ярился! Ада дщери,
 Въ немъ Фуріи раздули гнѣвъ;
 Дубравные завывли звѣри,
 И волкъ и песъ разинулъ зѣвъ,
 И криками нощные враны,
 Предвозвѣщая кровь и раны,
 Всѣ полнящѣ ужасомъ мѣста;
 И надъ Сералію комета
 Бѣды на часъ полночну свѣща
 Трясещѣ со пламенна хвоста!

Война, война висипѣ ужасна,
 Россія, надъ швоей главой!
 Секванѣ мочь швола опасна:
 Она рогѣ сперши хочещѣ швой.

Ты въ томъ винна предъ ней единомъ,
 Чшо ты ей зришься Исполиномъ;
 Ты кедръ, а прочи царства проси:
 Такъ ты должна болѣшь, сражаешь,
 И въ силахъ ты должна перяешься,
 Чшобъ ей пвоею шрамой роси.

Такъ часто гады ядовишы,
 Залегши въ лѣсѣ подъ кустомъ,
 Кудрявой зеленою закрыши
 И пальмовымъ съ древесъ листомъ,
 Когда кто мимо понесется,
 И кустъ имъ пронутъ запрясется,
 Грозя полудню ихъ открыши,
 Да мнимую напастъ умаляши,
 Прохожаго отъ спраху жаляши,
 Чшобъ имъ раздавленнымъ не быши.

Чудовища всеродны ада,
 Все злое, кромѣ лишь себя,
 Она бы выставиши рада,
 Россія, супрошивъ тебя!
 Но Туркъ пошлетъ свои знамена,
 А аду казнь ея замѣна.
 То жаляща межъ правъ змѣя.
 Да скроешь завистъ отъ Европы,
 Она лишь будетъ веси подковы:
 Мощь Турковъ — умыслы ея.

Такъ таши, да пушника ограбиши,
 Возсѣдъ на рѣзваго коня,
 Бодетъ его, и поводъ слабиши,
 Ко бѣгу силой всей гоня;
 И буйный звѣрь, не зная кова,
 Орудіе грѣха чужова,

Привыкшій по полямъ ристать,
 Уздѣ послушенъ властелина,
 Не зря, что холмъ или долина,
 Течетъ невиннаго споптать.

Отъ Юга, Запада, Востока,
 Изъ Мекки и Каира вратъ,
 Гдѣ хвально имя лжепророка,
 Гдѣ Нилъ шумитъ, гдѣ Тигръ, Евфратъ,
 Уже прошивники Россіи
 Спекаются ко Византіи,
 Какъ кровь изъ всѣхъ ко сердцу жила.
 Въ безуміи, во гнѣвѣ яромъ,
 Войну рѣшивъ однимъ ударомъ
 Султанъ на сердце положилъ.

Уже, послушны грозной волѣ,
 Серальный кою рекъ герой,
 На Марсово со шумомъ поле
 Износятся за роемъ рой;
 Чрезъ Гемъ, черезъ верьхи Родопы
 Несутъ спремительныя стопы,
 Несчешны, горды не вопще.
 Предъ нимъ шѣснятся надъ Дунаемъ,
 Но заднимъ воинства ихъ краемъ
 Въ Сшамбулѣ движущся еще.

Коликѣ толпы, народы!
 Коль длинна пропинулась цѣпь!
 Какъ насыпь разорвавши воды,
 Шумящъ и спелюща на степь;
 Свирѣпы, какъ кони взоржавши,
 Ярма и удила не познавши,

Сступаютъ борзо по землѣ;
 Ужь въ мысли все спопшали, сперли,
 Свой ходъ внутрь Сѣвера просперли;
 Нога ихъ спала во Кремлѣ.

Ихъ мчатъ кони, перевозятъ чолны;
 Пушемъ господствуя сухимъ;
 Покрышы ихъ судами волны,
 Текущими въ союзный Крымъ.
 Чтوبъ ихъ была вѣрный побѣда,
 Опшоль поклонникъ Магомеда
 Шлепъ нову въ Сѣверъ саранчу;
 Секвана шу исчезъ безсильна. . . . .
 Колико жашва шупъ обильна,
 О Россы! вашему мечу!

Лишь въ поле выступите ратно,
 Трофей вамъ будетъ каждый шагъ;
 Сразитесь коликотратно,
 Толькратъ падетъ подъ вами врагъ.
 Какъ грозны молніи, лепучи
 Густыя разсѣкающъ шучи,
 Сверкая по проспершой мглѣ:
 Вы тако, тако попекиште
 И тако Турковъ разсѣкиште;
 Вашъ жаръ — вамъ молнійны крылѣ!

Да снидетъ на главы ихъ кара
 Во громъ, въ пламени, въ дыму;
 Да прескѣ имъ даннаго удара
 Въ Стамбулѣ слышанъ и въ Крыму,
 И въ цѣломъ мірѣ слышанъ будетъ!
 Да гордый, зря ихъ разнь, забудетъ

Смущаши ближняго покой;
 Да, кто законовъ не боится,
 Законы нарушае спрашивается,
 Удержанъ вашею рукой.

Поправши тако мощь зѣбрину
 И миромъ увѣнчавши брань,
 Вѣнчайте вы ЕКАТЕРИНУ!
 Сія Ей почестъ должна данъ.
 Да, зря Мать вашу лавроносну,
 Секвана въ грудь ударивъ злоспну,
 Во несмерпиму падъ поску,
 О щещной хипросни воздохнешъ,
 Отъ зависши въ спруяхъ усохнешъ,
 И чутъ влачится по песку.

ПЕТРОВЪ.

IV.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ.

Примите, древнія дубравы,
 Подъ тѣнь свою питомца Музъ!
 Не шумны пѣшь хочу забавы,
 Не сладости Циперскихъ узъ;
 Но да возрю съ полей широкихъ
 На красну, гордую Москву,
 Сѣдлицу на холмахъ высокихъ,
 И спящи вѣки воззову!

Въ какомъ ты блескъ нынѣ зрима,
 Княженій, Царствъ великихъ мать,
 Москва! Россіи дочь любима!
 Гдѣ равную тебѣ сыскашь?
 Вѣнецъ твой перлами украшенъ,
 Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
 Вѣржи твоихъ огромныхъ башенъ
 Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
 Отъ Норда, Юга и Воспока,
 Отъсюду быстрой пошлой
 Къ тебѣ сокровища текутъ;
 Сыны твои, любимцы славы,
 Красивы, храбры, величавы,
 А дѣвы — розами цвѣтущъ.

Но нѣкогда и ты спенала
 Подъ бременемъ различныхъ золъ:
 Едва корону удержала
 И твой клонившійся престолъ;
 И ты съ лица земнаго круга
 Едва не скрылась отъ очей!
 Сарматъ просперъ къ тебѣ длань друга,
 И остро копье вознесъ!
 Вознесъ, и храмы восплали,
 На дѣвахъ цѣпи зазвучали
 И кровь ихъ братьевъ потекла —
 „Я гибну! гибну!“ ты рекла,
 Вращая устращенно око:
 „Спасай меня, о Геній мой!“ —
 Увы! молчанье вокругъ глубоко,
 И мечъ, висящій надъ головой!

Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила?
 Проснись, возстань, Россійска мочь!

Москва въ плѣну, Москва уныла,
 Какъ мрачная осенняя ночь.
 Возспала! — все восколебалось:
 И Князь, и рапай, старъ и младъ,
 Все въ крѣпку броню ополчалось;
 Перуномъ возблиспалъ булатъ!
 Но кто изъ тысячъ видимъ мною,
 Въ сѣдинахъ, бодръ и сановитъ?
 Онъ долженъ быть вождемъ, главою!
 Пожарскій то, Россіи щитъ!
 Восторгъ, восторгъ я ощущаю,
 Пылаю духомъ и лечу!
 Гдѣ лира? Смѣло начинаю:
 Я подвигъ предка пѣшь хочу!

Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги,
 Далече пыль вспаеетъ столпомъ;
 Идутъ Россіи вѣрны слуги;
 Несетъ ихъ вождь Пожарскій громъ!
 Отъ кликовъ раши воютъ рощи,
 Дремавши въ мершвой шишинъ;
 Свѣтило дня и звѣзды нощи
 Героя видятъ на конѣ;
 Летитъ, и взоромъ лучъ опрады
 Въ сердца унывшія лѣетъ;
 Летитъ, какъ вихрь, и движетъ грады
 И веи за собою въ слѣдъ!

Откуда шумъ? притихши ухомъ,
 Рекъ воинъ, въ думу погруженъ.
 Взглянулъ, и блѣденъ, съ робкимъ духомъ,
 Бросается съ Кремлевскихъ стѣнъ:
 „Къ щипамъ, къ щипамъ, гласитъ, Сарматы!
 Погибель намъ минуша шрапы!

Я видѣлъ войско сопоспашѣ:
 Какъ змѣй хребетъ свой изгибаеѣ,
 Главою уже коснулось враѣ,
 Хвостомъ все поле покрываеѣ. “ —
 Вдругъ стогны ратными сперлись,
 Мяшутся, строятся, дѣлятся,
 У враѣ, бойницѣ, вдругъ стѣны полпящя;
 Другіе вихремъ понеслись
 Славянамъ и громамъ на вспрѣчу.

И се — зрю зарево кругомъ,
 Въ дыму и въ пламѣ спрашну сѣчу!
 Со звономъ сшибся щипъ съ щипомъ,
 И разомъ сильнаго не стало!
 Ядро во мракъ зажужжало,
 И цѣлый рядъ безспрашныхъ палъ!
 Тамъ вождь добычею Эревъ,
 Здѣсь бурный конь, съ копьемъ во чревъ,
 Вскочивши на дыбы заржалъ,
 И навзничь грянулся на землю,
 Покрывши всадника собой;
 Опесюду прескъ и громы внемлю,
 Глушащи скрежешъ, стонъ и вой!

Пируеѣ Смерть, и ужасъ мечеѣ
 Во градъ, и въ доли, и въ лѣса!
 Тамъ дѣва юная пренеѣ;
 Тамъ старецъ смогриѣ въ небеса,
 И къ хладну сердцу выю клонилъ;
 Тамъ пушника спрахъ въ дебри гонилъ;
 И ты, о пруженикъ святой!
 Живымъ погребшійся въ могилъ,
 Еще вспомнилъ мѣръ земной
 При блѣдномъ дней твоихъ свѣшилъ;
 Часть I. Б

Вспомнилъ горестъ, и слезой
Ланишу блѣдну орошаешь,
И къ Богу, сущему съ тобой,
Дрожащи руки простираешь!

Три крапы день возсѣявалъ,
Три крапы ночь его смѣняла,
Но бой еще не переставалъ,
И Смерть руки не упомняла;
Еще Пожарской мечетъ громъ;
Вездѣ летаетъ онъ орломъ;
Тамъ гонитъ, здѣсь разитъ, караетъ,
Ударъ ударомъ умножаетъ,
Колебя мощь Липовскихъ силъ.
Спорукой исполинъ трясется,
Падетъ, издохъ — и вопль несется:
„Ура! Пожарской побѣдилъ!“
И въ градъ опдалось спокрайно:
„Ура! Москву Пожарской спасъ!“

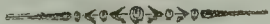
О устро памятно, пріятно!
О вѣчно-незабвенный часъ!
Кто дастъ мнѣ вѣстѣ живошворящу,
Да радость напишу, горящу
У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ;
Да яркой изразу чертою
Народъ воскресшій на стѣнахъ,
На кровяхъ, и съ высотъ къ Герою
Вѣнки лепищи на главу;
Сигклихъ, побѣдну пѣснь поющій,
Съ хоругвами въ сръшене идущій,
И въ пальмахъ свѣтлую Москву!...

Но гдѣ Герой, куда сокрылся?
 Гдѣ сонмъ и Князей и Боярѣ?
 Откуда звучный кликъ пустился?
 Не царшволь онѣ пріемлетъ въ даръ?
 О! чпо я вижу! побѣдншель,
 Москвы, Ошечества спасншель,
 Забывши древность, подвнгъ дня
 И вкругъ его гремнщу славу,
 Вручаешъ юношѣ державу,
 Предъ нмѣ колѣно преклоня:
 „Ты кровь Царей — вѣщаль Пожарской —
 Ощецъ швой въ узахъ у враговъ;
 Прнмн вѣнецъ и скипетръ Царской;
 Будь Руснхъ радость и покровъ!“

А ты, Герой, пребудешъ вѣки
 Ихъ честью, славой, образомъ!
 Гдѣ горы небо прупѣ челомъ,
 Тамъ шумныя помчатся рѣки;
 Изъ бластѣ дремучей выйдешъ лѣсъ;
 Въ степяхъ возникнутъ верпограды;
 Роднтся и изчезнутъ грады;
 Нашурѣ новыхъ шьму чудесъ
 Откроешъ взору изумленну;
 Освѣшншъ новый лучъ вселенну:
 И вошнѣ, отъ швой крови,
 Тебя воспомншъ, возгорднтся,
 И паче, паче ушверднтся
 Въ прямой къ Ошечеству любви!

ДМИТРИЕВЪ.

ОПЫТНАЯ СОЛОМОНОВА МУДРОСТЬ, ИЛИ МЫСЛИ,
ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ ЭККЛЕЗИАСТА.

Во цвѣтѣхъ пылкихъ, юныхъ лѣтѣхъ,
Я нѣжной спраснью улаждался;
Но, ахъ! увялъ прелестный цвѣтъ,
Копорымъ взоръ мой восхищался!
Оспалась въ сердцѣ пуста,
И я сказалъ: любовь мечта!

Любилъ я пышность въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Богатствомъ, роскошью блисталъ;
Но вмѣсто счастья, дней веселыхъ,
Заболѣлъ, скуку обрѣталъ;
Просился въ старости съ мечтою,
И назвалъ пышность суетою.

Искалъ я къ истинѣ пути,
Хотѣлъ узнать всему причину;
Но намъ ли тайнствъ ключъ найсти,
Измѣрять мудрости пучину?
Всѣ наши знанія мечта,
Вся наша мудрость суета!

Къ чему намъ служивъ власъ, когда, ее имѣя,
Не власны мы себя щасливыми шворить;
И сердца своего покоить не умѣя,
Возможемъ ли другимъ спокойствіе дарить?

Въ черпogaхъ кедровыхъ, среди садовъ прекрас-
ныхъ,
Въ объятіяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью спра-
спныхъ,

Томился и скучалъ я жизнью своей;
Нѣтъ счастья для души, когда оно не въ ней.

Уныніе мое казалось непонятно
Наперсникамъ, рабамъ; я вкусъ свой прищипилъ,
Излишней ибгою всѣ чувства изнурилъ —
Ненужное для насъ бываетъ ли пріятно?

Старался я узнать людей;
Узналъ — и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный!
Сердца ихъ злобны и несчастны;
Они враги врагамъ своимъ,
Враги друзьямъ, себѣ самимъ.

Тамъ бѣдный проливаетъ слезы;
Въ судѣ невинный осужденъ;
Глупецъ уваженъ и почтенъ;
Злодѣй находитъ въ жизни розы;
Для добрыхъ терніе расцвѣло;
Темницей кажется имъ свѣтъ.

Смотри — невѣрная смѣется;
Любовникъ горестью сраженъ;
Она другому отдается,
Который ею восхищенъ;
Но скоро клятву онъ забудетъ,
И скоро . . . . самъ обманушъ будетъ.

Ехидны зависти вездѣ, вездѣ шипятъ;
Достоинство, талантъ и прудъ безъ награжденія;
Творишь ли добро, вамъ люди зло швораютъ:
Отъ каменныхъ сердецъ не ждите сожалѣнія.

Злословіе свой ядъ на имя мудрыхъ льетъ;
Не судитъ ни обѣ комъ разсудокъ безпри-
спасный,

Лишь страсти говорятъ. Кто въ роскоши
живеиъ,
Не знаетъ и того, что въ свѣтѣ есть несчастный.

Но онъ несчастливъ самъ, не зная, отъ чего;
Желаетъ получить: имѣетъ, и скучаетъ;
Желаетъ новаго, и только что желаетъ.
Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ врагъ его.

По грозной влагѣ Океана
Мы всѣ плывемъ на кораблѣ
Во мракѣ бури и тумана,
Плывемъ, спѣшимъ приспастъ къ землѣ;
Но въпрѣ ярится съ новой силой,
И море — служиши намъ могилой.

Умы людей ослѣплены:
Что предковъ нашихъ обольщало,
Тѣмъ самымъ мы обольщены;
Ученье ихъ для насъ пропало,
И наше такъ же пропадетъ;
Потомковъ та же участь ждетъ.

Ни что не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ вѣкъ;
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

И Царь, и рабъ его, безумецъ и мудрецъ,
Невинная душа, преступникъ, извергъ злобы,
Изчезнутъ всѣ какъ тѣнь, и всѣмъ одинъ конецъ;
На всѣхъ грозитъ Смерть, для всѣхъ опровержны
гробы.

Для пи́гра, а́гницы, сей лу́гъ равно цвѣтѣтъ,
 Равно пипаетъ ихъ. Не́щасныхъ при́писни-
 шель

Поко́ишься въ землѣ, какъ бѣдныхъ утѣшитель;
 На хладномъ гробѣ ихъ единый мохъ растепѣтъ.

Горди́ся славою, великими дѣлами,
 И памятники спро́й: что́ пользы! ты забытъ,
 Какъ скоро нѣтъ тебѣ, наро́домъ и друзьями;
 Моги́лы пивое́я ни́кто не по́сѣтитъ.

Какъ жизнь для смертнаго мѣшежна!

И мы еще желае́мъ жи́ть!

Какъ вла́сть и слава непадежна!

И мы хо́тимъ мечтамъ служи́ть,

Люби́ть, чего́ люби́ть не должно,

Иска́ть, чего́ най́ти не можно.!

Не́щасный, сла́бый челове́къ!

Ты жи́знь проводи́шь въ огорченіи,

И кончи́шь дни свои въ му́чении.

Ахъ! лу́чше не роди́ться въ́вѣкъ,

Чѣмъ въ жи́зни кажды́й ми́гъ перза́тсья

И сме́рти кажды́й ми́гъ бо́ясья!

Ни́чтоже́ство! ты́ благо́ намъ;

Ты лу́чше ка́пли наслажде́ній

И моря спра́шныхъ огорче́ній;

Ты дру́гъ чувствительнымъ се́рдцамъ,

Всегда́ наде́ждой обо́льщеннымъ,

Всегда́ по́скою изну́реннымъ!

Что́ насъ за гробомъ жде́тъ, не знае́тъ и му́дрецъ;

Моги́ла, плѣ́нне́ всему́ ли е́сть ко́нечъ?

Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небожь воспаривъ, жить будешь въ тѣлѣ
новомъ?

Сей тайны избъ людей никто не разрѣшилъ.
И червя произвелъ Творецъ непоспѣжимый;
Живошныя и мы Его рукой хранимы;
Имъ, также какъ и намъ, Онъ чувствѣ со-
общилъ.

Подобно намъ, онъ родится, умираютъ:
Гдѣ будешь ихъ душа? Гдѣ будешь и швоа,
О бренный челоѣкъ? Въ нихъ чувства исче-
заютъ,
Исчезнутъ и во мнѣ: увы! чтожь буду я?

Но кто избъ смертныхъ разсуждаетъ?
Скупецъ богатства собираетъ,
Какъ будшо вѣкъ ему здѣсь жить;
Пловцы сражаются съ волнами —
За чѣмъ? Чтѣмъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельстишь.

Предъ мощнымъ слабость пренежала,
Онъ громъ держалъ въ своихъ рукахъ;
Чело скрывалъ въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ — земля пылала;
Но меркнетъ свѣтъ въ его очахъ,
И богъ земный — падетъ во прахъ.

Какъ розы юныя прелестны,
И какъ прелестна красота!
Но что же есть она? Мечта;
Темнѣетъ цвѣтъ ея небесный;
Минуша — и прекрасной нѣтъ!
Вздохнувъ, любовникъ прочь идетъ.

Такъ все проходитъ здѣсь, и скоро гласъ
пріятный

Умолкнешъ навсегда для слуха моего;
Свирѣли, звуки арфѣ ему не будущъ внишны;
Заспынешъ въ жилахъ кровь отъ хлада своего.

Изчезнушъ для меня всѣ прелести земныя;
Ливанское вино преспанешъ вкусу льстившъ;
Преклонишся отъ лѣтъ слабѣющая нынѣ,
И томною ногой я долженъ въ гробъ вступить.

Подруги нѣжныя, копорыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ: просните навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не разцвѣщешъ для старца никогда.

А ты, о юноша прелестный!
Спѣвши цвѣшъ весною рвашъ,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣи въ забавахъ провождать:
Забава есть швое спихѣ;
Улыбка красишъ дни младыя.

За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же шихам луна
Явишся на небѣ съ звѣздами,
Спѣвши къ возлюбленной своей —
Забудь на время мудрость съ ней.

Люби, но будь во всемъ умѣренъ;
Полъ нѣжный часто намъ цвѣренъ;
Любя, умѣи и разлюбить.
Привычки, склонности и спрасни
У мудрыхъ должны бытъ во власни:
Не мудрымъ цѣпи ихъ носишъ.

Намъ все *употреблять* для щастїя возможно;
 Во зло *употреблять* не должно ничего;
 Спокойно разбирай, что истинно, что ложно;
 Спокойствїе души зависишь отъ сего.

Самъ Богъ тебѣ велишь прїяннымъ наслаждаться,

Но помнишь своего Великаго Творца:
 Онъ нѣжный вамъ Отецъ, о нѣжныя сердца
 Какъ сладостно Ему во всемъ повиноваться!

Какъ сладостно предъ Нимъ и плакать и
 вздыхать!

Онъ любитъ въ горести несчастныхъ утѣшать,
 И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы осушаетъ;
 Прохладнымъ вѣтеркомъ ихъ сердце освѣжаетъ.

Не будь ни въ чемъ излишно спорогъ;
 Щади безумцевъ горделивыхъ,
 Щади невѣждъ самолюбивыхъ;
 Безъ гнѣва обличай пороки;
 Добро всегда собой прекрасно,
 А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другимъ,
 Ты будешь слабыми любимъ;
 Любовь же есть святой учитель.
 И кто не падалъ никогда?
 Мудрецъ, народовъ просвѣщитель,
 Бывалъ ли мудръ и швердъ всегда?

Въ какихъ странахъ благословенныхъ
 Сїяетъ вѣчно солнца лучъ,
 И гдѣ не видимъ бурныхъ тучъ,
 Огнями молній воспаленныхъ?
 Ахъ! самый лучший изъ людей
 Бывалъ игрищемъ страстей.

Не только для благихъ, будь добрѣ и для
 коварныхъ,
 Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары лѣетъ.
 Прекрасно другомъ бытъ сердецъ неблагодарныхъ!
 Награды никогда великій мужъ не ждетъ:

Награда для него есть совѣсть, духъ покойный.
 (Безуміе и злость: всегда враги уму:
 Вниманія его ихъ спрѣлы недостойны;
 Онъ ими неязвимъ: премудрости щипъ ему.)

Сіяютъ передъ нимъ безсмертія свѣтили;
 Божественный огонь блеспишь въ его очахъ;
 Ему не спрашенъ видъ опверсшыхъ могилъ:
 Онъ тѣломъ на землѣ, но сердцемъ въ небесахъ.

КАРАМЗИНЪ.

VI.

ЛОМОНОСОВЪ.

Кто Росску Пиндару желаетъ
 Въ восторгахъ пылкихъ подражать,
 Во слѣдъ Икара тошъ дерзаетъ
 На крыльяхъ восковыхъ лепашъ:
 Вознесетъ къ облакамъ; но вскорѣ,
 Лишь солнца силу ощутишь,
 Низринетъ спремглавъ, и море
 Безумца имя возвѣстишь.

Какъ быспрый токъ струи скопленны
 Спрямишъ съ крушой вершины горъ,
 Кристалы льешъ на брегъ зеленый,
 Дремучій будишъ шумомъ боръ:
 Такъ звучной лирою Ломоносовъ
 Сопровождаъ громкѣй стихъ,
 Пльняешъ слухъ и души Россовъ,
 И усладишъ пономспво ихъ.

Творца глаголы повпоряя,
 На судъ ли смертнаго съ Нимъ звалъ:
 „Онъ гласомъ грома прерывая,
 „Словами небо колебалъ;
 „Съ покрышыя пучины мглою
 „Хаосный, лбноспный шуманъ
 „Разгналъ всесильною рукою,
 „И съ суши сдвигнулъ Океанъ!“

Поешъ ли, какъ восходъ денницы,
 Минервы шеспвѣе на шронъ;
 Коль важно подвигъ сей Царицы,
 Коль громко возглашаетъ онъ:
 „Самъ Богъ ведешъ, и кто прошиву?
 „Кто ходъ Его оспановишъ?
 „И океанскихъ водъ разливу
 „На вспрѣчу кто поставишъ щипъ?“

Любви ль предѣлъ изображаетъ:
 Какъ кисть его оживлена!
 Какою прелеснью пльняешъ
 Волшебна райская страна!

„Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами;
 „Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
 „Межъ бисерными облаками
 „Сіяетъ злато и лазурь!“

✱

„Древа лиспами помаваютъ,
 „И нѣжну ощущая власъ,
 „Другъ друга въпльми обнимаютъ;
 „Въ бездушныхъ тамъ любовна спрасъ:
 „Ручьи во слѣдъ ручьямъ крушаща,
 „То гонятъ, то себя манятъ;
 „То прямо другъ къ другу спремаша,
 „И слившись, межъ собой журчатъ.“

✱

За Марсомъ ли во слѣдъ дерзая,
 Сраженій представляетъ видъ:
 „Съ трофея на трофей спупая,
 „Россійско воинство спѣшитъ.
 „Орламъ симъ воды, лѣсъ, стремнины,
 „Глухія степи — равенъ путь;
 „Нося перуи, полки орлины
 „Парятъ, гдѣ въстрѣ лишь можетъ душъ.“

✱

Съ такою дерзостью чудесной
 Извѣдавъ неусталость крылъ,
 Верхъ облакъ въ синевѣ небесной
 Россійскій сей орелъ парилъ.
 Но я, какъ пчелка, надъ землею
 Съ трудомъ съ цвѣтовъ сосуща медъ,
 Я пишу пѣснь жужжать лишь смѣю;
 Высокій спрашенъ мнѣ полетъ!

✱

Державинѣ! пы на лирѣ звонкой
 Воспой великія дѣла
 Царицы, что побѣдой громкой
 Моря и сушу потрясла!
 Воспой боговѣ сей дарѣ безцѣнной,
 Дороже коего они
 Не могутъ ниспослать вселенной,
 Хотьъ возвращаишъ злые дни.

Воспой томѣ день прикрашѣ щастливой,
 Когда на жертвенникѣ побѣдѣ
 Зеленый лаврѣ, обвишѣ оливой,
 Опа въ знакѣ мира вознесешъ;
 Тогда и я, въ толпѣ народа,
 Участникѣ общаго добра,
 Во время пышна къ храму хода,
 Съ восторгомѣ возглашу: ура!

Съ тобой мы вмѣстѣ радость нашу
 Явимъ усерднымъ торжествомѣ:
 Безцѣнныхъ пы масличковѣ чашу
 Возжешъ предѣ мирнымъ божествомѣ;
 Чертогѣ швой, яркими звѣздами
 Украшенѣ, ночью возблескишъ,
 И радостными голосами
 Въ немѣ гимнѣ Астреѣ возгремишъ!

А я, помосѣ усынавѣ храма
 Врощенными цвѣтами мной,
 Возгугу въ немѣ горстку еимѣама,
 Съ бѣлѣйшею лилей свѣчой

Изъ воска, что съ полянки смежной
Трудолюбивая пчела,
За мой о ней надзоръ прилѣжной,
Съ избыткомъ въ даръ мнѣ принесла.
Капнисть.

VII.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Май благодатный
Въ сонмѣ Зефировъ
Съ неба лешишь;
Полною урной
Сыплешь цвѣпочки;
Лугъ зеленишь;
Всѣхъ исполняешь
Чувствомъ любви!

*

Выдемъ пинаться
Воздухомъ чистымъ;
Что намъ сидѣть
Въ мертвыхъ снѣгахъ?
Душно здѣсь, пыльно —
Выдемъ, друзья!
Пусть намъ покажетъ
Бабочка пушь.

*

Тамъ, гдѣ широко
Спелется поле

Въ синюю даль,
 Волъ крушорогій
 Пажишь вкушаетъ
 Въ стадъ юницъ;
 Прыжкіе кони
 Свачушъ и ржушъ.

✱

Вижу — онъ Юга
 Тянуся шучей
 Лебеди къ намъ;
 Ласпочка въ свѣпломъ
 Небѣ кружишся,
 Мчишся къ гнѣзду.
 Пахарь оставилъ
 Мирный свой кровъ;

✱

Онъ ужъ надъ пашней
 Въ полѣ прудится;
 Либо въ саду
 Гряды копаешъ,
 Чистишъ прививки,
 Полешъ праву;
 Либо за пшичьимъ
 Смотришъ дворомъ.

✱

Дѣвушки сельски
 Гоняшъ овечекъ
 Бѣленькихъ въ лугъ;
 Все оживилось,
 Все заиграло,
 Пшички поюшъ.
 Радость обвѣмлетъ
 Душу мою!

✱

Свѣсившись съ холма ,
 Смотряпся изы
 Въ зеркало водъ.
 Гибкїя вѣтви
 На берегъ злачный
 Ринули шѣнь.
 Какъ здѣсь прохладой
 Сладко дышашъ !

*

Пшичекъ подъ шѣнью
 Весело слушаешъ ! . . .
 Ахъ , еслибъ вдругъ — —
 Пшички , попише !
 Слышипся шорохъ . . . . .
 Лизанька , пы ?
 Тѣни , разкиньтешъ !
 Лиза со мной !

Востоконъ.

НА ПРИВѢТІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ИЗЪ
МОСКВЫ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1742 ГОДА,
ПОСЛѢ КОРОНАЦИИ.

Какой пріятный Зефиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Накалъ красота яснѣетъ?
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу Дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтлѣющей.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ.
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Ботнѣйскихъ водъ препещутъ.

Взнесись превыше молній, Муза,
Какъ быстрый съ Пиндаромъ орелъ;
Гремящихъ арфъ ищя союза,
И въ верхъ пари скорѣ спрѣлъ;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назономъ;
Превысь Парнассъ высокимъ тономъ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей, съ собой води
Въ торжественъ ликъ древа и воды
И всѣхъ звѣрей пустынныхъ роды.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантскихъ къ небу смежныхъ горъ;
Внушай свои вселенной рѣчи;
Блюдись спустишь свой въ доли взоръ;

Надъ тучи онымъ проспірайся,
И выше облакъ возвыщайся,
Слѣши звучащей славѣ въ слѣдѣ!
Но ея весь пространный свѣтъ
Наполненный, спрашась, чудишься!
Какъ въ стихѣ возможно ей вмѣститься?

Однако ты и тѣмъ щаслива,
Что пишешься похвалы воспѣвать
Всея земли красы и дива,
И тѣмъ красу себѣ снискавъ:
Ты твердь оставь, о древня лира,
Взнесенна баснями къ верьху міра!
Моя число умножитъ звѣздъ,
Возвысившись до горнихъ мѣстъ
Парящей славою орлицы,
Пріѣвъ отъ Россіи свѣтъ денницы.

Священный ужасъ мысль объемлетъ!
Отверзъ Олимпъ всеильный дверь;
Вся пварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря Монарховъ Дщерь,
Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердецъ избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Сстоящу предъ Его лицемъ,
Котору въ свѣтъ Онъ своимъ
Прославивъ, щедро къ Ней взираетъ,
Завѣтъ крѣпитъ и утѣшаетъ:

„Благословенна вѣчно буди —
Вѣщаетъ Вѣхій деньми къ Ней —
„И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти Я твоей!

Твои любезныя доброшы
 Влекутъ къ себѣ Мои щедрошы.
 Я въ гнѣвѣ Россамъ былъ пворецъ,
 Но нынѣ паки имѣ отецъ:
 Души твоей крошчайшей сила
 Мой гнѣвъ на крошоснѣ преложила.

„Утѣшилъ Я въ печали Ноя,
 Когда пошдпомѣ мѣрѣ казнилъ;
 Дугу поставивъ въ знакѣ покоя,
 И тою съ нимъ завѣшъ чинилъ.
 Хотѣлъ Россію бѣдѣ водою
 И гнѣвною казнить грозою;
 Однако, для заслугъ твоихъ,
 Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ:
 Тебя поставилъ въ знакѣ завѣща
 Надъ знаиѣишею частію свѣта.

„Мой образъ чпяти въ тебѣ народы
 И отъ Меня вѣиный духъ;
 Въ безчисленны промчипсея роды
 Добротъ твоихъ неложный слухъ.
 Тобой поставлю судъ правдивый,
 Тобой сотру сердца кичливы,
 Тобой Я буду злость казнить,
 Тобой заслугамъ мзду дарить.
 Господствуй; утвержденна Мною!
 Я буду завсегда съ тобою.“

Но что спраны вечерни шмятсея,
 И дождь кровавыхъ капель льютъ?
 Что Финскихъ рѣкъ спруи дымипсея,
 И доли съ влагой пламень пьютъ?

Тамъ, видя выше горизонша
 Входяща Готеска Фаепопта
 Противъ печенія небесъ,
 И вкругъ себя горящій лѣсъ,
 Тюмень въ брегахъ своихъ мушится,
 И воды скрышь подъ землю щипится.

Препящимъ окомъ Вседержитель
 Возрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ:
 „О дерзкій мира нарушитель!
 Ты мечъ прошивъ Меня извлекъ.
 Я правлю солнце, землю, море:
 Кто можешь спастъ со Мною въ споръ?
 Моя десница мещетъ громъ;
 Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ;
 Я небо мракомъ покрываю;
 Я самъ Россію защищаю!“

Но Вышній зракъ свой опвращаетъ
 Отъ Готескихъ ослѣпленныхъ странъ,
 И шѣмъ продержосъ ихъ смущаетъ,
 Трясетъ полки ихъ, флотъ и спанъ,
 Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонитъ
 И древъ верьхи высоки клонитъ.
 Богинѣ Росской громъ вручилъ,
 Чѣмъ злосъ разитъ противныхъ силъ:
 „Прими разжеины къ месни спрѣлы,
 Разсыпъ враговъ своихъ предѣлы!“

Спокольмъ, глубокимъ сномъ покрытый!
 Проснись, познай Петрову кровь;
 Не жди льщенцовъ своихъ защиты,
 Оприни коварну ихъ любовь;

Ты все Солнце почитаешь,
 И предъ Луной себя склоняешь;
 Цблуй Елисаветинъ мечъ,
 Что ты принудилъ самъ извлечь;
 Его мягчишь одна покорность,
 Остришь кичливая упорность.

Примѣры храброси Россійской
 Представъ щеперъ въ умѣ своемъ;
 Возри на Донъ и край Поншійской,
 Смиранный мстищельнымъ огнемъ;
 Тамъ степи, кровью напоенны,
 Взраспили лавры намъ зелены;
 Багрова тамъ земля тряслась,
 И къ небу съ дымомъ пылъ вилась;
 Россіинъ твердо грудь стояла,
 И слава ихъ во мглѣ блискала.

Свою Подпавску вспомни рану,
 Что знашь еще въ груди швоей,
 И гордосць при Днѣпрѣ пограну,
 И многій плѣнъ швоихъ людей,
 За Обскіе брега вселенны,
 Хребтомъ Рифейскимъ заключенны,
 За коимъ сильна Росска власць
 Велику держишь Вспока часць,
 Гдѣ орды ей собираютъ дани,
 По ней всегда готовы къ брани.

Какъ лишь рѣкамъ не лзя къ вершинѣ
 Противъ крушизны водъ своихъ,
 И силы взяшь огню въ пучинѣ:
 Такъ къ намъ ввести людей швоихъ.

Орлы на то и не взираютьъ,
 Что Львовы челюсти зѣяютьъ.
 Вопице пивой хитрый былъ совѣтъ;
 Россію самъ Господь блюдетъъ:
 Рукою Онъ Елисаветы
 Противныхъ разрушитъ навѣщы.

Уже и моремъ и землею
 Россійско воинство печетъъ,
 И сильной крѣпостію своею
 За лѣсъ и рѣки Гоголевъ жметъъ!
 Огня ревущаго удары
 И свистъ ошъ ядръ летящихъ ярый
 Сгущенный дымомъ воздухъ рвущъ,
 И шажки горъ сердца прясущъ;
 Уже мрачущся свѣтъ полдневный,
 Повсюду видъ и слухъ плачевный.

Тамъ кони бурными ногами
 Взивающъ къ небу прахъ густой;
 Тамъ Смерть межъ Гопескими подками
 Бѣжитъ, ярься, изъ спроя въ спрой,
 И алчну челюсть отверзаетъ,
 И хладны руки простираетъ,
 Ихъ гордый испоргая духъ;
 Тамъ тысячи валящся вдругъ.
 Но естели хочешь видѣть ясно,
 Коль Росско воинство ужасно:

Взойди на брегъ крушой высоко,
 Гдѣ кончится землею поитъ;
 Проспри свое чрезъ воды око,
 Коль много обнялъ горизонтъ;

Внимай, какъ Югъ пучину давитъ,
 Сб пескомъ мушитъ, зыбъ на зыбъ ставитъ
 Касается морскому дну,
 На сушу гонитъ глубину,
 И сб моремъ дождь и градъ мѣшаетъ:
 Такъ Россѣ прошивныхъ низлагаетъ!

Какъ ежели на Римлянѣ злился
 Плутонъ, являя гнѣвъ и власть,
 И ешлы градъ шому чудился,
 Что Курцій, видя мрачну пасль,
 Презрѣлъ и младосль и породу,
 Погибъ за Римскую свободу,
 Сб разбѣзду въ оную скочивъ:
 То се, Квирины, Маркъ вашъ живъ
 Во всякомъ Россѣ, что безъ спраху
 Чрезъ огонь и рвы печетъ сб размаху!

Всякъ мнитъ, что равенъ онъ Алкиду,
 И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
 Или, ужасную Эгиду
 Нося, враговъ своихъ спрашитъ,
 Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ,
 Противныхъ силу презираетъ;
 Смѣсившись сб прахомъ, кровь кипитъ;
 Здѣсь шлемъ сб главой, шамъ шруцъ лежитъ
 Тамъ мечъ сб рукой опбитъ валился.
 Коль злоба жестоко казнится!

Народы, нынѣ научишесь,
 Смотря на спрашну гордыхъ казнь!
 Союзы разрушатъ блюдишесь,
 Хранише искренню прѣзнь;

На множество не уповайте,
 И тѣмъ Небесъ не раздражайте:
 Мечи, щипы и крѣпость спѣнѣ
 Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и плѣнѣ;
 Предъ Нимъ и горы исчезающѣ,
 Предъ Нимъ пучины изсыхающѣ.

Бѣжашѣ въ свой путь съ весельемъ многимъ
 По холмамъ грозный Исполинъ,
 Спускаешѣ по вершинамъ спротивъ,
 Презрѣвъ глубоко дно долинъ;
 Вышѣ воздухъ вихремъ за собою;
 Подъ сильною его пятою
 Ремнистые бугры прещашѣ,
 И слѣдомъ дерева лежатѣ,
 Что множество вѣковъ спояли,
 И бурей яроснѣ презирали:

Такъ флотъ Россійскій въ понѣ дерзаетѣ,
 Такъ роетѣ онъ поверхъ валовъ;
 Надменна бездна уступаетѣ,
 Спеша отъ шлюпки судовъ;
 Во слѣдъ за скорыми кормами,
 Спѣшашѣ сѣдая пѣна рвами;
 Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
 Наносятѣ Готтамъ страхъ великъ;
 Уже надежду опровергающѣ,
 И въ мглѣ свой флотъ и спыдъ скрываютѣ.

Не Шведъ ли мнилъ, что онъ главою,
 Какъ Апласъ, держашѣ цѣлой свѣтъ,
 И море сильною рукою
 И полной властью въ узахъ жметѣ;

Чшо твердь съ собой въ союзъ свяжешъ,
 И вспянь идти лунъ укажешъ?
 Однако родъ Россійскій зналъ,
 И мысленно тогда взиралъ,
 Когда онъ спалъ на насъ грозиться,
 Какъ онъ бѣжитъ, какъ насъ спрашився!

На нивахъ жатву оставляешъ,
 Отъ мести успрашенный Финъ,
 И съ горъ оцѣпенѣвъ взираешъ
 На дымъ, всходящій изъ долинъ,
 На мечъ, на Гомеовъ обнаженный,
 На пламень, въ селлахъ возпаленный:
 Тамъ ночью отъ пожаровъ день,
 Тамъ днемъ въ пыли ночная тѣнь;
 Багровый облакъ въ небѣ рѣшетъ,
 Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ.

Но, холмы и древа, скачите,
 Ликуйте множеству озеръ!
 Руками рѣки восплещите,
 Пенрополь буди вамъ примѣръ:
 Елисавета къ вамъ приходитъ,
 Оспраду съ пишиной приводитъ;
 Любя вселенныя покой,
 Уже простершой вамъ рукой
 Даруетъ мирныя оливы,
 Щадишь велишь луга и нивы.

Хотя съ вамибъ, Гомеы, къ намъ доспигли
 Поящи Западъ бысприны,
 Хотя бы вы на насъ воздвигли
 Союзы ваши всѣ страны;

Но пищешны былибъ всѣ походы;
 Незнаемые вамъ народы,
 Чпо дааѣ Сѣвера живутъ,
 Того по всѣ минушы ждущъ,
 Чпо имъ велищъ Елисавета —
 Гоцовы спашъ прошиву Сѣша!

О слава женъ, во свѣтѣ славныхъ,
 Россіи радостъ, спрахъ враговъ,
 Краса Владѣтельница державныхъ!
 Всякъ кровь свою пролилъ гоцовъ
 За многіа Твои доброты
 И къ подданнымъ Твоимъ щедроты.
 Твой слухъ пѣнилъ и шѣхъ людей,
 Чпо спранствуютъ среди зѣрей,
 Чпо еѣ люпыми пасушся львами:
 За честъ Твою воспанушъ съ нами.

Твое прехвадно имя пишешъ
 Неложна слава въ вѣчномъ лѣдѣ,
 Всегда гдѣ хладный Сѣверъ дышетъ,
 И только вѣрой щеплѣ къ Тебѣ;
 И степи, въ зноѣ опдаленны,
 Къ Тебѣ любовію возженны,
 Еще усерднѣе горятъ;
 Къ Тебѣ отъ вѣчныхъ спранъ спѣшатъ
 Уже Американски волны
 Въ Камчатской портѣ, веселья полны.

Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
 Веселья больше, нежели водѣ,
 Чпо видѣли судовъ Россійскихъ.
 Прошивъ враговъ щастливый ходѣ.

Колю радостенъ женихъ въ убранствѣ,
 Толь Финскій понти въ Твоемъ подданствѣ.
 Въ проливахъ, въ устьяхъ рѣкъ, въ губахъ
 Играя, Нимфы вьютъ въ рукахъ,
 Монархиня, вѣнцы лавровы,
 Тебѣ воспѣвая пѣсни новы.

О чистый Невскій токъ и ясный,
 Щастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ,
 Что сей Богини ликъ прекрасный
 Кропишь теперь отъ струй своихъ!
 Спремись, шуми, беки обильно,
 И быстриной швоей насильно
 Промчись до Шведскихъ береговъ,
 И больше устрои враговъ,
 Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
 Что здѣсь зимой весна злая.

Какъ лютый мразъ она прогнавши,
 Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
 Туманы, бури, снѣги поправши,
 Являетъ ясны дни спранамъ,
 Вселенну паки воскрешаетъ,
 Нашуру намъ возобновляетъ,
 Поля цвѣтами краситъ вновь:
 Такъ вынѣ милость и любовь,
 И свѣтлый дщери взоръ Петровой
 Насъ жизнью оживляетъ новой.

Какая бодрая дремота
 Открыла мысли явный сонъ?
 Еще горитъ во мнѣ охота
 Торжественный возвысить тонъ!

Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
 И купно ясный день сіяетъ!
 То сердце сильна власъ спрашивъ,
 То крошится оное живитъ;
 То бодрость спрахъ, то спрахъ шу клонитъ,
 Противна спрассъ противну гонитъ!

На Западъ смотришь грознымъ окомъ
 Сквозь дверь небесну духъ Петровъ;
 Во гнѣвѣ сильномъ и жестокомъ
 Пресупныхъ Онъ мяшетъ враговъ.
 Богиня крошко съ Нимъ взираетъ
 На Невскій берегъ, и проспираетъ
 Свой перстъ на Дщерь свою съ высотъ:
 Возри на образъ Твой и плодъ,
 Что всѣ дѣла Твои возставитъ,
 И въ свѣтѣ тѣмъ себя прославитъ!

„Исполненъ я веселья нынѣ,
 Что вновь дѣла мои растушъ!
 — Вѣщаетъ ПЕТРЪ къ ЕКАТЕРИНѢ —
 „Твои совѣты всѣ цвѣтушъ;
 Блаженны Дщерью Мы своею;
 Рука Господня буди съ нею!
 Блаженъ пошъ годъ, пошъ день и часъ,
 Когда Господь ущедрилъ Насъ,
 Подавъ ее намъ на утѣху
 И всѣхъ трудовъ моихъ къ успѣху!“

Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
 Война при Шведскихъ берегахъ
 Съ ужаснымъ спономъ возрыдаетъ;
 Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.

Союзъ приходитъ вождьѣнный,
 И гласъ возноситъ къ ней смиренный!
 „Престань прекрасный вѣкъ мрачить;
 И Фински горы кровавить —
 Се царствуетъ Елисавета,
 Да миръ подастъ предѣламъ свѣта!

„Хотя швои махины грозны —
 Но сплавлю ихъ въ сваянный видъ,
 Чтобъ знали впредъ попомки поздны,
 Что нынѣ свѣтъ Россіи зрѣтъ.
 Я вѣщи учиню премѣны,
 Когда градовъ проспранны сѣны
 Безъ пагубы людской сопру,
 Въ огромные столпы сберу;
 Превыше будутъ тѣ Мемфійскихъ
 Монарховъ славою Россійскихъ.

„Мечи швои и копы вредны
 Я въ плуги и въ серпы сую;
 Пребудутъ всѣ поля безбѣдны,
 Отвергнувъ люшу власъ швою;
 На мѣстѣ брани и раздора
 Цвѣты свои разсыплетъ Флора;
 Разить не будетъ сѣрный прахъ
 Сквозь воздухъ, огонь и смерть въ полкахъ;
 Но озаривъ веселы ночи,
 Восхититъ зрящихъ духъ и очи.“

Еще пѣвѣнна мысль мушится!
 Я слышу Стихотворцевъ шумъ,
 Которыхъ жаръ не погасится,
 И будетъ члущихъ двигать умъ;

Завистию на меня взирая,
 И съ жалостію воздыхая,
 Ко мнѣ возносятъ скорбный гласъ:
 О коль ты щаспливѣ насъ!
 Намъ слоги исполненъ басней лживыхъ:
 Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

На чѣобы вымышлять намъ ложно
 Безъ вещи имена однѣ,
 Когда бы было намъ возможно.
 Рожденнымъ въ Росской бытъ спранъ
 Въ сіе благословенно время,
 Въ которое Петрово сѣмя,
 Всѣхъ женъ хвала, Елисаветъ,
 Сладчайшій Музамъ вѣкъ даетъ!
 Въ Ней зряшся истинны доброты,
 Геройство, красота, щедроты.

Что толь пріипный сонъ смущаетъ,
 Восторгъ пресладкій гонитъ прочь,
 И чѣпо спокойну брань скрываетъ,
 И отвращаетъ ясну ночь?
 Возноситъ Востокъ и Западъ клики!
 Согласно разные языки
 Гласятъ къ Монархинѣ своей:
 Господь ущербомъ нашихъ дней
 Умножь Твои дражайши лѣта
 Къ оправдъ и защитъ свѣта!

Когда бы древни вѣки знали
 Твою щедроту съ красотой,
 Тогда бы жертвой почивали
 Прекрасны въ храмъ образъ Твой.

Чтожь будущіе скажутъ роды ?
 Покрышы кораблями воды
 И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
 Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
 Великій Петръ намъ далъ блаженство,
 Ели савета совершенство !

Цѣлуй, Петрополь, шу десницу,
 Которой долго ты желалъ;
 Ты паки зришь Императрицу,
 Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
 Не такъ поля росы жаляютъ,
 И въ зной цвѣты опъ жажды таютъ;
 Не такъ способныхъ въпровъ ждеиъ
 Корабль, что въ тихій портъ плывеиъ,
 Какъ сердце наше къ Ней пылало,
 Чтобъ къ намъ лице Ея сіяло !

Красуйся, духъ мой восхищенный,
 И не завидуй тѣмъ шворцамъ,
 Что носятъ лавръ похвалъ зеленый;
 Доволенъ будь собою самъ:
 Твою усердѣйшую ревность
 Ни гнѣвъ спихій, ни мрачна древнось
 Въ забвеніи не могутъ скрыть,
 Котору будуще въ вѣкъ хранишь
 Дѣла Петровой Дщери громки,
 Что стануиъ позданъ чести попомки.

Ломоносовъ.

Небесъ лазори помраченны
 Румянишъ пихая заря;
 Огнемъ и свѣтомъ насыщенны,
 Кони вывозяшъ дней царя.
 Блѣднѣютъ ночи кровы темны;
 Морфей во пропасни подземны
 Уносишъ грѣзы и мечпы;
 Главу его вѣнчаютъ маки;
 Ему вѣ слѣдѣ идутъ сны и мраки,
 И наступающъ суеши.

Орелъ, любимецъ гордый грома,
 Направилъ вѣ высоту полетъ;
 И, мнишся, онъ достигнетъ дома,
 Ошколь изходитъ солнца свѣтъ.
 На нивахъ перепелъ стениящій,
 На сучьяхъ соловей гремящій,
 Супругъ своихъ къ себѣ зовущъ;
 Восходомъ солнца восхищенны,
 Цвѣшны и правы оживленны,
 Пріятну ушра росу пьющъ.

Пасухъ, подбѣтъ съ одра зарею,
 Пасушки юныя вѣ очахъ.
 Зря ясно, какъ любимъ онъ ею,
 Чѣмъ поже видѣшь на лугахъ,

Часть I.

Г

Спѣшитѣ опѣ ней . . . она вздыхаетѣ,
 По волѣ вѣтровѣ распускаетѣ
 Нѣжнѣйши мѣтка льна власы;
 Зефиры, вѣ нихѣ рѣзвѣсь, играютѣ,
 То прячутѣ, то опять являютѣ
 Сокровища еѣ красы.

Натура, вѣ ризѣ изнещренной,
 Любѣща нѣжну простотѣ,
 Сѣ еѣ красой неухищренной
 Свою сливаетѣ красоту.
 Вѣ дугахѣ цвѣтущихѣ, близко стада,
 Пастушку ждетѣ еѣ отрада:
 Сѣ журчаньемѣ чистаго ручья
 Пасухѣ свой голосѣ соглашаетѣ,
 Цвѣтшѣ вѣнками украшаетѣ
 Вѣ ней прелестѣ жизни своеѣ.

Среди кустовѣ, вѣ тѣни зеленоѣ,
 Любовь утѣхамѣ спавишѣ проишѣ,
 Опѣ естество неудаленной,
 Имѣ пишетѣ щастіе законѣ.
 Всегда желанія ихѣ сѣ ними;
 Довольны благами своими;
 Всегда щастливые собой,
 Собой вселенну замѣняютѣ;
 Того блаженствомѣ не считаютѣ,
 Чего имѣ не дано Судьбой.

Кѣ водамѣ, и чистымѣ и прозрачнымѣ,
 На брегѣ, усыпанный пескомѣ,
 Подѣ сѣнь кѣ ловишвамѣ рыбѣ удачнымѣ
 Идетѣ надежда сѣ рыбакомѣ.

Зефиромъ зыблемая уда
Манишь рыбъ жадныхъ оповсюда,
И пягосшь ощушивъ рука,
Весельемъ душу восхищаешь;
Дрожанью уды отвѣчаешь
Дрожанье сердца рыбака.

✱

Почтеннѣ питатель смертныхъ рода
Но тучнымъ пажитимъ спѣшивъ;
Чья шрудъ его сама Природа,
Согбенны класы золошитъ.
Онъ смертнымъ жизнь съ полей собираешь,
И униженъ презираешь,
Чѣмъ пышность гордая претитъ.
Его полезнѣйшей заботъ;
Въ священной рукъ его работъ
Блаженство мѣра состоитъ.

✱

Какъ солнце изъ-за горъ выходитъ
Вамъ, пастыри, сѣять съ небесъ,
Въ селеньяхъ вашихъ не находить
Ни спрашнхъ горестей, ни слезъ.
Межъ вами игры лишь и смѣхи
И самы чистыя упѣхи;
Всякъ часъ свирѣлей слышатъ гласъ,
И видны Грацій нѣжны пляски;
Пріятства ваши всѣ безъ маски;
Натура гонитъ ласкъ отъ васъ.

✱

Но, ахъ! въ обитель позлащенну,
Гдѣ пагубѣ намъ печетъ рѣка,
Природу гдѣ униженну
Терзаешь гордости рука,

И гдѣ величіе уныло
 Спенетъ, само себѣ постыло,
 Приводитъ скорбный день зря:
 Тамъ пѣнй радостныхъ не слышно,
 Съ одра злешаго радость пышно
 Встаетъ, въ полудни упрѣ зря.

✱

Лучами свѣта ушращенный,
 Скупой блѣднѣетъ на одрѣ;
 Съ покоемъ страхомъ разлученный,
 Спѣшивъ искашь души въ серебрѣ;
 Спрашася сокровищъ похищенья,
 Спрашився собственна движенья;
 Заклепы швердые открывъ,
 Свое онъ злато видитъ цѣло:
 Но время смерти ужъ приспѣло —
 Все шрашивъ, спавъ невольно чивѣ.

✱

Рабъ щастья выю уклоняетъ
 Предъ олшаремъ, гдѣ истуканъ
 Честней подъ игомъ воздыхаетъ,
 Своимъ величіемъ погранъ.
 Онъ въ низосяхъ такъ швердѣ, какъ камень;
 Онъ жадности сердечной пламень
 Завѣсой лесни щасъ закрытъ,
 Являетъ и въ мученьи радость. . . .
 Нещастный! вся его въ шомъ сладость,
 Что только хочетъ щастливъ быть.

✱

Заразъ своихъ увядость видя,
 Жена, привыкшая прельщашъ,
 Дневнаго свѣта ненавида,
 Не можетъ горести вмѣщашъ.

Бодришь свои унылы чувства ;
 Коварная рука искусства
 Ей пишешь на лицах красы ;
 Безчиньемъ взоръ ея пылаешь ,
 И юношество привлекаешь
 Губишь дражайшіе часы.

*

Въ сѣни, священна правды храма
 Какая скорпія ползешь ?
 Всюду изъ чаши , полной срама ,
 Она невинныхъ слезы пьешь ;
 Законовъ въ кривизнахъ вѣся ,
 Сія змѣя , шипя , клубяся ,
 Всюду очи песпрошой мрачитъ .
 То лакомство , взявъ правды виды ,
 Во имя праздныя Темеиды ,
 Кривыми полками звучишь .

*

Для должности и славы мерзвы ,
 Какія пѣни тамъ сидишь ?
 Погибельныя спраски жертвы
 Въ порочномъ блѣдны дни губишь .
 Форшуна , въ выборахъ слѣпая ,
 Изъ урны ихъ судьбу бросаю ,
 Изъ нихъ невиннѣйшихъ разишь ;
 Игрою скрывъ щедроты льстивы ,
 Какъ Сфинксъ , опустошавшій Оивы ,
 Гаданьемъ къ гибели манишь .

*

И въ ономъ сонмѣ смертныхъ блѣдныхъ ,
 Друзей , ведущихъ вѣчну прю ,
 Себѣ и обществу зловредныхъ ,
 Какихъ спрашилищей я зрю ?

Опчаянїе тамъ скрежещебъ,
 И яросць пылки взоры мещебъ:
 Нѣтъ жалости и чести нѣтъ!
 Корысть и алчность ими правитъ;
 Коварство люты сѣти спавитъ
 И зломъ къ бѣдѣ влечетъ.

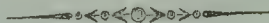
✱

Скрывая пропасти цѣвшами,
 Се — како смертные спѣшатъ
 Къ гибели, котору сами
 Себѣ въ безумїи творятъ!
 Сребро имъ очи ослабляетъ,
 Ихъ гордость въ узы уловляетъ;
 Невольники своихъ спрасей,
 Одну тѣнь щастїя хватаютъ,
 О камень ногу претпыкаютъ,
 Сврапясь невинности съ пущей.

✱

Блаженъ, кто, самъ собой влада,
 Среди волненья бурь мїрскихъ
 Пристанище въ себѣ имѣя,
 Возможенъ, презирая ихъ,
 Чуждалися пороковъ лести!
 Всѣ мїра пышны знаки чести,
 Въ очахъ премудрости прямой,
 Приманка лишь умовъ незрѣлыхъ,
 Игра младенцевъ престарѣлыхъ,
 Ошрада слабости одной.

Княжнинъ,

НА РАЗБИТІЕ ЕГИПТЯНЪ,
ПРОРОЧЕСТВО ІЕРЕМІИ

Мечи и стрѣлы изосприште;
Покройте броней рамена;
На чела шлемы возложите;
Развѣявъ рашны знамена,
На бурныхъ коней возсѣдайте;
Сѣсните швердый рядъ полковъ;
Смертельны копья успремляйте;
Текиште въ срѣшеніе враговъ!

*

Но что! я зрю васъ устрашенныхъ
И обращающихъ хребетъ!
Отъ боевъ кроясь разбѣренныхъ,
И вождь и ратникъ вашъ плечетъ,
Бѣжашъ, озрѣвшись не дерзаетъ.
Летаетъ алчна смерть въ полкахъ,
Всю землю кровью напояетъ;
Предводитъ васъ и гонитъ страхъ.

*

Не унесутъ васъ легки кони,
Желѣзный не укроетъ щитъ;
Разсыплетъ мечъ липыя брони,
И шлемы ваши сокрушитъ.

При встрѣчѣ грозна сопосама
 Ошѣ страха войска побѣгушѣ;
 Разбиты на берегахъ Ефрама,
 Какъ стебли подѣ косой падушѣ.

Кто сей, текущій въ поле брани,
 Рѣкѣ подобенъ быстрой,
 Копѣра, взявъ попоковъ дани,
 Надменна, брегѣ переходишѣ свой,
 Пространны доли попопляетѣ,
 И горѣ верхи волной покрывѣ,
 Твердыни, башни низвергаетѣ
 Въ сравненный съ моремъ свой разливѣ?

Египетѣ, какъ рѣка, спремилъ;
 Какъ волны, сонмъ его полковъ;
 Число ихъ лишь съ числомъ сравнилъ
 Песчинокъ у морскихъ береговъ.
 Онъ рекѣ: „пойду, покрою землю!
 „Низвергну градъ враговъ моихъ!
 „Во гнѣвѣ мечъ на нихъ подѣмлю,
 „И кто спасши возможетѣ ихъ?“

Съ восходомъ свѣтлыя денницы,
 Мавряне, ополчись въ строй!
 Возшеде на ратны колесницы,
 Текише, Ливіане, въ бой!
 И вы, о Милянѣ, дерзайте!
 Пока вашъ лукъ не ослабѣлъ,
 Съ высотъ прошивныхъ поражайте,
 И шучею покрыйте спрѣлъ!

Сей день, день мщенья Господня!
 Господь врагамъ своимъ отмститъ:
 Пожретъ полки ихъ преисподня;
 Господень мечъ ихъ поразитъ,
 И въ сыпоси кровью ихъ уныетъ;
 Добыча вся, весь станъ врага
 Днесъ Богу въ жертву принесется
 На васъ, Ефратски берега.

✱

Теки ты къ Галааду нынѣ,
 Спрошивая Египта дочь!
 Тамъ въ горестной швоей судьбинѣ
 Цѣленья не найдешь пеперь;
 Чарами бѣдству не поможешь;
 Главу швою покроешь сиротъ;
 Бѣснуясь длань свою изложешь,
 И враны разшерзаютъ шруи.

✱

Народы зрятъ швои печали;
 Всю землю вопль наполнилъ швой;
 Главами люди покивали,
 И поругалися побой.
 Твой врагъ попралъ швою гордыню;
 Онъ славы рогъ швоей сломилъ;
 Спрану преобразилъ въ пустыню,
 И градъ швой пепеломъ покрылъ.

Капнисть.

НА ОТСУТСТВІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ БѢЛОРУССІЮ.

Не брядай печальна лира
 Громкой пѣсни ты въ сей часъ :
 Благодѣтельница мѣра
 Удалилася отъ насъ !
 Музъ Богиня удалилась ,
 Изъ Петрополя сокрылась
 Матерь отъ своихъ дѣтей ;
 Солнцу красному подобно ,
 Щастье, кажется , народно
 Укашилося за Ней.

*

Пусты дома , пусты рощи ,
 Пустоша у насъ въ сердцахъ ;
 Какъ среди глубокой нощи ,
 Дремлетъ пишина въ лѣсахъ ;
 Вся Природа унываетъ ,
 Мракъ боязни разсѣваетъ ,
 Ужасъ ходитъ по слѣдамъ ;
 Есльлибъ вѣтры не дышали
 И потоки не журчали ,
 Образъ смерти зрѣлсябъ намъ.

*

Такъ! съ Тобою въ разлучены
 Скорбью мы помрачены :
 Лишь о насъ Твои рацены
 Оживленье сей спраны.
 Мы утѣшны получаемъ ,
 Вновь блаженство почерпаемъ

Отъ премудрости Твоей ;
 Но оно съ Тобой намъ краше :
 Возвращись ; Свѣтило наше ,
 Возвращись къ намъ скорѣй !

✽

Человѣчество съ Тобою ,
 Истина и совѣсть въ судѣ
 Сей начальствовашъ спраною
 Въ велелѣнїи грядущѣ ;
 Благодаръ на нихъ сіяетъ ,
 Памятникъ изображаетъ
 Твой изъ радужныхъ лучей ;
 Злость поверженна скрежещетъ ,
 Въ узахъ ябеда препещетъ ;
 Гласъ зоветъ Твоихъ людей .

✽

Будь усердїя свидѣтель ,
 Благодарность нашу зри !
 Ежели за добродѣтель
 Обожаемы Цари :
 Зри Ты жершвы непорочны ;
 Олтари Тебѣ заочны
 Въ сердцѣ пищимся создашь ;
 Въ души Твой законъ влагаемъ ,
 И въ воспогѣ восклицаемъ :
 Возвращись , наша Мать !

✽

Возвращись ! — и устави
 Ты Собою освяти ;
 Къ храму щастїя и славы
 Намъ являючи пути .
 Возвращись ! — Естьлижъ должно ,
 Продолжай путь неопложно

Къ утѣшенью странъ другихъ;
Пусть страны узрятъ иныя
Всѣ величества земныя
Въ добродѣтеляхъ Твоихъ.

*

Пусть и дальны зрятъ народы
Крошость Твоего лица,
Власть, пріятнѣйшу свободы,
Привлекающую сердца!
Пусть Цари Тебѣ дивятся;
Мирно царствовать учатся,
Мирный Твой храня завѣтъ;
И просія Европа длани,
Пусть Тебѣ, на мѣсто дани,
Благодарность принесетъ.

*

Намъ заря предвозвѣщаетъ
Съ упрямъ солнца красоты;
Насъ надежда улаждаетъ,
Возвратишься скоро Ты.
Возвратишься — и опраду
Принесешь Петрову граду,
И Твоимъ черпогамъ свѣтъ.
Простирая дѣтски руки,
Ждутъ Тебя младыя Внуки,
Сынъ Тебя съ Супругой ждетъ.

*

Вспомни Ихъ любезны взоры
И къ Тебѣ всѣ ласки Ихъ;
Ихъ улыбку, разговоры
Во объятіяхъ Твоихъ.
По Тебѣ Они скучаютъ;
Гдѣ Она, гдѣ? — вопрошаютъ —

Возврати́те намъ Ее!
 Жду́щъ Тебя святы́е храмы,
 И ку́рятся ейми́амы
 Ужь во срѣ́щеніе Твое.

✱

О прі́ятный вѣспрѣ́ полдневный!
 Водѣ́ прозрачны́хъ струи!
 Нивы́ злачны́! лѣсѣ́ зеленый!
 Сладкопѣ́вны соловьи!
 Дни́ веселы́! возду́хъ чисты́й!
 Сельски́мъ нимфы́ голосисты!
 И прі́ятная весна!
 Долгѣ́ Богинѣ́ отдавайте,
 И мѣста́мъ украшайте,
 Гдѣ́ гряде́щъ шепе́рь Она.

Держави́нъ.

XII.

КЪ ЕКАТЕРИНѢ II,
 НА ШВЕДСКОЙ МИРѢ.

Ты шеств́уешь въ Пе́трополь-сѣ́ миромъ,
 И лавры́ на главѣ́ несешь;
 Ты провожда́ешься зефи́ромъ,
 И Россамъ́ пальмы́ раздаешь;
 Ты шеств́уешь! — Воззри́, Цари́ца,
 На радостны́хъ всюду́ лица,
 На сонмы́ вкругъ Тебя́ людей:
 Не такъ ли на Тебя́ взираю́щъ,
 Какъ нѣ́жную весну́ встрѣ́чаю́щъ
 Въ одеждѣ́ розовыхъ́ зарей?

✱

Ты шествуешь — и ослабляешь
 Твой взоръ на нихъ, какъ Божество;
 Одной улыбкой соспавляешь
 Восторгъ Ты нашъ и поржество:
 Средь свѣтлаго вельможей спроя
 Въ Тебѣ Царя, Вожди, Героя,
 И мирносицу мы зримъ;
 Ужъ изумлены наши взгляды
 Въ Тебѣ чипающъ тѣ опрады,
 Чпо миромъ мы получимъ симъ.

Какъ Царь — Ты наградишь заслуги;
 Какъ Машеръ — призришь Ты сиротъ;
 Лишенины дѣшей супруги
 Воскреснушъ отъ Твоихъ щедротъ;
 Освободишь Ты заключенныхъ,
 Обогапишь Ты разоренныхъ,
 Незлобно винныхъ Ты простишь;
 По нуждѣ Ты лила шокъ крови;
 Ты въ мирѣ будешь богъ любви
 И щастье наше обновишь.

Продлишь злые наши годы,
 Продлишь всеобщій нашъ покой;
 Безчисленны Твои народы
 Воздремлюшъ подъ Твоей рукой;
 Отъ хижинъ даже до престола,
 На холмѣ и въ срединѣ дола
 Почтешъ бранный Россовъ духъ;
 Всѣ будутъ щасливы Тобою:
 Законовъ подъ одной чершою
 Равенъ Вельможа и паспухъ.

Проспрешь Ты живошворны длани
 На тяжкій земледѣльцевъ трудъ;
 Отпустишь неимущимъ дани,
 Да нивы и луга цвѣшущъ;
 Дохнешь въ вѣтрилы корабельны,
 Пошлешь избытки рукодѣльны,
 И рѣки злата и серебра
 Отъ Орма до Невы прольются;
 Народы чужды къ намъ сберутся
 Вкусишь покоя и добра.

✱

И се — ужь возвѣщаютъ громы
 Событіе блаженныхъ дней!
 По вѣтру трубный звукъ несомый
 Сзываетъ тысячи людей:
 Народъ колеблется, какъ волны,
 Течетъ вездѣ, веселья полный,
 Враговъ цѣлуетъ и друзей;
 По спогнамъ гласы раздаются,
 Въ домахъ нѣжнѣйши слезы льются,
 Объемлютъ женъ, отцовъ, дѣтей.

✱

О вы, носящи душу львину,
 Герои, любящіе бой!
 Воззрите на сію картину,
 Сравните вы ее съ войной:
 Тамъ всюду ужасъ, стонъ и крики;
 Здѣсь всюду радость, плескъ и лики;
 Тамъ смерть, болѣзнь — здѣсь жизнь, любовь;
 Я вижу убитыхъ тѣни,
 И слышу вамъ ихъ грозны пени:
 Вы пролили невинну кровь!

✱

Но, вѣнценосна Добродѣтель!
 О, Ангелъ нашихъ психихъ дней!
 Екатерина! мы свидѣтель,
 Не Ты виной была смертей;
 Ты бранной не искала славы,
 Ты наши просвѣщала нравы
 И украшалась пишиной.
 Слеза, щедрошой извлеченна,
 Тебѣ прѣшнѣй, чѣмъ вселенна,
 Пріобрѣтенная войной!

Державинъ.

XIII.

О С Е Н Ъ .

Вѣютъ осенніе вѣтры
 Въ мрачной дубравѣ;
 Съ шумомъ на землю валящся
 Желтые листья.

Поле и садъ опустѣли;
 Свѣжуютъ холмы;
 Пѣніе въ рощахъ умолкло,
 Скрылися пшички.

Поздніе гуси станицей
 Къ Югу стремящся,
 Плавнымъ полетомъ несяся
 Въ горнихъ предѣлахъ.

Вьются сѣдые шуманы
 Въ тихой долинь;
 Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
 Къ небу восходящѣ.

Спранникъ, стоящій на холмѣ,
 Взоромъ унылымъ
 Смоприпѣ на блѣдную осень,
 Томно вздыхая.

Спранникъ печальный, ушѣвшись!
Вянетъ Природа
Только на малое время;
 Все оживишся;

Все обновишся весною;
 Съ гордой улыбкой
 Снова Природа возстанетъ
 Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ! вянетъ наѣвни!
 Спарецъ весною
 Чувствуетъ хладную зиму
 Вещія жизни.

КАРАМЗИНЪ.

ПОСЛАНИЕ КЪ МОЕМУ СОСѢДУ.

Не тужи, сосѣдъ любезный,
 Что фортуна къ намъ спрога;
 Грозный случай, вѣкъ желѣзный
 Хошь кому сшибушъ рога.
 Зло подъ солнцемъ неизбежно,
 Упѣшенье съ горемъ смежно;
 Щасіе какъ вѣшній лёдъ,
 По которому чрезъ воду
 И въ хорошую погоду
 Рѣдкій безъ хлопотъ пройдеши.

Самъ ты человекъ ученый;
 Много слышалъ и видалъ;
 Самъ ты знаешь мѣръ крещеный:
 Кто путь славы пропекалъ
 Безъ худаго приключенья?
 Кто избѣгнулъ огорченья,
 Иль мудрецъ, или герой? —
 Ахъ! Сократы и Катоны,
 Цесари и Сципіоны
 Были случая игрой!

Знаешь самъ — какъ Велизеру
 Заплашилъ Юстиніанъ;
 Какъ Артемія за шкуру
 Наградилъ Іуліанъ;

Какъ *Овидія* Поэша

Августъ, повелишель свѣща,
Въ горькой ссылкѣ погубилъ; . . .

Какъ же быль! — во всякомъ вѣкѣ
Сильный слабаго пузилъ;
Зависть въ каждомъ человекѣ
Какъ змѣя всегда шипилъ. . . .
Посмотри на баръ щасливыхъ,
На крестьянъ прудолубивыхъ:
Гдѣ безъ горести живутъ?
Гдѣ ума не прихвсняютъ?
Гдѣ убогихъ не терзаютъ?
Гдѣ богатыхъ не кланютъ?

Кто злодѣевъ не имѣетъ?
Кто изъ насъ не упадалъ?
Кто изъ насъ такъ жить умѣетъ,
Чтобъ себя не забывалъ;
Чтобъ, сидя по горло въ щастѣ,
Вралъ въ чужой бѣдѣ участие;
Чтобъ, иди на верхъ честей,
Не толкалъ другихъ съ дороги;
И добившись въ полу-боги,
Назывался: другъ людей? . . .

Свѣтъ похожъ на рынокъ шумный,
Гдѣ живутъ все торгаша;
Гдѣ и самъ бояринъ думный
Въ грѣхъ не спавилъ барыни;

Гдѣ корысть — какъ уложеніе,
 Совѣсть — какъ предразсужденіе,
 Дружба — какъ содомскій плодъ. . . .
 Ахъ! перо изъ рукъ валился,
 Дыбомъ волосъ становишся,
 Какъ посмотришь на народъ!

*

Гордость всѣхъ насъ обуяла;
 Деньги сдѣлались нашъ богъ;
 Правда цѣну потеряла,
 Позабывъ взаимный долгъ;
 Всѣ ударились въ обманы,
 Захотѣли въ *Тамерланы* . . .
 Опъ вельможъ и до кресельнѣ,
 Вмѣсто истинны, ученя,
 Упиваясь развращенія,
 Всякой самолюбіемъ пьянѣ!

*

Какъ же щастіемъ шупъ ласкаться?
 Какъ шупъ славу заслужить?
 Самъ ты долженъ въ томъ признайся —
 Мудрено на свѣтѣ жить!
 Трудно во время такое
 Намъ, сосѣдъ! руно злосное
 Честнымъ образомъ достать.
 Спроси хуже, чѣмъ драконы;
 Мы съ побою не *Язвы*,
 Чшо жъ напрасно хлопочеть?

*

Самъ ты видишь — нѣтъ надежды
 Стѣну лбомъ проколошишь;
 Чувство сильнаго невѣжды
 На добро оборонишь.

Страсти цѣлый мѣръ дурачатъ,
Ничего при нихъ не значатъ
Знаменитые умы.

Наша жизнь опасно море;
Естьли всѣхъ удѣлъ есть горе,
Такъ потерпимъ же и — мы;

✱

Подождемъ, покуда бури
Тучу грозную промчатъ,
Прояснится блескъ лазури,
И перуны замолчатъ.
Кромѣ добраго шерпѣнья,
Нѣтъ другаго утѣшенія
Въ этомъ случаѣ для насъ; . . .

. . . . .
. . . . .
. . . . .

✱

Будь увѣренъ — достается
Всѣмъ сесприцамъ по сергамъ;
Зло по свѣту такъ и льется. . . .
Покоримся временамъ!
Не одни мы промахъ дали,
На худыхъ людей попали;
Сами боги, въ злые дни,
Жертвой случая бывающъ:
Государства исчезаютъ
Какъ воздушные огни!

✱

Право — попусту трудится
Умъ Судьбу пересудить;
Можно ль карлъ умудриться
Исполина побѣдить?

Человѣкъ - слѣпецъ мечпашъ,
 А Судьба опредѣляетъ:
 Такъ и бышь! — и лѣзя ли намъ
 Взяшь въ опеку Провидѣнье,
 И другое направленье
 Дашь развратнымъ временамъ?

*

Остановимсяжъ на этомъ;
 Опдадимъ поклонъ мечшъ,
 И просидѣ съ коварнымъ свѣтомъ,
 Возвратимся къ простотѣ:
 Познакомимся съ Природой,
 Съ добродѣтелью, свободой,
 Погостимъ хоть день у нихъ.
 Ахъ! пора за умъ приняться,
 Жить и — жизнью наслаждаться
 Посреди друзей своихъ.

*

Не желай умѣхъ излишнихъ,
 Миліоновъ и льстецовъ;
 Не желай черпоговъ цыпныхъ,
 Громкихъ почестей, вѣнцовъ:
 Тамъ на бархатныхъ диванахъ,
 Съ миліонами въ карманахъ,
 Пришупя и вкусъ и взоръ,
 Дремлетъ въ нѣгѣ пресыщенье,
 Какъ ночное привидѣнье
 На верху пустынныхъ горъ!

*

Вѣрь, сосѣдъ! блаженства розы
 Въ свѣтѣ шумномъ не цвѣтутъ;
 Я слыхалъ, что горьки слѣзы
 Черезъ золото текутъ. . . .

Что такое наше счастье?
 Говорятъ — одно приспращье
 Только къ выгодамъ своимъ.
 Естли такъ — по сей примѣнѣ;
 И у бѣднаго въ подклѣтѣ
 Можно повспрѣчаться съ нимъ.

Не трудись лепетать высоко,
 Милый, умный мой сосѣдъ!
 Не ищи утѣхъ далѣко
 Самому себѣ на вредъ . . .
 Счастье не за горами,
 Не за темными лѣсами,
 И не въ шѣхъ большихъ домахъ,
 Гдѣ къ хозяину безъ спроса
 Показашь не можно носа:
 Милый другъ! оно — въ сердцахъ.

Кто умѣетъ Богу вѣрить,
 Понимаетъ любви успавъ,
 Спрастии гордыя умѣритъ;
 Кто имѣетъ добрый нравъ,
 Совѣсть угрызенья чужду,
 Хлѣба съ душу, денегъ съ нужду,
 Крѣпко спитъ въ семьѣ своей:
 Тотъ и безъ похвалъ гремящихъ,
 Безъ чиновъ и звѣздъ блестящихъ,
 Счастливейъ самихъ Царей!

Ш А Т Р О В Ъ.

ЗИМОЮ КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(Подражаніе Горацію.)

Съ полуночи буря печетъ,
И мрачныя шучи волнун,
Въ ихъ сонмѣ скрываетъ
Изъ глазъ небеса.

Порывисты вѣтры свистятъ,
И снѣжные вихри крушатся,
Пушистые спелютъ
Ковры по лугамъ.

Давно ли шумѣли ключи,
Цвѣтущія розы блистали,
И пѣли въ тѣнистыхъ
Кустахъ соловьи?

Дохнула сбѣдая зима. —
Лишь терны да ель зеленѣютъ,
Лишь каркаютъ враны:
Природа мертва!

Друзья! поспѣшимъ уловить. —
Покуда насъ юности лелѣетъ
И въ полныхъ играетъ
Румянецъ щекахъ;

Покуда въ насъ жаръ не поухъ
И русыя кудри вьюшся —
Крылатое время
Веселій въ кругу !

Природа воскреснетъ опять
Въ блистательной юности года,
И скачущи Горы (*)
Весну приведутъ —

Для насъ невозвратно зайдетъ
Веселое младости солнце;
Увы! невозвратно
Лѣта пропекутъ.

Волковъ.

(*) Богини годовыхъ временъ; ихъ представляютъ обыкновенно въ видѣ прекрасныхъ, плещущихъ дѣвъ.

УПРЕКИ АПОЛЛОНУ.

Несправедливый богъ! безжалостный отецъ!
 О ты, который самъ весь въ золотѣ сілешь,
 И золота сего шворецъ!
 За чѣмъ же чадъ своихъ имъ мало надѣляешь?

Скажи, жестокой, мнѣ: за чѣмъ — когда ты самъ
 На славной четвернѣ всѣдневно разбѣзжаешь
 По гладкимъ, свѣтлымъ небесамъ —
 Дѣшей своихъ пѣшкомъ пашкаться допускаешь?

Скажи: за чѣмъ — когда тебя
 Одной амврозіей и нектаромъ питаюшъ,
 Когда ты всемъ довольствуешь себя —
 А дѣщи съ голоду едва не умираюшъ?

Тобой живится вся земля,
 Тобой цвѣшны цвѣтушъ, деревья зеленѣюшъ,
 И одѣваюшся всѣ бархатомъ поля —
 А дѣщи обуви часенъко не имѣюшъ?

Скажи: за чѣмъ — когда твой храмъ
 И злато и серебро и мраморъ украшаюшъ,
 И благовонный въ немъ куришся еимѣямъ —
 А дѣщи въ чердакахъ нечистыхъ обитаюшъ?

Ахъ, сжался же, всеильный богъ,
 На участь горькую дѣшей своихъ взирая!
 Перемѣнишь ее легко бы ты возмогъ,
 Однихъ лишь добрыхъ здѣсь богатствомъ на-
 граждая.

БОГИНѢ НЕВЫ.

Протенай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно,
И шѣниси оспрова!

*

Ты съ морями сочетаешъ
Бурны Росски озера,
И съ почтеньемъ обтекаешъ
Прахъ Великаго Петра.

*

Въ нѣдрѣ моря Средиземна
Нимфы славящся швои:
До Пароса и до Лемна
Ихъ промчались спруи.

*

Рѣки Гречески стыдятся,
Вспоминая жребій свой,
Что теперь въ ихъ шокъ глядящся
Боспанжи съ Кизляръ - Агой;

*

Между шѣмъ, какъ рѣзвыхъ Грацій
Повторяешь образъ ны,
Повергая дани націй
Предъ стопами Красоты.

*

Отъ Тамизы и отъ Тага
Спая мчится кораблей,
И швоя имъ сродна влага
Разспилается подъ ней.

*

Я люблю швон купальни,
Гдѣ на Хлоиныхъ красахъ
Одѣянье скромной спальни,
И Амуры на часахъ.

*

Полонъ вечеръ швой прохлады:
Берегъ движется толпой,
Какъ волшебной серенады
Гласъ приносится волной.

*

Ты велишь сойши, туманамъ:
Зыби кроешъ шонка шма;
И любовничьимъ обманамъ
Благосклоншвуешь сама.

*

Въ часъ, какъ смертныхъ препроводишь,
Упомянутыхъ щасьемъ ихъ,
Тонкимъ паромъ пы восходишь
На поверхность водъ своихъ.

*

Быстрой бѣгомъ колесницы
Ты не давишь гладкихъ водъ,
И Сирены вкругъ царицы
Поспѣшаютъ въ хороводъ.

*

Въ явь богиню благосклонну
Зришъ воспорженный Пйишъ,
Что проводишъ ночь безсонну,
Опершися на гранишъ.

МУРАВЬЕВЪ.

XVIII.

СПЯЩІЙ ЭРОТЪ.

Ходя въ рощицѣ тѣнисной,
Видѣлъ тамъ Эроta я:
На полянкѣ розъ душистой
Спалъ прекрасное дитя.
Сквозь пріятный сонъ, умильный,
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его,
Будшо яблоки наливны
Рдѣлись щеки у него.
Почивая безоружнымъ,
Снѣжной грудью онъ блесѣлъ,
По вѣшьямъ, надъ нимъ окружнымъ,
Лукъ спущенный, пулъ висѣлъ.
Пчелы вокругъ его летали,
Какъ на розъ шумящій кустъ,
Капли меду собирали
Съ благовонныхъ сладкихъ устъ.
Въ рощу Граціи вѣѣжали,
И нашедъ Эроta въ ней,
Попихоньку привязали
Къ красотѣ его своей.

Разбужь его , плясали
Средь цвѣточныхъ съ нимъ оковъ!
Неразлучны съ тѣхъ поръ стали.
Гдѣ прѣяшность , шлѣ любовь.

Д Е Р Ж А В И Н Ы .

XIX.

къ ГРАФУ ГРИГОРЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ
О Р Л О В У .

Защитникъ строгаго Зинова закона,
О Стоикъ посреди великолѣпнѣй прона,
Котораго душа со щастіемъ равна,
И жизнь полезными для Ошчествѣ шрудями
И дѣлъ благихъ плодами;
Не пышностью славна!

Сквозь гласы искреннихъ и ревностныхъ желаній;
Сквозь тысячи къ тебѣ усердныхъ восклицаній,
Возноситъ нынѣ свой десла Муза пошъ;
Та Муза , что благой ущедрена Судьбою;
Представлена тобою
Премудрости предѣ пошъ.

Заприте днесъ вашъ слухъ, пугливыя невѣжды;
Которыхъ вѣчнымъ сномъ ошягощенны вѣжды;
Съ Героемъ я вѣ сей день бесѣдовать хочу;
Не розы , не луга , не красныя дубровы ,
Я истинны суровы
Днесъ свѣту возвращу.

Вогашество, пышность, власъ, все съ на-
ми умираетъ,

Преходитъ все; какъ сонъ, все вѣчность по-
жираетъ;

Рожденье смертныхъ есть ко смерти первой
шагъ;

Единая лѣвнѣ добра непричастна,
Единая неподвластна
Мгновенныхъ року благъ.

Уже Римъ древній палъ подобно слабой про-
сти,

Уже Катоновы во прахъ исплѣли кости,
Сократовъ пепелъ давно въ ничто превращенъ;
Но добродѣтель ихъ понынѣ процвѣщаетъ,
Какъ солнце къ намъ блискаетъ
Изъ мрачности временъ.

Опцы Опечесства, всего граждане свѣща,
Великія сердца, не мысливши навѣща,
Спокойные въ себѣ, спасительны другимъ,
Они для житія примѣры показали,
И смертныхъ обязали
Сожитіемъ своимъ.

Тотъ извергъ естества, кто ближнихъ не-
навидитъ;

Тотъ малъ, чтобъ честнымъ быть, кто поль-
ко не обидитъ;

По правдѣ человекъ, кто всѣмъ благопшоритъ;
Дыханія его немолчный есть свидѣтель

Способна добродѣтель;
Онъ живъ, коль всѣхъ живитъ!

Чтобъ быть не одному, онъ многихъ сози-
 даетъ;
 Расширъ, содѣйствуетъ, и жертвъ не ожи-
 даетъ —
 Безмездный щасїи и радостей творецъ,
 Живое Божества Предвѣчнаго зеркало,
 Что шуне все создало,
 Множайшихъ лучъ сердецъ.

Тбъ златомъ и серебромъ блистаючи кумиры,
 Которымъ предстоитъ вопще съ слезами сиры,
 Что тяжку съ нижнихъ дань за свой вызы-
 скуютъ взоръ,
 И щедро лишь Сиренъ, имъ льстящихъ, награж-
 дають,
 Тбъ вѣкъ препровождаютъ
 Природы всей позоръ.

Или прямой конецъ имъ жизни не извѣстенъ,
 Съ высокимъ саномъ духъ Сократовъ не со-
 вмѣстенъ,
 И должно причипашъ безпечность ихъ судьбъ?
 Коль такъ: почтожь тому, что въ гордыхъ
 ненавидимъ,
 Орловъ! почто мы видимъ
 Противное въ тебѣ?

Ты пицлами почтенъ, и благоденъ купно;
 Кто чещенъ, всѣмъ швое достоинство при-
 ступно,
 Другъ истинны, сердецъ цѣнитель, не породъ;
 Полна намѣреній, для Ошчества полезныхъ,
 Душа швоя любезныхъ
 Хранилище доброшъ.

Ты радость оныя чрезъ то усугубляешь,
 Что радости свой съ другими раздѣляешь,
 Для всѣхъ во обществѣ; не для себя щастливъ;
 Податель помощи и жизни безнавѣстныхъ,
 Во существахъ несчетныхъ,
 Не во единомъ живъ.

Течетъ въ свой солнце путь, Природы вне-
 мля чину,
 Орловъ! ты въ свой шени, подобясь исподину;
 Начни, скончай, начни и паки соверши;
 Твой прудъ всегда единъ и почести не новы,
 Вѣнцы твои лавровы
 Покой твоей души.

ПЕТРОВЪ.

XX.

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА.

Спустилъ съдой Золъ Борея
 Съ цѣпей пугуновыхъ изъ пещеръ;
 Ужасныя крикъ разширя,
 Махнулъ по свѣшу богатырь;
 Погналъ стадами воздухъ синій,
 Сгустилъ туманы въ облака,
 Давнулъ — и облака разсѣлись,
 Пустился дождь и еознумѣлъ.

Часть I.

Е

Уже румяна Осень носишь
 Снопы златые на гумно,
 И Роскошь винограду просишь
 Рукою жадной на вино.
 Уже стада полнятся пшичьи,
 Ковыль сребрился по степямъ;
 Шумящи красножелты листья
 Разсплались всюду по пропамъ.

Въ опушкѣ зайцѣ быспроногѣй,
 Какъ волникѣ посѣдѣвъ, лежишь;
 Ловецки раздаются роги,
 И выжилишь лай и гулъ гремишь.
 Запасиши крестьянинѣ хлѣбомъ,
 Ъстишь добры щи и пиво пьешь;
 Обогащенный щедрымъ Небомъ,
 Блаженство дней своихъ поешь.

Борей на Осень хмуришь брови,
 И Зиму съ сѣвера зовешь:
 Идетъ сбѣдая чародѣйка,
 Косматымъ машешь рукавомъ;
 И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплешь,
 И воды претворяешь въ льды;
 Отъ хладнаго ея дыханья
 Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

На мѣсто радугъ изнецренныхъ
 Висишь по небу мгла вокругъ;
 А на коврахъ полей зеленыхъ
 Лежишь разсыпанъ бѣлый пухъ.
 Пустыни сбшуютъ и доли,
 Голодны волки воютъ въ нихъ;
 Древа стоятъ и холмы голы,
 И не пасется стадъ при нихъ.

Ушелъ олень на пундры мшисты,
 И въ логовище легъ медвѣдь;
 По селамъ Нимфы голосисты
 Преспали въ хороводахъ пѣть;
 Дымятся сѣрымъ дымомъ дома,
 Поспѣшно ѣдетъ пушникъ въ путь;
 Небесный Марсъ оставилъ громы
 И легъ въ шуманы опдохнуть.

Россійскій только Марсъ, Потемкинъ
 Не ужасается Зимы:
 По развѣвающимъ знаменамъ
 Полковъ, водимыхъ имъ, Орелъ
 Надъ древнимъ царствомъ Мишридаша
 Лешаетъ и темнитъ Луну;
 Подъ звучнымъ крикомъ его мельканьемъ
 То чернѣ, то блѣднѣ, то рднѣ Эвксинѣ.

Огонь, въ волнахъ неугасимый,
 Очаговскія стѣны жреетъ,
 Предъ ними Россъ непобѣдимый
 И въ мразъ зелены лавры жнетъ;
 Сѣдя бури презираетъ,
 На льды, на рвы, на громъ лепитъ,
 Въ водахъ и въ пламѣ помышляетъ:
 Иль умереть, иль побѣдитъ!

Мужайся, твердый Россъ и вѣрный,
 Еще побѣдой возблищать!
 Ты не наемникъ, сынъ усердный;
 Твоя Екатерина мать,
 Пошешкинъ вождь, Богъ покровитель;
 Твоя геройска грудь швой щитъ;
 Честь мзда швой, вселенна зришь —
 Пошомство плесками гремитъ.

Мужайшесь , Росски Ахиллесы ,
 Богини Сѣверной сыны !
 Хотя вы въ Спиксѣ не погружались ,
 Но вы безсмершны по дѣламъ .
 На васъ всѣхъ мысль , на васъ всѣхъ взоры ,
 Дерзайте вашихъ въ слѣдѣ опцовъ !
 И ты спѣши скорѣй , Голицынъ !
 Принесешь въ швой домъ съ оливой лавръ .

Твоя супруга: злаповласа ,
 Пдѣнира сердцемъ и лицомъ ,
 Давно желаннаго ждетъ часа ,
 Когда ты къ ней прѣдешь въ домъ ;
 Когда съ горячностью обнимешь
 Ты седьмерыхъ швоихъ сыновъ ,
 На маперъ нѣжны взоры вскинешь ,
 И въ радости не сыщешь словъ .

Когда обильными рѣчами
 Пошомъ воспоргъ свой извѣишь ,
 Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
 Твою супругу удивишь ;
 Геройскія дѣла расскажешь
 Ея ты дяди и опца ,
 И духъ и умъ его докажешь ,
 И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца .

Спѣши , супругъ , къ супругѣ вѣрной ,
 Обрадуй ты , утѣшь ее ;
 Она задумчива , печальна ,
 Въ простой одеждѣ , и власы
 Разсыпавъ по челу неспройно ,
 Сидитъ за сполоикомъ въ софѣ ;
 И свѣшлоголубые взоры
 Ея всечасно слезы лютьъ .

Она къ тебѣ всѣдневно пишешъ :
 Твердишь по славу, по любовь,
 То жалостью, то нѣгой дышешъ;
 То страхъ ея смущаешъ кровь;
 То дядѣ поржесства желаешъ;
 То жаждешъ мужниной любви,
 Мнешся, борешься, вѣщаешъ :
 Коль долгъ велишь, пы лавры рви !

Въ чертогъ, вокругъ ея безмолвномъ,
 Не смѣютъ Нимфы пошептать;
 Въ восторгъ только Музы помномъ
 Осмѣлились сей стихъ бряцать.
 Румяна Осень ! радость міра !
 Умножь, умножь еще швой плодъ !
 Приди желанна вѣсть ! — и лира
 Любовь и славу воспоешь.

Д Е Р Ж А В И Н Ъ.

XXI.

С Т А Н С Ы.

К Ъ Н — М — К * * *

Прочь отъ насъ Катонъ, Сенека !
 Прочь угрюмый Эпиктетъ !
 Безъ унѣхъ для человека
 Пусть, несносенъ былъ бы свѣтъ.

Младость дважды не бываешъ;
 Шасливѣ шотъ, который въ ней
 Пушь цвѣтами уснилаешъ,
 Не предвиди грозныхъ дней !

Такъ, мою настрою лиру
И призвавъ одну изъ Музъ,
Дружбу, сердце и Темиру,
Съ ними пѣлъ я мой союзъ.

Пѣлъ, не думая о славѣ,
Не искавъ ни чьихъ похвалъ;
Лишь друзей моихъ къ забавѣ
Лиру я съ сѣбѣ снималъ.

Все въ глазахъ моихъ играло,
Я въ волшебной былъ странѣ!
Солнце ярче лучъ бросало,
И казалось Фебомъ мнѣ.

Вижуль розовый листочикъ:
Онъ меня остановилъ;
То Зефиръ, не вѣшечикъ,
Крылышкомъ его сронилъ.

Въ рождѣль голосъ разольется
Сладкопѣвца соловья:
Сердце вмигъ во мнѣ забьется —
Филомелу вспомню я.

Съ нею вмѣстѣ унываю,
И доволенъ, что грущу! . . .
Но почто я вспоминаю
То, чего ужъ не сыщу?

Упро дней моихъ замилось,
И опить не разцвѣшетъ;
Сердце съ счастіемъ простилось
И мечтой весеннихъ лѣтъ.

Рѣзвый пѣжныхъ Музъ пипомецъ,
 Другъ и смѣховъ и ушѣхъ,
 Нынѣ имъ, какъ незнакомецъ;
 И собой пугаетъ всѣхъ.

Чувства прежнія имѣю,
 Прежній жаръ въ моей крови;
 А ужъ Граціямъ не смѣю
 Воспѣвать я о любви.

Осужденъ въ несносной скукѣ
 Грусть въ самомъ себѣ таишь;
 Ахъ! и съ другомъ бышь въ разлукѣ,
 И отъ дружбы слезы лишь!

О любимый сынъ Природы!
 Нѣжный, милый нашъ пѣвецъ!
 Скороль опческія воды
 Насъ увидяшъ наконецъ?

Скороль мы на Волгу кинемъ
 Радостный, сыновній взоръ,
 Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
 И составимъ брашской хоръ?

Съ нами по же, что со цвѣтомъ:
 Былъ... и нѣтъ его чрезъ день.
 Ахъ! уклонимся хоть лѣтомъ (*)
 Древъ домашнихъ мы подъ тѣнь.

Скажемъ имъ: древа! примите
 Вы усталыхъ пришлецовъ,
 И съ пріязнью обнимите
 Въ нихъ друзей и земляковъ.

(*) То есть лѣтомъ жизни.

Было время, что играли
Здѣсь подъ шибью мы густой —
Вы цвѣнете . . . . мы увиди!
Дайте спаросши покой.

Дмитріевъ.

XXII.

ПѢСНЬ НАДГРОБНАЯ.

Юноши и дѣвы надъ прахомъ младаго Героя.

Юноша.

Приблизьсь, рапники печальны,
Спекишьсь, дѣвы! въ сонмѣ единѣ;
Здѣсь палъ нашъ другъ, Герой избранный,
Достойный славы Славянинѣ.
Воище среди кровавой брани
Сражалъ онъ тысячи враговѣ;
Онъ палъ — померкѣ какъ лучъ румяный
Во шмѣ шуманныхъ облаковѣ.
Сей грозный мечъ, сей шлемъ пернатый,
Сей раздробленный твердый щипѣ,
Сии окровавленны лапы
Гласящѣ, сколь былъ онъ знаменитѣ.

Дѣва.

Маю красному подобенѣ
Въ мирны дни его былъ видѣ,
Тихѣ всегда, всегда незлобенѣ,
Какъ румяный Свѣтовидѣ;

Но какъ бралъ копье во длани,
 Надѣвалъ блестящій шлемъ,
 Онъ казался богомъ брани:
 Взоръ его сверкалъ огнемъ.
 Какъ Зимцерла былъ прекрасенъ,
 Какъ небесный громъ сражалъ,
 Милъ роднымъ, врагамъ ужасенъ,
 Здѣсь цвѣшъ, шамъ лавры жалъ.

Ю н о ш а.

Бывъ полнъ ошваги безпримѣрной,
 Онъ жизнь и смерть пренебрегалъ,
 Какъ сынъ Отечества, сынъ вѣрной,
 За Вѣру, за Царя онъ палъ.
 Покойсяжъ, нашихъ душъ отрада,
 Почій, безшрепешный Герой!
 За смерть — безсмертіе награда;
 За подвиги, труды — покой!

Д ѣ в а.

Какъ отважно величавый
 Въ полѣ конь его скакалъ!
 Какъ безспрашно жизнь для славы
 Юный ратникъ окончалъ!
 Дѣвы всѣ его любили,
 Спарцы всѣ его хвалили,
 Брали юноши въ примѣръ.
 Но, увы! къ несчастной долѣ
 Онъ погибъ на ратномъ полѣ:
 Плачемъ мы обѣ немъ шеперь.

Хоръ юношей и дѣвъ.

Гласы печальны, пѣсни унылы
 Къ небу престанемъ мы возсылашь;
 Сущихъ въ ушробѣ мрачной могилы
 Воплями, спомомъ намъ не воззвашь.
 Мѣрѣ сей покинувъ, Витязей пѣни
 Въ горнихъ селеньяхъ вѣчно живущъ.
 Гробы пѣхъ славны, прахи священны,
 Нои для блага брашій умрущъ.
 Что же? какими дружбу дѣлами
 Въ часъ сей печальный мы вознесемъ? . . .
 Свѣжими урну украсимъ цвѣтами
 И кипарисы посадимъ кругомъ.
 Скромны фѣалки, розы душисты
 Пусть будутъ другу нашему въ даръ,
 А кипариса вѣпви пѣнисты
 Да превращаясь въ вѣчный олтарь.

XXIII.

пѣвцу Фелицы.

Доколѣ Музами любимъ,
 Тревоги всѣ, заботы, горе
 За вѣпрами пуцу я въ море,
 Щастливый пушь! — примолви имъ.

*

Пусть Галлѣ Европой потрясаетъ;
 Бриганецъ всѣхъ на морѣ бьетъ;
 Ошъ рая Пій ключи теряетъ; —
 Да мнѣ до нихъ и нужды нѣтъ.

*

Чесней я не служу кумиру,
 Ползкомъ я злата не ищу;
 Доволенъ малымъ — жизнь и лиру
 Любви и дружбѣ посвящу.

*

О Муза, другъ холмовъ тѣнистыхъ,
 Любящая Каспальскій шокъ!
 Пѣвцу Фелицы своей вѣнокъ
 Изъ лавровъ, изъ цвѣтовъ душистыхъ.

*

Я слабъ ему хвалу гремѣть:
 Тебѣ, сестрамъ своимъ приспойно,
 Возвысимъ звонку лиру спройно,
 И Фебова любимца пѣшь.

Капнисть.

XXIV.

къ Бландузскому ключу.

ПОДРАЖАНІЕ ТОРАЦІЮ.

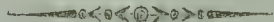
О пы, Бландузскій ключъ кипящій,
 Въ блистаньи спорящій съ стекломъ,
 Цѣлебныя струи шочащій,
 Достойный смѣшанъ бытъ съ виномъ!
 Заупра песными цвѣтами
 Хочу кристаллъ пвой увѣнчать,
 Заупра, въ жершву предъ струями,
 Хочу козла тебѣ закласть.

Красуясь первыми рогами,
 И въ силѣ жарѣ имѣя свой,
 Вошше спѣшивъ онѣ за козами,
 И съ спорникомъ вступаешъ въ бой;
 Онѣ долженъ кровь свою червлену
 Съ побой заушра разтворить,
 И долженъ влагу онѣ студену
 Червеной влагой обагришь.

Хощь пестей звѣзды горящей
 Суровый часъ и неспернимъ;
 Но ты отъ силы сей палицей
 Подъ хладной тѣнью невредимъ;
 Воли, подъ игомъ упруженны,
 Спада, бродящи на поляхъ,
 Тобой бывають прохлажденны,
 Въ швоихъ находяшъ жизнь спруяхъ.

Ты будешь славенъ, ключъ щастливый,
 Достоинъ вѣчныя хвалы,
 Какъ воспою тѣнисты ивы
 Обросши поцу грудь скалы,
 Ошколь швои спруи прозрачны
 Склонясь серебряной дугой,
 Съ ошвагой скачущъ въ доли зланы,
 И говорятъ между собой.

Бовровъ.

ГИМНЪ КЪ СОЛНЦУ

СЛѢПАГО СТАРЦА ОССИАНА.

О пы, кающееся надъ нами,
 Какъ круглый щипъ опцевъ моихъ!
 Ошколъ вѣчными струями,
 О Солнце! блескъ лучей твоихъ
 Чрезъ прагъ востока истекаетъ?
 Гдѣ дремлешь пы во тьмѣ ночной,
 И ушро гдѣ воспламенишь
 Свѣтильникъ нестарающъ твой?

*

Ты шествуешь въ твоей прелестной
 И величавой красотѣ;
 Усѣявшія сводъ небесной
 Сокрылись звѣзды въ высотѣ;
 Холодная луна блѣднѣетъ
 И тонетъ въ западныхъ волнахъ!
 Ты шествуешь одно . . . . . кто смѣетъ
 Съ тобою печь на облакахъ?

*

Нагорны дубы упадаютъ,
 И горъ слякается хребетъ;
 Моря подвѣмлются, спекаютъ;
 Луна шеряетъ срочный свѣтъ:
 Красы своей не измѣняешь,
 Свѣтильникъ дня! лишь пы единъ;
 Ликуя путь свой прошекаешь,
 Небесъ могущій исполнить!

*

Когда полдневный свѣтъ мрачится,
И пучи молніи свѣтитъ;
Когда за громомъ громъ капшися
И шверду ось земли трясетъ,
Изъ грозныхъ облакъ возникаешь
Ты, миръ даруя небесамъ;
Дыханье въпрамъ запрещаешь,
Смѣешься бурѣ и громамъ.

✱

Но, ахъ! вопще для Оссіана
Сядешь ты, небесъ краса! —
Всходя изъ синя океана,
Злапые спелешь ли власа
По свѣтлымъ облакамъ летящимъ,
Коснешься ль западныхъ зыбей,
Ложаясь въ поншъ лучемъ дрожащимъ —
Не видишь онъ красы швоей!

✱

Но, можешь быть, временъ влеченю,
Какъ насъ, тебя подвергнувъ рокъ,
На небѣ быспрому печеню
Лучей швоихъ назначилъ срокъ;
И можешь спаться, въ тучахъ бурныхъ
Почивши сномъ въ послѣдній разъ,
Забудешь путь небесъ лазурныхъ
И упра не услышишь гласъ.

✱

Ликуй же, пламенно свѣтило,
Ликуй днесъ въ юности швоей!
Дни старости текутъ уныло;
Лунѣ они подобны сей,

Смощающей сквозь раздранны пучи,
Когда надъ холмомъ мгла лежишь,
И спранникъ, вшедши въ лѣсъ дремучій,
Опѣ спужи на пуши дрожишь.

КАПНИСТЪ.

XXVI.

ЦАРСТВО ОЧАРОВАНІЙ.

Межь тѣмъ, какъ мрачна ночь въ долинахъ
разпростерлась,

Я по ступенямъ скалъ взношусь на щема горъ.
Юдоль воздушнаго пространства мнѣ отвер-

Въ неизвѣснимостяхъ блуждаетъ ^{здесь,} смутный ^{взоръ.}

Не зрюль Царя духовъ чудесные чертоги?

Тамъ сводъ изъ жемчуговъ, шполны изъ кри-
сталей ;

Но къ нимъ шуманныя и зыбкія дороги
Возводящъ лишь однихъ духовъ и мощныхъ Фей

Волшебствомъ окрилены ноги.

Какой блистательный, великолѣпный видъ!

Зрю пляски шамъ и Сильфовъ и Сильфидъ,

Тамъ облаки, разоспанны въ пращи,

Волнуются серебристыми коврами

Опѣ легкаго прикосновенья ихъ.

О, можно ль выразить всю прелестъ плясокъ сихъ?

При сладкомъ вздохѣ флейтъ эирныхъ,
При звукѣ нѣжныхъ цитръ и арфъ гремящихъ,
сильныхъ,

Взаимно руки ихъ сплелись;
Они какъ молніи взвились
Въ мистическомъ круженьи быспромѣ,
При лунномъ свѣтѣ чистомъ.

Пропяженъ вдругъ насталь, величественъ ихъ
ходъ,
Подъявши взоръ, и слухъ вперяя въ звѣздный
сводъ,

Гармоніи текущихъ сферъ внимаютьъ,
И шествіе хорное къ нимъ примѣняютъ.
Но се, разсыпавшись, какъ рѣзвы мошылки,
Съ Зефиромъ въ запуски спремаяся на цвѣтки,
Туда, сюда виляютъ,
Какъ лебеди плывущъ, какъ голуби порхаютъ,
И погружаясь въ серебряной росъ,
Милуются въ своей божественной красѣ.

Держа волшебные жезлы въ десницахъ
Очаровашели въ агапныхъ колесницахъ,
Таинственныхъ торжествъ, гремя, вѣвзжаютъ,
въ храмъ.

Несутся въ пишинѣ прекрасны Феи шамъ;
Вълоупласныхъ одѣвій
Въ покровъ онѣ облачены,
Піютъ источникъ волхвованій
Изъ рога полного Луны.

На возвышенныхъ грудяхъ ихъ
Отъ вздоховъ движутся черноогнисты зомы;
Таинственно обвивши оны
Вкругъ чреслъ, вкругъ поясицъ своихъ,

Слѣшатъ въ глубокой нутрѣ черпоговъ тѣхъ
чудесныхъ;

Священный ужасъ зрю на лицахъ ихъ прелест-
ныхъ,

Дрожаща межъ рѣсницъ слеза у нихъ видна,
Которую сребришь смѣющаяся Луна! — —

Паки внезапно арфы играютъ,
Слаще и слаще флейшы вздыхаютъ,
Весело цитры бренчатъ.

Сильфы, Сильфиды гдѣ ни взяли, —
Паки въ круженьи быспромъ взвились,
Вихрями воздухъ кружатъ.

Разкрылися врата миспическихъ черпоговъ,
И бархатны ковры съ серебряныхъ пороговъ
Капая съ шумомъ внизъ;

По онымъ въ торжествѣ снеслись
Волшебниковъ, волшебницъ сонмы,
Духовъ несчетны милліоны. . . .

Сей милый юноша конечно Оберонъ

Съ жезломъ своимъ лилейнымъ?

Всѣ шествуютъ за нимъ съ лицомъ благого-
вѣрнымъ,

Читая письма своихъ волшебныхъ зонъ.

Сколь важенъ, сколь прелестенъ онъ!
Достойно Виландъ лишь, или Шекспиръ опишетъ
Царя волшебниковъ безсмертну красоту!

Когда самъ Оберонъ мнѣ силъ не вложитъ свыше,
Гдѣ словъ для мыслей обрѣшу? — —

Блισταющъ, прѣлстенъ,
Осанисъ и стапенъ,
Онъ юностью цѣлъ;
Благимъ и умильнымъ,
Божественно сильнымъ

Часть I.

Ж

Онъ взоромъ смотрѣлъ;
 Тріумфомъ одѣянъ,
 Въ пучь, златомъ усѣянъ,
 Онъ съ важностью шелъ.

Тишанія, въ вѣнцѣ изъ алыхъ розъ нешлѣпныхъ,
 Выходящъ вмѣстѣ съ нимъ;
 И тихая любовь, въ ея очахъ священныхъ,
 Она гордится дорогимъ! — —

Подъ звукомъ горнихъ спрунъ они по пучамъ
 ходящъ,
 Туманы въ дальность ихъ глубокую уводящъ;
 И тихнущъ по немногу голосъ лиръ,
 И исчезаетъ легкрылыхъ Сильфовъ шорохъ.
 Я ухомъ вникъ: еще несетъ ко мнѣ Зефиръ
 Дрожащи тонки звуки дальныхъ хоровъ.

Склоняю паки слухъ: нѣмая пищина.
 За темный горизонтъ сѣпалася луна.
 Гдѣ Обероновы волшебныя палаты,
 Съ кристальными столпами храмъ?
 Поля воздушныя, волнистой мглой обѣяны,
 Являющъ хаосъ лишь блуждающимъ очамъ.
 Любезны призраки, куда, куда вы дѣлись
 Отъ оживляющей фантазіи моей?
 Луна сокрылася, и вы сокрылись съ ней;
 Парамъ тонкими мгновенно разлѣтились.
 Не пы ли машъ фантомовъ сихъ,
 Луна, волшебствъ богиня!

Когда сребромъ лучей твоихъ
 Освѣпишься небесъ окружность темносія,
 Низведши крошкѣй взоръ на землю и моря,
 Въ лишеніи солнца ихъ улыбкой улыбаешь,

И тысячи существъ изъ зыбкой мглы швори,
Съ воображеніемъ моимъ играешь!

Благодарю тебя, о мой эфирный другъ!

Питай меня всегда амврозіей мечпаній;

Переноси мой чаще духъ

Въ страну очарованій,

Въ воздушны перемы, гдѣ радости одни,

Куда бы злыхъ заботъ и скуку не впу-
скали.

Стократно щастливъ потѣ, чьи дни

Суть продолжительны, волшебны сладки сны:

Онъ чуждъ снѣдающей печали!

Востоковъ.

XXVII.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ:

Господи, да не яростию Твоею, и проч.

Смягчи, о Боже! гнѣвъ Твой ярый,

Вины души моей забудь;

И молній уклони удары,

Въ мою направленные грудь!

Престани въ шухахъ, въ облистанныхъ

И въ бурныхъ пламенныхъ дыханьяхъ

Являть, колико судъ Твой сиротъ;

Пролей надежду въ грудь унылу,

Яви Свою во благѣ силу

И буди въ милостяхъ мнѣ Богъ!

Спѣлами острыми Твоими
 Мнѣ сердце все избѣвлено,
 И раздираемое ими,
 Горитъ какъ въ пламени оно;
 Свои считая пресупленія,
 Въ стыдѣ, въ болѣзни, въ изумленіи
 Смыкаю и смущенный взоръ.
 Нѣтъ предо мною свѣта дневна —
 На мнѣ Твоя десница гнѣвна
 Хладѣе льдовъ, шатаетъ горъ.

✱

Всѣ скорби на меня зѣлютъ
 И плоть мою себѣ дѣлаютъ.
 Какъ воскъ, во мнѣ такъ косцы паютъ,
 И кровь моя какъ острый ядъ;
 Какъ прости ломка во время зною,
 Какъ ломокъ ледъ въ рѣкахъ весною,
 Такъ ломки ноги подо мной.
 Все множитъ мнѣ болѣзней бремя;
 Остановилось само время,
 Чтобы продлить мой жребій злой.

✱

Въ семъ злѣ, какъ въ возмущенномъ морѣ,
 Сбравъ остатокъ слабый силъ, —
 Въ отчаяніи, въ надеждѣ, въ горѣ,
 Къ Творцу міровъ я возопилъ,
 Возвалъ, и сердцемъ вострепещалъ;
 То лучъ надежды мнѣ являлся,
 То вспомнѣвъ мои вины,
 Терялъ я изъ очей свѣтъ красный:
 Мечъ видѣлъ мщенія ужасный,
 И видѣлъ ада глубины.

✱

Вкругъ моего собравшись можа
 Съ унылой жалостью друзья,
 Моей кончины ужасъ множа,
 Казалось, взорами меня
 Во гробъ холодной провожали;
 Припворнымъ плачемъ мнѣ спужали
 Враги сокрыты дней моихъ;
 А я, какъ мерщвъ, среди смятенья
 Лежалъ безъ слуха, безъ движенья,
 И успѣ не опровергалъ своихъ.

Но въ спрашную сѣю минушу,
 Въ сей часъ ужасный бышю,
 Зря подъ ногами бездну люшу
 И предъ очами смерть мою,
 Надеждой на Тебя оправдой,
 Какъ въ жаръ поля росой прохладной,
 Мой слабый духъ себя питалъ.
 Хоть тѣломъ упдалъ я въ бездны,
 Но духомъ за простиранства звѣзды
 Къ Тебѣ съ молитвой возлещалъ.

Нѣтъ! — рекъ я въ глубинѣ сердечной —
 Нѣтъ, не погибну я, спеня;
 Испоргнишь Богъ мой сильный, вѣчный,
 Изъ смертныхъ челюстей меня,
 И духъ мой не опдасишь Онъ аду,
 Неправеднымъ врагамъ въ отраду;
 Ихъ не свершится торжество;
 Не посмѣтся мнѣ ихъ злоба,
 Что у дверей ужасныхъ гроба
 Помочь безсильно Божество.

Творецъ! внимли мое моленье
 И гласу сердца Ты внимли:
 Хотя ничтожное творенье,
 Я прахъ, невидный на земли;
 Но что есть мало, что презрѣнно,
 Тобою, Боже, сотворенно?
 Прекрасенъ звѣздный Твой чертогъ;
 Ты въ солнцахъ, Ты во громахъ чуденъ —
 Но гдѣ Ты чудесами свуденъ? —
 Ты и въ пылинкѣ томъ же Богъ!

*

И я, къ Тебѣ надеждой полный,
 Свой проспираю томный гласъ:
 Смири спрашей свирѣпыхъ волны,
 Въ которыхъ духомъ я погрязъ!
 Мои велики пресупленья:
 Ихъ сердцу спрашно изчисленье —
 Но въ Судѣ я зрю Отца.
 Мой спрашенъ грѣхъ, но онъ конченъ —
 А Ты, мой Богъ, Ты силенъ, вѣченъ:
 Твоимъ щедротамъ нѣтъ конца!

Крыловъ.

XXVIII.

СПОРЪ.

„Изъ двухъ свѣшилъ, что Богъ устроилъ
 На освѣщенъе тверди сей,
 Луну хоть ночи Онъ присвоилъ,
 Но солнца мнѣ она милѣй.“

*

Такъ мысль свою мнѣ извѣсняла
 Одна любезная жена.
 За солнце мнѣ досадно спало,
 Вошелъ я въ рѣчь — и вошъ она:

*

— Лучъ солнца грѣшъ и пипаетъ.
 Что можешъ бышь его свѣшлѣй?
 Онъ съ неба въ руды проникаетъ . . . .
 „Всѣ такъ! — да мнѣ луна милѣй.“

*

— Когда весной оно проглянетъ
 И верхъ озолошитъ полей;
 Всѣ вдругъ цѣсти, раждашься станетъ . . .
 „Всѣ такъ! — да мнѣ луна милѣй.“

*

— Огнемъ его живопрорисъ
 Вся связь еспешивенныхъ вещей;
 Душа спихій имъ веселится . . . .
 „Всѣ такъ! — да мнѣ луна милѣй.“

*

— Его всѣ швари ощущаютъ:
И хищный звѣрь, и муравей;
Въ моряхъ чудовища играютъ . . .
„Всѣ такъ! — да мнѣ луна милѣй!“

✱

— Съ какимъ желаньемъ шопѣ, кпо болѣнѣ,
Въ избѣ своей ждешъ ясныхъ дней!
Увидишъ солнышко — доволенъ! . . . .
„Всѣ такъ! — да мнѣ луна милѣй!“

✱

— За чтожь вы такъ къ ней пристрастились?
Позвольте, говорилъ, спросишь:
Какимъ въ ней свойствомъ восхищались?
Всему должна причина быть. —

✱

„Вы очень сильно разхвалили,
Она сказала, солнца свѣшъ;
Но лишь примолвишь позабыли,
Что солнце жжешъ — а мѣсяцъ нѣшъ.

✱

„Лишь сводъ небесъ имъ озарится,
Съ нимъ встанушъ суеты всѣ вдругъ,
Весь смертныхъ родъ зашевелился,
Вездѣ начнешся недосугъ.

✱

„Тутъ всѣ забошъ, попеченьи,
Житейскихъ дѣлъ мяежъ пойдешъ;
Умы и чувства въ развлеченьи,
И всякой внѣ себя живешъ.

✱

„Когдажъ луна чело подвемлетъ,
Тогда Природа въ тишинѣ,
Какъ будто въ упоменьѣ дремлетъ;
Тогда и я — я вся во мнѣ.

*

„Къ ней взоръ мой смѣло простираю;
Она, какъ солнце, не спитъ;
Живу, люблю и размышляю;
Ни что меня не суепитъ.

*

„Сложивъ неволи всякой бремя,
Полна я мыслію моею,
И ни въ какое пакъ я время
Души не чувствую своей.

*

„Конечно, есѣли бы не знали
Мы неба и земли Творца,
Луну боготворить бы спали
Чувствительныя всѣ сердца.“

*

Пришлось мнѣ съ нею согласиться,
На мѣсяцъ солнце промѣнять;
Ея рѣчами убѣдился
И самому себѣ сказать:

*

Впередъ не спорь, да будь умнѣе,
И знай, пуская голова,
Что всякой логики сильнѣе
Любезной женщины слова.

Р. И. Долгоруковъ.

~~~~~

Свирѣпы воды, съ горѣ лѣсистыхъ
 Обрушась, съ ревомъ въ долѣ бѣгутъ,
 Гремятъ по ребрамъ скалъ кремнистыхъ,
 Лѣса и камни съ стономъ рвутъ:
 Изъ моря вѣчности глубокой
 Временъ свирѣпыя попоки
 Такъ въ долѣ спрематься жизни сей;
 Такъ, бурей смерти разъяренны,
 Спраны, до облакъ вознесенны,
 Скрываютъ въ пропасни своей.

*

Гдѣ гордо возвышались грады,
 Высокіе лѣса шумящъ;
 Гдѣ были царства, шамъ громады
 Покрышы мхомъ сѣдымъ лежатъ.
 Куда текли народовъ сонмы,
 Ихъ гробъ — развалины огромны;
 Гдѣ разливался громъ побѣдъ,
 Уныло воешь вѣтръ свирѣпый;
 Гдѣ храмъ сіялъ великолѣпный,
 Въ правѣ по камнямъ змій ползеть.

*

Крылатые гдѣ исполины,
 Неся сокровища спранамъ,
 По чернымъ шли хребтамъ пучины,
 Смѣялись дерзостнымъ валамъ:

Тамъ бездна одичавъ сѣдая,
 Въ брега граничны ударяя,
 Ревешъ, вокругъ пустыни зря;
 Внимая ревъ, вдали гремящій,
 Проспря сквозь облакъ взоръ дрожащій,
 Глядишь спыдливая заря.

✱

Земля есть дебрь обремененна
 Гробницами народовъ, странъ.
 Гдѣжь вы спаслись, кому вселенна
 Куришь почтенья еиміамъ?
 Въ какихъ спранахъ вѣковъ спремени
 Укрылись смерти, разрушенія?
 Какой всемогущій, грозный Духъ
 Въкамъ стояшь повелѣваещъ,
 И громомъ вашихъ дѣлъ павилешъ
 Внимающей вселенны слухъ?

✱

Не тыль, Поэзія священна,
 Почтенный гласъ самихъ боговъ,
 Не тыль, Гармонія небесна,
 Сквозь вихрь временъ, сквозь мглу вѣковъ,
 Дѣла великихъ Леонидовъ,
 Кашоновъ, Кодровъ, Ариспидовъ
 Въ концы вселенныя гласишь,
 Пропиву смерти стаешь дерзаешь,
 Героевъ въ гробахъ оживляешь,
 И ихъ безсмертными пворишь?

✱

Вселенну громы потрясающъ,
 Страны стуженный кроешъ мракъ,
 Дымишься кровъ, огни зіяющъ,
 Вьешъ буря смерти съ дымомъ прахъ:

Твой дерзостный орелъ огромный,
 Простря сквозь бурь полетъ свободный,
 Звѣздъ бездны подъ собою зрѣтъ,
 По розовымъ зарямъ играетъ,
 И тамъ, гдѣ вихрь печь не дерзаетъ,
 Онъ вьется тамъ, плыветъ, паритъ!

*

И время, коего въ печенѣ
 Не могутъ пропасти препнуть —
 Лѣса, высокихъ горъ спроенье,
 Ему свободный, ровный путь —
 И время, косу оставляя,
 Твой гласъ со шепетомъ внимая,
 Склонивъ чело, къ тебѣ идешь;
 Въ добычу лавры похищенны,
 Въ ковчѣ сокровища почтенны
 Къ тебѣ съ покорностью несетъ.

*

Велишь — и истина почтенна
 Улыбкою сердца пѣвнишь;
 И мгла, вокругъ ея сгущенна,
 Дней Майскихъ свѣтлый приметъ видъ.
 Ты цвѣшь творенія прелестный
 Собравъ въ селенія небесны,
 Творишь цвѣтущій вѣчно мѣръ.
 Речешь — и солнца загораются,
 Вселенны новыя каплются
 Съ согласьемъ сладкимъ спройныхъ лиръ.

*

Велишь — и адъ врата гремлящи
 Откроетъ съ страхомъ предъ тобою;
 Моря, вокругъ его горящи,
 Подъжавшись огненной стѣной,

Тебѣ въ подземные чертоги
 Откроютъ пламенны дороги;
 Велишь — и вѣчности покровѣ,
 Подъѣвшись съ шумомъ предъ тобою,
 Являетъ свѣтлою чертою,
 Чшо было, будетъ въ мгнѣ вѣковѣ.

*

Ктобѣ зналъ, Герои знамениты,
 Безъ звука лиръ, кто были вы?
 Давнобѣ, вселенною забыты,
 Вы были бѣ въ мгнѣ погребены.
 Обширныхъ странъ опустошенье,
 Щастливыхъ селъ поработченье,
 Разлишїя кровавыхъ рѣкъ,
 Въ прахъ стѣны, грады низложенны,
 На гробахъ гробы вознесенны,
 Не суть безсмертный монументъ!

*

И бунтѣ и морѣ слѣды подобны
 Оставитъ могутъ за собой:
 Чрезъ чшождѣ узналибѣ роды поздны,
 Злодѣи шумѣ шелѣ, или Герой?
 Поэзія ихъ различаетъ:
 Однихъ безсмертїемъ награждаетъ,
 Разнитъ безсмертїемъ другихъ;
 Казнитъ! величья не пренецетъ:
 Равно надъ злобой громомъ блещетъ
 Въ вертепахъ, въ храминахъ злыхъхъ.

*

На гидру лести наспунаетъ,
 Предъ трономъ истину гласитъ,
 Коварства завѣсу срываетъ,
 Тирановъ явными творитъ.

Вопще злодѣй надеждой льстившеся
 Во гробъ отъ нее укрывшеся:
 И тамъ не избѣжитъ отъ ней!
 Она на памяшникахъ славы
 Изобразишь чершой кровавой:
 „Бѣги, бѣги! — здѣсь скривъ злодѣй!“

✱

Державинъ! сильный духъ, безсмертный,
 Орелъ Россійскихъ славныхъ странъ!
 Ни смерти громы развѣренны,
 Ни буря пламенна времянъ,
 Не сокрушатъ твоихъ колоссовъ,
 Въ которыхъ ты величье Россовъ
 Волшебнымъ изваялъ рѣзцомъ.
 Друзья людей, шобой воспѣшы,
 Какъ пламень сыплющи коменны
 Освѣщаютъ вѣчности чертогъ.

✱

Твой Водопадъ великолѣпный,
 Подъ мракомъ дальнѣйшихъ времянъ,
 Какъ въ темной дебри токъ свирѣпый,
 Прольется съ ревомъ въ океанъ
 Вѣковъ алмазною дорогой,
 Пророешь въ безднѣ путь широкой,
 И влившись въ вѣчность, загремишь.
 Подъ блескомъ славныхъ дѣлъ Румянцевъ...
 Но, ахъ! тебя ужъ нѣтъ, Румянцевъ!...
 Гласъ лиры моей дрожишь.

✱

Бездѣйственъ мечъ лежитъ булатный,
 Гремѣвшій славою громъ заснулъ;
 Въспрѣ развѣваетъ шлемъ пернатый,
 Броня и сѣвшлый щипъ попускъ.

Столпу шуманному подобный,
 Блбешъ памятникъ надгробный
 Надъ прахомъ славнаго Вождя.
 Гдѣ Россѣ, подъ лавромъ посѣдѣвшій?
 Гдѣ Россѣ, побѣдами гремѣвшій?
 Герой! во прахѣ зрю тебя!

*

Поля — гдѣ съ шумомъ за тобою,
 Какъ бурей двигнутъ океанъ,
 Несокрушаемой стѣною
 Текли полки твои на брань —
 Вошше одѣнуты коврами,
 Вошше украсяшся цвѣтами:
 Тебя не узряшъ ужь они!
 Изъ черныхъ облака шумановъ
 Луна не вострепещетъ станомъ
 Твоихъ, бблвющихъ вдали.

*

Какъ молнія, предпеча громовъ,
 Твой гласъ не можетъ повелѣть
 Изъ спалю одѣтыхъ сонмовъ
 Рѣкой огня громамъ ревѣть:
 Полки твои осиротѣли,
 Уста геройски онѣмѣли;
 И сердце то, гдѣ огонь пылалъ
 Любви къ Отечеству священной,
 Гдѣ добродѣтели почтенной
 Небесный духъ свой храмъ избралъ;

*

И грудь, что злобу отражала,
 Какъ твердый въ пристани утесъ;
 И та рука, что злостъ карала
 Мечемъ, перунами небесъ;

И скорби хладно зрѣвши очи,
 Все въ мрачномъ гробѣ, въ смертной ночи
 Лежишь погребено, все прахъ!
 Все прахъ! — Не прахъ дѣла велики;
 Вселенной цѣлыя Владыки
 Не сильны ихъ сокрыть во мракъ!

Рукою Крона попушанся
 Горящія колеса звѣздъ,
 Моря въ пустыни превращаясь,
 Разтреснешь швердыхъ горъ хребтъ;
 Но монументъ великолѣпный,
 Поэтей сооруженный,
 Порывъ вѣковъ остановишь;
 Онъ бурѣ смерти посмѣется
 И въ блескѣ славы вознесется —
 Румянцовъ вѣчно будетъ жить!

Магницкой.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ.

Играя въ хороводѣ,
 Мнѣ дѣвушки сказали:
 „Тебѣ двадцатой годѣ,
 А ты всегда въ печали,
 Задумчивъ и унылъ!
 Коль грусти не забудешь,
 Повѣрь, ты вѣчно милъ
 Красавицамъ не будешь!
 Ты молодъ и здоровъ;
 Спупай къ намъ веселишься!
 Скучна жизнь спариковъ;
 Въ ихъ мысляхъ смерть вершится.
 Еще ты будешь старъ,
 Для грусти будешь время;
 Любви погаснетъ жаръ,
 А безъ любви жизнь бремя!“
 — Красавицы! въ отвѣтъ
 Скажу вамъ: потѣ несчастенъ,
 Кто молодъ; въ двадцать лѣтъ
 Никто въ себѣ не властенъ.
 Чувствительность сердецъ
 Печали умножаетъ;
 А щастливой конецъ
 Въ любви всегда бываетъ?
 Когдабъ подъ сѣдиной
 Глава моя скрывалась,
 Когда бы смерть клюкой
 Ко мнѣ въ окно стучалась;

Тогдабѣ я щастливѣ спалѣ,
 И веселѣ и покоенѣ:
 Ее какѣ госпябѣ ждалѣ,
 И былѣ бы пакѣ доволенѣ,
 Какѣ на морѣ пловецѣ,
 Которой пристанѣ видитѣ
 И ждетѣ, что наконецѣ
 На пѣвердой берегѣ снидитѣ.
 А я кѣ сему пуши
 Еще пригошовляюсь;
 Не зрю, куда идши,
 Вѣ излучинахѣ перяюсь;
 То вдругѣ спремьясь иду,
 То пушь прервашь желаю;
 Но всё чего-то жду,
 Чего — и самѣ не знаю!

Аргамановѣ.

XXXI.

БЛАГОПОЛУЧІЕ ВѢ УЕДИНЕНІИ.

Подѣ тѣннѣю густыхѣ деревѣ,
 Вѣ спокойной, мирной сей пустыиѣ,
 Какѣ тихѣй, ясный шокѣ ручьевѣ
 Мои дни прошекаютѣ нынѣ.

Самимѣ собою наслаждаясь,
 Желаньемѣ щещнымѣ не горю;
 Призраками не обольщаясь,
 Я не завидую Царю!

Хошижь свирѣпость мрачныхъ тучъ
 Меня подѣ часъ и устрашаетъ;
 Но вскорѣ солнца свѣтлый лучъ
 Весь страхъ и ужасъ разсыпаетъ.

Все въ мѣрѣ семъ для насъ мученье,
 Печали смертнаго удѣлъ:
 Но лишь вступи въ единенье,
 И горести узришь предѣлъ.

Такъ точно бурный сей потокъ,
 Кипя съ утеса низпадаетъ;
 Но лишь сольется въ мой лужокъ —
 Съ журчаньемъ тихимъ пропекаетъ.

Волковъ.

ХРАМЪ МАРСОВЪ.

О вы, которыхъ долгъ породы
Зоветь въ пущь чеспи къ знаменамъ!
Дерзайте въ ваши нѣжны годы
Проникнуть въ страшный Марсовъ храмъ.
Не бойтесь, что герои пали
Въ пущи, гдѣ съ гордостью ступали,
Взнесенны славой до небесъ:
Они упали, какъ герои —
У стѣнъ великолѣпной Трои
Такъ Гекторъ палъ и Ахиллесъ.

Погибнетъ жизнь одна средь бою;
Не можешь слава умирать.
Простой невѣдомы толпою,
Стези учишься выбирать.
Презрѣвъ шрону простонародну,
Имѣйте гордость благородну
Топтать геройскій славный пущь,
Извѣстный воиновъ судьбою,
Ведущій къ храму стремниною,
Опикуда полъ легко скользянущь.

Высокой храма верхъ восходитъ
Блισταющихъ къ предѣлу звѣздъ,
И основаніе приводитъ
До безоправныхъ, мрачныхъ мѣстъ.
Врага Беллона обрегаешь
И ужасъ робкихъ отвергаешь.

Се Слава : вы спремьтесь къ ней !
 Ея сїянїемъ освѣщенны ,
 Брегитесь рано бысть прельщенны
 Слѣпой горячностью своей.

Идите тихо , поспешенно.
 Въ преддверьѣ видите ли вы
 Сїе сословіе священно ?
 То Музѣ небесныя главы ;
 Ищите ихъ вы обхожденья.
 Средь шуму спана , въ день сраженья
 Ихъ слышенъ вдохновенный гласъ.
 Онѣ внушали Ксенофона
 И были подлѣ Сципіона ,
 Когда пожаръ Ливійской гасъ.

Уранія своимъ размѣромъ
 Морей , земель объемлетъ шаръ ,
 И Калліона льетъ съ Гомеромъ
 Въ сердца младыя брани жаръ.
 Душею Ахиллеса полны ,
 Въ Скамандровы бросайтесь волны ;
 Но будьте жалостливѣе его.
 Еней безстрашный , у Марона ,
 По щепетной прѣ , изъ Иліона
 Опца выносите своего.

Но болѣ прудѣ недовершенной
 Внимайте Росскаго пѣвца ,
 Какъ , Испинной одной внушенной ,
 Гласитъ опечесѣва Опца ,
 Онежски горы преходяща ,
 Ко граду войски предводяща ,

Гдѣ волны Ладожски шумяшѣ.
 Имѣ Шереметевѣ воспрещаетѣ,
 И крапкосѣ лѣспвицѣ не смущаетѣ,
 Голицынѣ всходитѣ на раскатѣ.

Не руша съ истинной союза,
 Свидѣтельница древнихъ лѣтъ,
 Исторіи памѣ важна Муза
 Свои уроки раздаетѣ.
 Мужей великихъ исчисляетѣ
 И ихъ примѣромъ побуждаетѣ
 Забыть себя для блага всѣхъ,
 Позорной роскоши чуждаешься,
 Ударовъ щастья не боишься
 И Небу поручишь успѣхъ.

Ко мнѣ Евперпа прелешаетѣ:
 Я внемлю звукъ военныхъ трубъ;
 Волнующаясь кровь пылаетѣ;
 Мнѣ смерти не ужасенъ зубъ!
 Спремлюсь въ средину бранна спора;
 На бой предводитѣ Терпсихора;
 Полигимнѣи гласъ въ полкахъ.
 И се небесная Паллада
 Величїемъ священна взгляда
 Лѣетѣ благоговѣйный страхъ!

Одѣла бранною хламидой
 И потрясаю копїе,
 Своею спрашною егидой
 Градовъ спасаетѣ бытїе.
 Любимцами своими зрима,
 Прошиѣ врага неборима

Даетъ въ часъ бою свой совѣтъ;
Или, межъ шѣмъ, какъ воинъ дремлетъ,
Во мракъ полководецъ внемлетъ
Ея божественный полетъ

Но се! предсталъ предъ наши взгляды
Сокровищъ Марсовыхъ соборъ.
Я зрю воинскіе снаряды:
Се страхъ враговъ и вашъ уборъ!
Мечи и копья и шелома,
Орудья, кои мещутъ громы,
Погибель множеству мужей!
На день кровопролитной брани
Сии мешальныя горшани
Застонутъ въ яросли своей.

Но вы сперва пріобучишесь
Сии громады управлять,
И послѣ ихъ не устращишесь
Изъ рукъ противныхъ извергать.
Имѣетъ все свою науку:
И огонь, предшествоваель звуку,
Вдали сражаетъ чугуномъ:
Со возгорѣвшимся пожаромъ
Грозитъ гибельнымъ ударомъ
Изъ мѣдныхъ жерлъ лепящій громъ.

Преддверіе прошедши храма,
Во внутренній войдемъ чертогъ,
Гдѣ сердца мужественна, пряма,
Не отвергаетъ брани богъ.
Какимъ объемлюсь восхищеньемъ!
Се неизвѣстнымъ мановеньемъ

Разверзлась храма глубина!
Здѣсь Слава, подвиговъ свидѣтель,
Увѣнчивается добродѣтель;
Героевъ храмина полна.

Не смертныхъ персты начертали
Сѣи велики чудеса;
Искусство въ томъ испощевали
Рукой держащи небеса.
Встають покрыты стѣны прахомъ,
И мнился, подвигаютъ страхомъ
Еще геройскія сердца.
Я гибель зрю домовъ и храмовъ:
Богининъ сынъ и сынъ Пріамовъ,
Пылають злобой ихъ лица.

Бѣгутъ полки, падаютъ преграды,
Звучатъ трубы, мечи блестятъ;
На Марафонѣ Милліады
Пошли на сильныхъ сопоспашъ.
СоThemistocleonъ Ариспида
Дѣлишь вражда, дѣлишь обида;
Дружитъ опечесства любовь.
Епаминондъ, съ стрѣлою въ ранѣ,
Внимаетъ, что бѣгутъ Спарціане,
И съ духомъ изливаетъ кровь.

Не се ли Римскихъ стѣнъ зиждитель?
Близъ той рѣки, гдѣ брошенъ былъ,
Тебѣ, Юпитеръ покровитель!
Онъ храмъ и добычь посвящилъ.
Предъ щастіемъ горда Аннибала
Громада Рима исчезала,

Но ты сынъ Рима; Сципiонъ.
 Помпей побѣдами вѣнчался,
 Но слухъ о Кесарѣ промчался —
 Онъ кинулъ градъ безъ оборонъ.

Но днесь предъ взорами зашьмись,
 О древнi мiра чудеса!
 Къ побѣдамъ Росса устремись,
 Мои плѣнны очеса;
 Побѣды, коихъ не забудушь,
 Доколь на шверди звѣзды будешь,
 И зданье мiра не падешь.
 Гремь военной трубою
 И двигни нашею судьбою,
 О Муза, удивленный свѣтъ!

Предъ Цареградскими стѣнами
 На Грековъ Игорь двигнулъ рать.
 Олегъ по сушѣ ладіями
 Спѣшилъ коварныхъ мочь попрашь.
 Спасался Болгаръ съ Печенѣгомъ
 Отъ Святослава скорымъ бѣгомъ
 И Царь Цимискій Иоанъ.
 Гремѣлъ Владимiръ за Дунаемъ
 И колебалъ окрестнымъ краемъ,
 Премногихъ побѣдителей странъ.

О Князь! почто свою державу
 Ты раздѣлилъ своимъ сынамъ?
 Я зрю убійцъ, раздоръ, осправу
 По сопротивничьимъ полкамъ.
 Се ты Тапарамъ покорилась;
 Подъ иго выи наклонилась

Твоя, о славная страна!
 Но Александръ и въ самомъ бѣдствѣ
 Разсѣялъ страхъ въ швоемъ сосѣдствѣ,
 Священна Невская волна!

Донской Димитрій на Мамаѣ
 На берегахъ Непрядвы шолъ;
 Ордынску мочь искореняя,
 Онъ Россій упвердилъ престолъ.
 Куда, чета сезоименна,
 Мени влечеше упоменна,
 Вѣнчанны славою дѣды и Внукъ?
 Вы язвы царства зашворили,
 Вы грозный Сѣверъ покорили;
 На Западъ вашъ браниый звукъ.

Престолъ въ междоусобѣ Царской
 Крѣпиль геройскою рукой
 Два мужа, Мининъ и Пожарской,
 И пы, ихъ общникъ, Трубецкой.
 Кто былъ бы Алексѣ болъ
 На тронъ и на ратномъ полѣ,
 Когда бы Петръ не превзошелъ?
 Какой языкъ Его прославишь?
 И само время насъ оставишь
 Во изочтенѣ славныхъ дѣлъ.

Ошъ сильнаго Петрова духа
 Родился новой рядъ вѣковъ. —
 Исполнилась вселенна слуха
 Вождей Россійскихъ и полковъ.
 Глаза сомкнувъ Петровы други,
 Оспавили свои заслуги

Преемникамъ, достойнымъ ихъ.
Сіяешь Минихъ, какъ Евгеній,
И входишь Ласси безъ сраженій
Въ средину, Крымъ, полей пшвейхъ.

Среди торжественнаго клика
Какой внезапно вожьдъ возсталъ,
Изъ рукъ который Фридерика
Дѣл крапы лавры испоргалъ?
То важный образъ Салтыкова,
Котораго рука гошова
Твой громъ бросаешь, Елисаветъ!
Се Чернышевъ изъ Россовъ пѣвну
Приводишь помощь имъ въ замѣну
Семи трудами полныхъ лѣтъ.

Вождей тамъ вижу ополченъе;
Румянцевъ рати сей главой!
Лунъ навелъ онъ помраченъе,
И на Дунаѣ спалъ пѣшой.
За нимъ какіе Исполины,
Съ Егидею Екатерины,
На Турокъ вержущъ шчи стрѣлъ?
Готовишь Панинъ стѣнъ проломы,
Репнинъ, Каменской, бранны громы;
Суворовъ, быспрошай орелъ!

Дѣла пѣввъ Росскихъ полубоговъ,
Радѣю меньше Марса пѣшь.
Вѣщавъ Петра средъ сихъ чершоговъ,
Мнѣ болѣе о комъ грѣмѣшь.
Уже въ очахъ моихъ все шѣмился;
Но чистыхъ Музъ соборъ спремился,

Велитъ начатой прудъ скончать.
 „Тебѣль не внять сему велѣнью?
 „Иль мнишь, по своему хотѣнью
 „Ты можешь сей прубой звучать?“

Я Музъ прещенья устращился:
 Уже послушенъ волѣ ихъ,
 И паки къ лирѣ устремился
 Богинь велѣнїемъ моихъ.
 А вы, грядущіе со мною,
 Гоповышесь смѣлою ногою
 Со мной въ святилище вступишь.
 Врата на петляхъ заскрипѣли:
 Чшо чувствва въ насъ освирѣпѣли?
 Иль Марса хоцетъ грудь вмѣстипишь?

Се онѣ! вы взоры уклонише.
 Густой оббиметъ очи мракъ,
 Когда ихъ дерзко устремите
 На бога браней грозный зракъ.
 Его любимцы при престолѣ,
 Подобно такъ, какъ въ ратномъ полѣ,
 Сбдятъ съ Владыкою своимъ.
 Изъ первыхъ *Храбрость* засбдаетъ:
 Ее *Искусство* спровождаетъ,
 И бышь не лѣзя въ разлукѣ имъ.

Въ рукахъ имѣя жезлъ начальства,
 Сбдишь со спрогимъ взоромъ *Власть*,
 И *Твердость духа*, врагъ нахальства,
 Душъ слабыхъ страхъ, героевъ часъ.
 Тамъ *Силу* зрю *воображенья*:
 Ея мгновенныя внушенья

Спасенье войскамъ, честь вождамъ.
 Уста спираетъ *Тайна* перспомъ,
 И въ будущемъ, всегда опверстомъ,
 Читаетъ *Прозорливость* тамъ.

Великодушіе прощаетъ
 Враговъ своихъ среди побѣдъ,
 И *Трудъ* покоя не вмѣщаетъ,
 И всюду идетъ Марсу въ слѣдъ.
 Взирая любопытнымъ окомъ,
 Сбѣгнѣвъ въ молчаніи глубокомъ
 За ними *Опытъ* многихъ лѣтъ;
Благоразумье, *Добродѣтель*,
 И *Честь*, дѣяній всѣхъ свидѣтель:
 Се Марсовъ, юноши, совѣтъ!

Прошли мы бога громкихъ боевъ,
 Теперь святилище и храмъ,
 Спремься въ обители Героевъ
 По мрачнымъ безднамъ и буграмъ.
 А вамъ, богини сладка пѣня!
 За ваши крошкѣя внушенья
 Да будешь вѣкъ моя хвала!
 Вы взоръ мой свѣтомъ озарили,
 И робкій возрастъ мой учили,
 Какъ пѣшь Геройскія дѣла.

МУРАВЬЕВЪ.

Духъ грозный, духъ неумолимый,
 Разящій безъ пощады всѣхъ,
 Лешающій въ громахъ надъ нами,
 Трясущій пягошу земли,
 Дымящійся въ Эпійскихъ жерлахъ;
 Подъ чьей губительной рукою
 Падущъ земныя племена —
 О Смерть! тебя воспѣшь дерзаю;
 Межъ тѣмъ какъ ты, съ косою грозной,
 Быть можешь, надо мной паришь.

✱

Повсюду власть твоя простерта!
 Речешь — и бурный океанъ,
 Велѣнью твоему послушный,
 Вмигъ пышный поглощаетъ флотъ;
 Везувій пламенной рѣкою
 Помпею, Геркуланъ скрываетъ;
 Подземны быстрые огни,
 Внявъ твоему всемогущу слову,
 Колеблущъ области Природы,
 И рухнулъ гордый Лиссабонъ!

✱

О сколь ты, Смерть, люта, ужасна! —
 Но, итъ! ты благотворный духъ,
 Отъ жизни къ вѣчности ведущій;
 Благихъ Небесъ посланникъ ты!
 Тебя лишь смертный раздражая,
 Чудовищемъ пворишь ужаснымъ.

Не онъ ли, власъ твою презрѣвъ,
Дерзаетъ въ яры, мрачны волны?
Не онъ ли шамъ вознесъ громады,
Везувій гдѣ, твой рабъ, горитъ?

✱

Не онъ ли роскоши оправы
Всегда изъ полной чаши пьетъ,
Твой гнѣвъ всечасно возжигая,
Ударъ твой на себя влечетъ?
Не онъ ли въ спрашны адски сѣти
Тебя насильно призываетъ? —
Такъ! Смерть есть Геній всеблагій:
Она безвременнымъ ударомъ
Цѣпъ нашей жизни не сбѣкаетъ;
Мы подъ ея косу шеемъ! —

✱

Кто всякихъ чуждъ предразсужденій,
Кому всѣ братья, всѣ друзья;
Кто добродѣтель чтитъ священну,
Блаженъ лишь щастіемъ другихъ —
Смотриже, какъ онъ въ гробъ нисходитъ!
Онъ внемлетъ гласъ Судебъ верховныхъ;
Палъ посохъ изъ руки его! . . .
То сынъ, по спрашнвѣи далекоу,
Къ Ощцу благому въ небо идетъ! —
Скажише мнѣ: ужасналь Смерть?

✱

Такъ, шакъ, друзья! Смерть вѣспникъ мирный,
Копораго Ощецъ благій
Къ сынамъ своимъ низпосылаетъ
Кончину спрашнвѣи возвѣститъ.
Друзья! пойдемъ добра спезею;
Тогда безпренешной снопюю

Во мракъ мы спупимъ гробовой;
Взоръ ясный, тихій, безмятежный
На дольный мїръ впослѣднї бросимъ,
Въ блаженну вѣчность воспаримъ.

Родзянка.

XXXIV.

НА РАЗРУШЕНІЕ ВАВИЛОНА.

Изъ Пророка Исаи. Гл. 14. ст. 5—28.

Свершилось! нѣтъ его! — сей градъ,
Гроза и прѣпѣтъ для вселенной,
Величья памятникъ надменной,
Упалъ! . . . еще вдали горятъ
Остатки роскоши полмерпвой! —
Тиранъ погибъ пиранснва жертвой,
Замолкъ поржеснвъ и славы кличъ!
Яремъ позорной прекратился,
Желѣзной скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ! —

Таковъ Егова, Царь побѣдъ!
Таковъ предвѣчный правды Мспипель!
Скончался въ мукахъ нашъ мучитель,
Изсякло море нашихъ бѣдъ! —
Воскресла радость, миръ блаженный;
Подвигнулся Ливанъ священный,

Главу подбемлюшѣ къ небесамъ ;
 Въ восторгѣ недры вспрепешали.
 Ты умерѣ наконецѣ! вѣщали,
 Теперь чего спрашишься намъ?

✱

Трясешся адѣ, сомнѣнья полнѣ,
 Тебѣ сръпная въ мрачны сѣни ;
 Бѣгушѣ испуганныя тѣни ,
 Какѣ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнѣ!
 Цари , Герои царствѣ прошедшихъ
 Вспаюшѣ сѣ престоловѣ пошемявшихъ
 Чудовище земли узрѣшь :
 „Какѣ! ты , равнявшійся сѣ богами ,
 И ны теперѣ сравнялся сѣ нами ,
 Не думавъ вѣчно умереть!“

✱

Почто теперѣ тебѣ во слѣдѣ
 Величье , пышность не дерзаетѣ?
 Почто теперѣ не услаждаетѣ
 Твою надменность звукѣ побѣдѣ?
 Ты не взялъ ничего сѣ собою ;
 Какѣ тѣнь, исчезло предѣ тобою
 Волшебство льстивыхъ, свѣтлыхъ дней.
 Ты въ жизнь копилѣ себѣ мученье ;
 Твой домѣ есть ночь ; швой одрѣ гнѣенье ;
 Покровѣ — кипящій рой червей!

✱

Высоко на горахъ небесѣ
 Свѣтило гордое блистало ;
 Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло :
 Сего дни смотрятѣ — блескѣ исчезѣ.
 Вчера смирялѣ народы въ страхѣ ; —
 Смиренѣ сего дня , тлѣешь въ прахѣ !

Часть I.

II

Вчера мечталъ съ собою ты:
 „Взнесусь, пойду надъ облаками,
 „Поставлю тронъ между звѣздами;
 „Попру Сіона высоты!

*

„Простру повсюду гнѣвъ и сирахъ,
 „Устрою небеса чертогомъ
 „И буду въ немъ всеильнымъ Богомъ!“ . . .
 Изрекъ, и превратился въ прахъ.
 Идешъ сего дня пушникъ бѣдной,
 И зришь въ пущынь прупъ швой блѣдной,
 На пищу брошенный звѣрямъ:
 Стоишь, не вѣришь въ изумлени;
 Пошомъ въ сердечномъ сокрушеніи
 Возводишь взоръ свой къ небесамъ.

*

Не се ли ужасъ нашихъ дней?
 Не се ли варварской десницей
 Содѣлалъ цѣлой мѣръ темницей,
 Жилищемъ глада, бѣды, скорбей?
 Никто предъ смертію не станешъ! —
 Но память добрыхъ не увянешъ:
 Ихъ прахъ свящися отъ сыновъ.
 Благою вѣрой огражденный,
 Слезами бѣдныхъ оживленный,
 Онъ спишь въ обищели опіовъ!

*

Единъ швой прупъ, въ позоръ и срамъ,
 Лежишь на грозномъ полѣ брани!
 Земля послѣдней бѣдной дани
 Не хочешь дать швоимъ костямъ;
 Своей земли огустошишель,
 Народа своего гонишель,

Лежишь межъ трупамъ враговъ,
Лишенный чести погребенья;
А памѣ — лепишь духъ бурный мщенья
Противъ сыновъ твоихъ сыновъ!

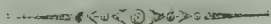
*

Рази, губи, карай злой родъ,
Прокляты въшви корни злова!
Въ нихъ скрыта язва, гибель нова;
Въ нихъ новой пави: для насъ распѣть.
Всесильный рекъ: „Я Самъ возстану,
Приду, одѣнусь въ бури, гряну,
И истреблю все племя злыхъ!
Въ градахъ ихъ звѣри поселятся;
Ихъ земли моремъ поглощаются,
Погибнешъ съ шумомъ память ихъ!“

*

Изрекъ — и свящъ Его обѣщъ,
И вѣчно нерушимо слово!
Изрекъ — событіе гонимо!
Израиль! лещи въ Богъ нѣщъ...
Егова сломишь рогъ тиранства,
И узы пятгоспныи рабства
Огнемъ и кровію сожжешъ;
Поднимешъ руку надъ вселенной...
Кто громъ удержишь разъяренной?
Кто съ Богомъ брани въ брань поидешъ?

Мерзляковъ.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО.

Томны опголоски! пѣснь мою печальну
 Холмамъ опнесише;
 Внизъ попока быспра, сквозь дубраву дальну
 Въ рощахъ повторише.

*

Ахъ, почто любезна друга, рокъ поспылой!
 Ты меня лишаешь?
 Съ кѣмъ дѣлилось сердце, холодной съ тѣмъ
 могилой

Вѣчно раздѣляешь!

*

Все, въ чемъ смертный, сладку полюбя оправу,
 Верхъ утѣхъ поставилъ,
 Все, богашство, роскошь, знапность, громку
 славу,
 Я тебѣ оставилъ.

*

Не гонясь за тѣнями скользкою дорогой,
 Въ лесной щастья службѣ,
 Уголокъ берегъ я въ хижинѣ убогой
 Лишь любви и дружбѣ.

*

Ты просторнымъ сдѣлалъ уголокъ сей тѣсной;
 И любви подруга
 Сослана тобою въ край намъ безызвѣстной
 Изъ семейна круга.

*

Къ чьей груди оспалось приложитъ мнѣ нынѣ
Грудь осирошѣлу?
Среди людска буду, какъ въ глухой пустынь,
Жизнь влачить я цѣлу.

*

Томны опголоски! пѣснь мою печальну
Холмамъ опнесише:
„Нѣтъ ужь друга мила!“ сквозь дубраву дальну
Въ рощахъ повторише.

*

Ахъ! почтожь, другъ милой, жертвой жизни
краской
Бышь тебѣ сужденно?
Дерево,носяще плодъ надежды сладкой,
Съ корнемъ испорженно!

*

Ежедневно новы съ вѣрными друзьями
Ты дѣлалъ утѣхи;
Въ слѣдъ тебѣ гонялись рѣзвыми полнами
Радости, игры, смѣхи.

*

Въ слѣдъ тебя опныишь лишь любовь уныла
Гробъ твой посѣщаетъ:
Тамъ твой прахъ пожравша хладная могила
Слезы пожираетъ.

*

Гдѣжь ты, другъ мой милой? Хоть въ мечтѣ
мгновенной

Къ другу возвратися!
Съ сердцемъ, что съ тобою было сѣдиненно,
Ты еще проспиша.

*

Но мой вопль напрасно, повторенъ спорицей;
 Къ другу въ гробъ стремишься:
 Все въ Природѣ нѣмо: правка надъ гробницею
 Не пошевелишься.

✱

Темны ошголоски! вы хоть отавчайте
 На мой вопль унылой.
 Сквозь дубраву дальну въ рощахъ повторяйте:
 „Ахъ! прощай, другъ милый!“

К а п и с т ь.

XXXVI.

СКОРОТЕЧНОСТЬ ЮНОСТИ.

~~~~~

Фіалка на зарѣ родилась;
 Въ часѣ утренній развила цвѣтъ;
 Но въ полдень съ стебелька свалилась,
 И къ вечеру фіалки нѣтъ!

✱

Печальный образъ! . . . . Такъ стремишься
 Цвѣтуща молодость отъ насъ.
 Блаженъ, кто жизнью насладится
 Въ ея быstroшекущей часъ!

✱

Но часъ веселый улетаетъ!
 Моя ужъ юность отцвѣла;
 И трусь одна слѣды являешь
 Въ чертахъ задумчива чела.

✱

Примчися старость, и опгонилъ
Последни призраки утѣхъ:
Болѣзнями хребетъ мой склонилъ,
На голову посыплешь снѣгъ;

✱

И омрача мой вѣкъ поспѣлой,
Падешь на сердце какъ гора;
Застынешь кровь въ груди унылой,
И Смерть воскликнешь мнѣ: „пора! . . .“

✱

Умру — прощусь на вѣкъ съ холмами,
Гдѣ первую радость ощутилъ;
Прощуся съ милыми друзьями,
Для коихъ въ скорбномъ мѣрѣ жилъ.

✱

О холмъ, на коемъ гласъ опрадной
Цѣвницы въ дѣшствѣ и внималъ!
Ты будешь мнѣ могилой холодной;
Всегда мой духъ того желалъ!

✱

А ты, для коей я вселенну
Любилъ и жизнь хотѣлъ влечить —
Сестра! когда ты грудь стѣсненну
Захочешь плачемъ облегчить;

✱

Когда, печали къ услажденью,
Придешь на гробъ мой, при лунѣ,
Бесѣдовать съ моею тѣнью
Часовъ полночныхъ въ тишинѣ:

✱

Мою забвенную цѣвницу,
Ты принеси тудѣ съ собой,
Чтобъ отличить пѣвца гробницу,
Повѣсь на дубѣ надо мной.

Она въ полночной часѣ, унылой,
Меня тебѣ напомнимъ;
Со стономъ въпра надъ могилой
И свой надгробный стонъ сольетъ. ....

Но еслижъ, бурей роковою
Въ спраны далеки занесенъ,
Землей покроюсь я чужою,
Рукой наемной погребенъ:

Не усладитъ и вздохъ единый
Прискорбной пѣни тамъ моей;
И мой надгробный холмъ, пустынный
Лишь будетъ сходбищемъ звѣрей.

Въ ночи надъ нимъ сова завоеетъ,
Возсѣвъ на преклоненный крестъ;
И сердце пушника заноеетъ,
Ошъ гробныхъ убѣжитъ онъ мѣстъ.

Но, можетъ, горлица спеняща
Прольетъ надъ нимъ свой томный гласъ,
И пушника нога дрожаща
Тамъ ошановится на часъ;

Бышь можешъ, горлицей пѣнися ,
 Возсядешъ на могилу онъ,
 Главу преклонишъ, погружаясь
 Въ задумчивый и сладкій сонъ;

*

Настроя духъ свой умиленный
 Къ мечтамъ, и ими пробужденъ,
 Онъ молвишъ, крестъ обнявъ согбенный:
 „Тутъ вѣрно добрый погребенъ!“

*

Бышь можешъ!... Чшожь мой духъ помишся?
 Пускай хотъ съ чуждою землею,
 Хошя съ родною прахъ смѣсится —
 Узрю я вновь моихъ друзей!

Г и ъ д и ч ъ.

Не украшеніе одеждѣ
 Моя днесъ Муза прославляешъ,
 Которое, въ очахъ невѣждѣ,
 Шуповѣ въ Вельможи наряжаетъ;
 Не пышности я пѣснь пою;
 Не испуканы за кристалломъ,
 Въ кивошахъ блестящи мепалломъ,
 Услышашъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чпипъ,
 Которыя собою сами
 Умѣли щиплы заслужишъ
 Похвальными себѣ дѣлами;
 Кого ни знашый родъ, ни санъ,
 Ни щастіе не украшали;
 Но кои доблестью снискали
 Себѣ почтеніе отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
 Несмысленную чернь прельщаетъ;
 Но коль художниковъ въ немъ взоръ
 Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
 Се образъ ложныя молвы,
 Се глыба грязи позлащенной!
 И вы, безъ благоспѣи душевной,
 Не всѣхъ, Вельможи, таковы?

Не перлы Перскія на васъ
И не Бразильскі звѣзды ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онъ сушь смертныхъ похвада.
Калигула! швой конь въ Сенатъ
Не могъ сіяшь, сія въ златъ;
Сіяютъ добрыя дѣла.

Оселъ останешся осломъ,
Хотя осыпъ его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! щедно Щастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядишь въ Господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудришься,
Не можно въиъ носишь личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣсахъ Царскихъ; сопоставовъ:
Всякъ думаетъ, что ты Чупатовъ
Въ Марокскихъ лентяхъ и звѣздахъ.

Остави скипетръ; проиъ, чертогъ,
Бывъ спранникомъ, въ пыли и въ потъ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисалъ величествомъ въ работъ:
Почпенъ и въ рубицъ Герой!
Екатерина, въ низкой долъ,
И не на Царскомъ бы престолъ
Была Великою Женой.

И впрямь, коль самолюбья лесъ
 Не обуялабъ умъ надменный:
 Что наше благородство, честь,
 Какъ не изящности душевны?
 Я Князь — коль мой сѣлешъ духъ;
 Владѣлецъ — коль спрасъми владѣю;
 Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
 Царю, Закону, Церкви другъ.

Вельможу должны составлять
 Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
 Собой примѣръ онъ долженъ дать,
 Что званіе его священно;
 Что онъ орудье Власий есть,
 Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
 Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
 Должны бытъ — польза, слава, честь.

А ты, вѣпорый Сарданапалъ!
 Къ чему спремилъ всѣхъ мыслей бѣги?
 На шоль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
 Средь игръ, средь праздности и нѣги?
 Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
 Въ твоихъ черпюгахъ восхищали,
 Карпицы въ зеркалахъ дышали,
 Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На шоль тебѣ, пространный свѣтъ,
 Простерши раболѣпны длани,
 На прихотливый твой обѣдъ
 Вкуснѣйшихъ яствъ приносишь дани:
 Токай — густое льешъ вино,
 Левашъ — съ звѣздами кофе жирный,
 Чтобъ не хотѣлъ за прудъ всемірный
 Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ,
 И съ шумомъ вверхъ спремясь сверкаютъ;
 Тамъ розы средъ зимы цвѣшутъ,
 И въ рощахъ Нимфы воспѣваютъ,
 На шоль, чтобы на все взиралъ
 Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
 Средъ радостей казался скучнымъ,
 И въ пресыщеніи зевалъ?

Орелъ, по высотѣ паря,
 Ужь солнце зрѣтъ въ лучахъ полдневныхъ;
 Но пшвой чертогъ едва заря
 Румянитъ сквозь завѣсъ червленыхъ;
 Едва по зыблющимъ грудямъ
 Съ шбой лежащія Цирцеи
 Блистаютъ розы и лилеи,
 Ты съ ней покойно спишь . . . а шамъ?

А шамъ — израненный Герой,
 Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
 Начальникъ прежде бывшій пшвой,
 Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
 Принялъ по службѣ пшвой приказъ —
 Межъ челядью пшвоей златою,
 Поникнувъ лавровой главою,
 Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А шамъ — вдова стоишь въ сѣняхъ
 И горьки слезы проливаетъ,
 Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
 Покрова пшвого желаетъ.
 За выгоды пшвой, за честь,
 Она лишилася супруга;
 Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
 Пришла мольбу свою принесть.

А шамъ—на лѣспничный восходъ
 Прибрелъ, на копыляхъ согбенный,
 Безспрашный, старый воинъ шомъ,
 Тремя медальми украшенный,
 Которого въ бою рука
 Избавила тебя отъ смерти:
 Онъ хочетъ руку ту просперши
 Для хлѣба отъ тебя куса.

А шамъ — гдѣ жирный песъ лежитъ,
 Гордишся врашникъ галунами,
 Заимодавцевъ полкъ стоишь,
 Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
 Проснися, Сибаритъ!... ты спишь,
 Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
 Нещастныхъ голосу не внемлешь
 И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

„Мнѣ мигъ покоя моего
 „Пріятнѣй, чѣмъ въ Истории вѣки.
 „Жишь для себя лишь одного,
 „Лишь радостей умѣшь пить рѣки,
 „Лишь въшромъ плыть, гнесъ чернь ярмомъ.
 „Сшылъ, совѣсть — слабыхъ душъ превога!
 „Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!“ —
 Злодѣй, увѣ! — и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который, полнъ
 Благочестивой вѣры къ Богу,
 Хранишь Царевъ всегда законъ,
 Чистишь нравы, добродѣтель спрогу
 Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей;
 Въ единопутіи — блаженство,
 Во правосудіи — равенство,
 Свободу — по уздѣ спрасней!.

Блаженъ народъ — гдѣ Царь главой;
 Вельможи, здравы члены шѣла,
 Прилѣжно долѣ всѣ правяшѣ свой,
 Чужаго не касаясь дѣла;
 Глава не ждешѣ ошѣ ногѣ ума,
 И силѣ у рукѣ не опнимаешѣ;
 Ей взорѣ и ухо предлагаешѣ,
 Повелѣваешѣ же сама.

Симѣ швердымѣ узломѣ естества
 Коль царство лишь живешѣ цаспливымѣ:
 Вельможи! славы, шоржества,
 Иныхѣ вамѣ нѣшѣ, какѣ бышѣ правдивымѣ;
 Какѣ блюшѣ народѣ, Царя любяшѣ,
 О благѣ общемѣ ихѣ спарашѣся;
 Змѣей предѣ шрономѣ не сгибаешѣся,
 Стояшѣ — и правду говоришѣ.

О Россійскій бодрственный народѣ,
 Опечески хранящій нравы!
 Когда разслабѣ весь смертныхѣ родѣ,
 Какой ты не причащенѣ славы?
 Какихѣ въ тебѣ Вельможей нѣшѣ? —
 Тотѣ храбрымѣ былѣ средѣ бранныхѣ звуковѣ;
 Здѣсь далѣ безстрашный Долгоруковѣ
 Монарху грозному опвѣшѣ.

И въ наши вижу времена
 Того я славнаго Камилла,
 Кошпораго шруды, война
 И старость духѣ не упомила;
 Ошѣ грома звучныхѣ онѣ побѣдѣ
 Сошелѣ въ шалашѣ свой равнодушно,
 И ошѣ сохи опашѣ послушно
 Онѣ въ полѣ Марсовомѣ живешѣ.

Тебѣ, Герой! желаній Мужѣ,
 Не роскошью Вельможа славный,
 Кумирѣ сердецѣ, пѣвнищель душѣ,
 Вождѣ, лавромѣ, маслиной вѣнчанный!
 Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ:
 Ты ею славься, утѣшайся;
 Борись вновь съ бурями, мужайся,
 Какѣ юный возносишь Орелѣ!

Пари — и съ высоты пвоей
 По мракамъ смутнаго ээира
 Громовой пролети спруей;
 И опочивѣ на лонѣ мира,
 Возвесели еще Царя!
 Проспри пвой поздний блескѣ въ народѣ,
 Какѣ опдаетѣ свой долгѣ Природѣ
 Румина вечера заря.

Державинъ.

XXXVIII.

А В О С Ъ.

Хочу стихи писать отъ скуки,
 Отъ скуки, точно для себя;
 Беру перо теперь я въ руки,
 О ближній мой! — не для тебя.
 Да что пишу? ей ей не знаю!
 Предметовъ много я встрѣчаю,
 Но было писано про всё.
 За мысль чужую ухватишься,
 По мнѣ, такъ это не годишься;
 Нѣтъ! — лучше выдумаешь своё.

Любовь! тебя во всѣхъ возможныхъ
 Нарѣчїяхъ стихотворишь;
 Боговъ и истинныхъ и ложныхъ
 Давно ужъ приемами даришь;
 Давно Псалтырь въ нихъ наряжали,
 Царямъ, какъ царь, ихъ поддавали;
 Что знашней Панъ, то акростихъ!
 Бездѣлки, Рѣченки, Каминны,
 Измѣну Лизы, вѣрноснь Нины,
 И Оеклу кпо-по впряпалъ въ стихи.

Съ чегожь начать свою мнѣ Оду,
 Покаместъ жаръ мой не просыхъ,
 Чтобы попасться ею въ моду,
 Чтобы всѣ кричали: какъ онъ милъ! —

Часть I.

I

Съ чего? — Или кто мнѣ безмѣрно,
На вкусы всѣхъ пошѣ пѣрафилѣ вѣрно?
Нѣтъ! также чаю на *Авось*.

Авось! — что лучше сей обновки? —
Твои я спану пѣшь уловки;
Какъ, право, къ спашу ты пришлое!

О слово милое, простое!
Тебя въ спихахъ я восхваляю;
Ты Русское словцо прямое,
Всемъ сердцемъ я тебѣ люблю.
Безъ важныхъ вытуръ, но прекрасно;
Ты крапко всякому и ясно
Свой вѣсъ почувствовать даешь.
Куда съ копытомъ конь помчится,
Туда же ракъ ползкомъ тащится;
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Изчислить всѣхъ чудесъ не можно,
Какъ ли спройшь ты, *Авось!*
Скажу — и это чай не ложно,
Что безъ тебя весь умъ хоть брось.
Трудись, пошѣй, слагая шемы,
Изчерпай еспесива системы,
И все ты съ мѣста никуда;
А пошѣ, кто за *Авось* возмѣся;
Ни думавъ, ни гадавъ, плещеся,
И промахъ рѣдко дастъ когда.

Со мной не хочешь ли поспоришь,
Ученой, мудрой Философъ?
Напрасно лишь свой умъ задоришь;
На правду-машку мало словъ.

Пожалуй разводи бобами —
 Слыхалъ я ихъ семи вѣками,
 Красны они лишь на письмѣ;
 А какъ на дѣлѣ пѣшку сдвинуть,
 Рѣ царю свою ладью придвинуть,
 Такъ шутъ у всѣхъ *Авось* въ умѣ.

На свѣтѣ мыкался я много,
 Ходилъ, вѣжалъ и такъ и сякъ:
 Пойдешь съ *Авось* — вездѣ оплохо;
 Пойдешь съ умомъ — всё буеракъ.
 Удача, мапушка ты наша;
 Земля такая нынѣ каша,
 Что безъ тебя все наплевать.
 На перекоръ разсудку, смѣло
 Ломай, ковернай всяко дѣло:
 Коль шутъ *Авось*, всё пиши да гладь.

Не нынѣ, ахъ! во всяко время
 Удача богъ была земной!
 Прочтите древнихъ книгъ беремя,
 Давно сей слкнешъ ключъ дриной.
 Взгляните вы на Римлянъ, Грековъ,
 На бѣлыхъ, черныхъ челоѣковъ:
 Откуда что у нихъ взялось?
 Что былъ бы Ромулъ, вишнякъ бравый —
 Сей Римлянъ Царь превеличавый —
 Что былъ бы, естлибъ не *Авось*?

Коснусь ли здѣсь я для примѣра
 Вина не пьющихъ Музульманъ?
 Взгляните тамъ на изувѣра,
 Ошаръ цизвергша Христіанъ:

Что Магометъ богохулитель,
 Востока вредный обольстителъ?
 Что Александръ, весь свѣтъ палилъ?
 Что бѣ были знашныя Герои,
 Богатырей водящи спрои?
 Что безъ *Авось*? Точъ въnoch — что я!

Колико нѣжныхъ Сибаришнхъ,
 Блестящихъ златомъ и серебромъ,
 Дающихъ дань полнѣ Пѣишнхъ,
 Чтобъ зла ихъ тонкость звать добромъ?
 Когда бѣднякъ попъ крови почитъ,
 Слезами каждый грошъ промочитъ —
 По лѣствицѣ шнхъ благъ лешитъ:
Авось взойду! себѣ вѣщаетъ,
 И гдѣ не сѣялъ, пожинаетъ;
 Что восхотѣлъ, шо и шворитъ.

А сколько тѣхъ Сиренъ прекрасныхъ,
 Что знатъ бы вѣкъ не довелось,
 Когда бы въ помыслахъ ихъ спрасныхъ
 Не поселилося *Авось*?
 Но въ ростъ пустивъ свои прѣпствя,
 Снискали славу, честь, богатства,
 Пошевелися какъ-то въ часъ;
 Когда иная шить уснаетъ,
 Цѣной камзола хлббъ достанетъ,
 И сѣстъ, не осушая глазъ.

Авось всему и всѣмъ подпора,
 Съ нимъ любо и за карты сѣсть;
 Не гляди въ нихъ, кричи-знай скоро:
Бостонъ! — ойкрылъ — анъ шупъ и есть!

Въ бесѣдѣ миленькой дѣвчонки,
Влюбилсѣ кто въ ея глазѣнки?
Скажи: *люблю!* снажи не бось,
И вѣрь, что нѣжно то словечко
Пройдетъ насквозь ея сердечко.
Въ любви премудрость вся — *Авось!*

Вѣщайте, мудрецы! вѣщайте,
Дѣля на классы школьной бредъ;
Птенцамъ его преподавайте,
А потѣ смѣется вамъ, кто сѣдъ.
Вы то, а свѣтъ иное поришъ,
Хотя и мнишся, что онъ вздоритъ,
Да вишь его не спать учить.
Не къ намъ обычай примѣнитъ,
А намъ съ нимъ надо согласишся:
Съ волками надо волчьи вышъ.

Въ глазахъ у мамушки играя,
Ребенокъ иногда сшалишъ,
По мѣрѣ лѣтѣ обманъ слагая:
Авось она не разглядитъ!
Роспѣтъ — тогда шалишъ важнѣе;
Все съ поюжъ цѣлю, хоть скромнѣе,
Что съ рукъ *авось* - либо сойдетъ.
Мужаетъ съ пою же повадкой,
Пишяся надеждой сладкой,
Что онъ - то всѣхъ и проведетъ.

Сожителъ жонку увѣряетъ,
Что онъ чужихъ не перпитъ жонъ;
Супруга мужа лобызаетъ,
Твердя, что болѣ всѣхъ милъ онъ;

Скупой свою шкапулку прицепѣ ;
 Бродяга весь свой вѣкъ маячетѣ ;
 Приказной крадетѣ , что есть силѣ ;
 А всякой самѣ въ себѣ смекаетѣ :
Авось никто - де не спознаетѣ ,
 Что я проказу стородилѣ .

Старикѣ , одной ногою въ гробѣ ,
 Мечтаетѣ годѣ прожить еще ;
 Онѣ , чая жизни новой въ нѣбѣ ,
 Здѣсь любитѣ суеши вопще .
 По склонности своей природной ,
 Въ часокѣ , опѣ немощи свободной ,
 Карбакается мыслью вверхѣ :
Авось - дескать я знаменѣ буду ,
 И денегѣ наживу я груду !
 Меня чемѣ лучше сей извергѣ ?

За что зовемѣ того злодѣемѣ ,
 Кто масперѣ щасье добывать ,
 Кто случаемѣ , какѣ дѣши змѣемѣ
 По вѣшру , смыслилѣ управлять ?
 Чужое благо насѣ превознилѣ ;
 Но развѣ всякѣ изѣ насѣ не можетѣ
 Одною съ нимѣ спѣзей иди ?
 Его *Авось* вѣдѣ удаеся ;
 Поди за нимѣ , коль не споткнѣеся
 Твоя нога на семѣ пуши .

Авось велико , право , дѣло !
 Оно затѣи всѣхѣ нашихѣ рулѣ ;
 Лови успѣхѣ , чтобѣ все кипѣло ,
 Коль въ мѣрѣ быть не хочѣшь нулѣ .

У всѣхъ такія пылы мысли;
 По мнѣ, меня чемъ хочешь, числи,
 Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ.
 За шѣмъ ни въ Шахи не желаю,
 И предка словъ не забываю:
 „Законъ мой правда, Богъ мой щитъ!“

И такъ тебѣ хвалу воздавши,
 Слово языка моего!
 Твои доброшы описавши,
 Прошу вниманья твоего:
 Въ опечестивъ моемъ преславномъ,
 Ни съ чѣмъ въ подсолнечной не равномъ,
 Останься другъ мнѣ навсегда!
 А ешлы я подъ часъ ряхнуся,
 Къ тебѣ подъ крылья подобьюся;
 Не посрами меня тогда!

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
 Чтобъ дружбу сильно мнѣ явишь,
 Отъ важныхъ дѣлъ своихъ въ свободѣ
 Задумаешь мнѣ яму рыть,
 Но средствъ на то честныхъ не зная,
 А на себя лишь уповаю,
 Коль спанетъ гнуть меня въ дугу:
 Ты съ нимъ пожалуй не якшайся,
 Въ оврагъ спехнущъ его старайся,
 Вступясь за вѣрнаго слугу,

О часъ досуга вождѣнна!
 Прошолъ и въ вѣчность канулъ пы;
 Съ нимъ вмѣстѣ духа восхищенца
 Изчезли пылкія мечны.

Но плодъ сей незабвенъ пребудетъ,
 Въ бюро моемъ хранишься будешь,
 Доколѣ жить мнѣ довелось;
 Созрѣй ты шамъ возлѣ *Камина*,
 Его устроена судьбина,
 Но ты сравнишься ль съ нимъ? . . . *Авось!*

К. Долгоруковъ.

XXXIX.

КЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Благотворительность священна!
 Душа міровъ, твореній мать!
 Тобою движешься вселенна:
 Твоя всеильна благодать
 Въ дождяхъ, въ росахъ съ небесъ нисходишь,
 И свѣшивъ въ солнечныхъ лучахъ.

Когдабъ въ однихъ громахъ съ эфира
 Творецъ являлъ намъ власть Свою,
 Мыбъ видѣли Владыку міра,
 Иль грознаго въ Немъ Судью;
 Но Бога, но Отца твореній
 Еще тогда не зрѣлибъ въ Немъ. . . .

Спада ли наши шучны, сильны,
 Злащияся класами поля,
 Иль наши жилищны обильны?
 Благотворительность! тебя
 Благословляя за даръ Природы:
 Дары ея — дары твои.

Тамъ 'спранникъ мѣра утомленный
Зришь надъ собою горы шучь ,
И внемлешь бури развиренны. . . .
Но швой явился крошкѣй лучъ —
И радуга опрадъ сіяетъ
На темныхъ облакахъ скорбей.

Что власть, гдѣ иѣшь тебя ? — лишь бремя,
Подъ коимъ спонетъ правопаша.
Что острой умъ ? — развратъ сѣмя;
И мудрость мудрыхъ ? — слѣпоша;
И сила сильныхъ ? — бичъ для слабыхъ;
И вѣра вѣрнаго ? — мертва.

При дремлющей уже лампадѣ ,
Во мракѣ , тишинѣ ночной ,
О благѣ царствѣ , о ихъ оградѣ
Цари бесѣдуютъ съ тобой :
Они не спятъ — чшобъ спалъ покойно
Въ странѣ ихъ и послѣдній рабъ.

Луна спѣвши на своды темны ,
Чшобъ воскресить умершій день ;
Ты — къ узникамъ въ зашворъ подземный ,
Чшобъ оживить ихъ мрачну пѣнь. . . .
И день росы еще не сниметъ ,
Уже опрешъ ты много слезъ.

Тебѣ хвала , благодаренье
И въ сердцѣ и въ устахъ моихъ !
Мнѣ жизнь моя естъ наслаждение
Безчисленныхъ даровъ пвоихъ ;
Мнѣ въ смерти на тебя надежда ,
И смерть моя — уже не зло.

~~~~~
 Туманъ покрылъ лице земли;
 Въ долинахъ бури заревѣли;
 Дожди рѣкою пошекли;
 Умолкли паспуховѣ свирѣли.

Спада подѣ кровы убрались.
 По голубому своду неба
 Свѣдья тучи понеслись;
 Померкнулъ ликъ блестящій Феба.

Не спало листвѣвъ на деревьяхъ,
 Стояшъ дубравы обнаженны;
 Трава засохла на лугахъ,
 Цвѣтны опѣ спужи умерщвленны.

Унылый, томный ручейкъ,
 Какъ не-хотя между берегами
 Свой кашинъ серебристый токъ,
 И омываетъ ихъ струями.

Ушихли нѣжны пѣсни птицѣ,
 Одни лишь слышны врановѣ вопли,
 Иль скучный голосъ изъ станицѣ
 Гусей, въ спраны летящихъ щѣплы.

Пловецѣ, вѣтрила разпусшивъ,
 На кораблѣ, среди тумана,
 Спѣшивъ въ безбѣдственнѣй заливъ,
 Спрашася бурей океана.

Гдѣ прежде крошій Зефирѣ дулъ,
Тамъ нынѣ грозны вѣтры воютъ;
И раздается страшный гулъ
Волковъ, копоры землю роютъ.

Природа вся въ глубокой сонѣ,
Какъ томный пунчикъ, погрузилась;
И совершая свой законъ,
Въ одежду мрака облачилась.

Но все съ весною оживетъ!
Древа украсяшся листьями;
На вѣтвяхъ зябликъ запоетъ;
Поли покроются цвѣтами.

Одинъ лишь слабый человекъ,
Росою смерти пораженный,
Увидши, не возстанетъ вѣкъ;
И вѣтеръ прахъ развеетъ пѣвиный.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возсталъ Всевышній Богъ — да судитъ
 Земныхъ Боговъ во сонмѣ ихъ.
 „Доколѣ, рекъ, доколѣ вамъ будетъ
 Щадитъ неправедныхъ и злыхъ?”

„Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
 На лица сильныхъ не взирашь;
 Безъ помощи, безъ обороны
 Сиротъ и вдовъ не оставляешь.

„Вашъ долгъ: спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
 Несчастливымъ подашь покровъ;
 Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
 Изморгнушь бѣдныхъ изъ оковъ.“

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
 Покрышы мздою очеса:
 Злодѣйства землю покрываютъ;
 Неправда зыблетъ небеса.

Цари! я мнилъ: вы боги власны,
 Никто надъ вами не судья;
 Но вы, какъ я, подобно спрашны
 И такъ же смертны, какъ и я.

И вы подобно пакъ падете ,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ ;
И вы подобно пакъ умрете ,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ .

Воскресни , Боже ! Боже правыхъ !
И ихъ моленію внимли :
Приди , суди , нарай лукавыхъ
И будь единъ Царемъ земли !

Д Е Р Ж А В И Н Ъ .

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
 Металловъ пшверже онъ и выше пирамидъ;
 Ни вихрь его, ни громъ не сломишь быспро-
 шечный,

И времени полетъ его не сокрушитъ.

Танъ! — весь я не умру, но часть меня большая;
 Отъ плѣна убѣжавъ, по смерти спанетъ жишь,
 И слава возрастетъ моя, не уваяя,
 Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чшпшь.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до
 Черныхъ,

Гдѣ Волга, Донъ, Нѣва, съ Рифея льетъ Уралъ;
 Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неиз-
 счешныхъ,

Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ
 сталъ;

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Рускомъ
 слогъ

О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить;
 Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
 И истинну Царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой;
 И презришь кто тебя, сама тѣхъ презирай;
 Не принужденною рукой, не шоропливой,
 Чело свое зарей безсмертій вѣнчай.

Державинъ.

XLIII.

КЪ ТЕОНУ.

Гонимы сильнымъ въпромъ, мчашся
 Отъ моря грозны облака;
 И башни Петрограда тмятся,
 И поднялась рѣка.

*

А я, въ спокойной лежа сѣни,
 Забвемъ сладостнымъ обвѣщъ,
 Вихрь свищущъ слышу, дождь осенній,
 Бѣющій въ окна градъ.

*

О, какъ влїянїе погоды
 Надъ нами дѣйствуетъ, мой другъ!
 Когда шуманенъ ликъ Природы,
 Мой унываетъ духъ.

*

Но буря паки овлекаетъ
 Меня теперь отъ грустныхъ думъ;
 Къ великимъ сценамъ возбуждаетъ,
 Свой усугубивъ шумъ.

*

Не зрюль въ воспоргѣ: *Зевсъ дождливый*,
 Во влагу небо претворя,
 Съ власовъ и мышцъ водосточныхъ
 Шумящи льетъ моря?

*

Межь шѣмъ къ Олимпу руки вздѣла
 Ошѣ наводняемыхъ холмовъ
 Сполновѣчанная Цибела,
 Почтенна мать боговъ.

Вѣ глубокомъ сокрушеннѣ зрѣтся,
 Вѣ слезахъ и вѣ шрепешѣ она;
 Ея священна колесница
 Вѣ водахъ погружена;

Вѣ нее впряженны львы решивы
 Сшуденый шерпяшѣ дождь и градъ;
 Глаза ихъ блещутъ, взшорглись гривы;
 Хвосты вѣ бока разяшѣ.

Но дождь шумишѣ и вѣшры дуюшѣ
 Изъ сильнодышущихъ ушенъ;
 Стихѣи борюшѣ, буншуюшѣ,
 О ужасъ! — — о Доенъ! (*)

Изящнаго жрецы священны,
 Художникъ, Музыканшѣ, Поэтъ!
 О, будыте мной благословенны!
 Вѣ васъ духъ боговъ живешѣ.

Сшокрашно вѣ жизни сей печальной
 Благодаришѣ мы васъ должны;
 Вы мѣрѣ физической, моральной
 Перерождашѣ сильны.

(*) Доенъ, ученикъ К. Ванлоо и учитель славнаго Давида
 Его эскизъ, сгравированный Гмѣ. Скопниковымъ, былъ
 образцемъ сего изображенія бури.

Мой другъ! да будемъ и предъ нами
Разкрыта книга Естества:
Прочтемъ душевными очами
Въ ней мысли Божества.

*

Прочтемъ, и будемъ исполняться
Святымъ ученемъ книги той,
Дабы не могъ поколебаться
Нашъ духъ напасью злой.

*

Какъ бурныхъ волнъ ударъ приемлетъ
Невы граниный, твердый брегъ
(Ихъ шумъ смятенный слухъ мой внемлетъ,
Обратный зрю ихъ бѣгъ):

*

Такъ праведникъ, тонимый рокомъ,
Въ перлыне облакъ стоитъ;
Средь бурь, въ волненіи жестокомъ,
Онъ твердъ, какъ сей гранитъ.

*

Смотри, Теонъ, какъ все горюетъ!
Все чувствуетъ зимы приходъ;
Зефиръ цвѣтковъ ужь не цѣлуетъ,
И вихрь сшибъ съ древа плодъ;

*

Смотри, какъ вѣтви обнажены
Гнетъ вѣтеръ на древахъ, Теонъ!
Не слышишся во пнѣ стѣсненный
Гамадріадинъ спонъ? —

*

Лишь, кровля врановъ, зеленѣетъ
Уединенна сосна шамъ;
Все блекнетъ, рушится, мертвѣетъ,
Готовымъ пасъ сибгамъ.

*

Часть I. К

О! сѣшуйте лѣса, спонайте;
 Морозами дожнешь зима!
 Изъ устѣевъ рѣки упекайте,
 Васъ льдомъ скуешь она! —

*

Но тронъ ея разтаешь снова,
 Какъ придетъ милая весна;
 Сogleкшись снѣжнаго покрова,
 Воспрянешь всё отъ сна,

*

И обновится видъ Природы,
 И въ рощахъ ппички запоютъ;
 Въ берегахъ веселыхъ Невски воды
 Сверкая поспекутъ.

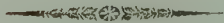
*

Тогда съ побой, Теонъ любезный,
 Пойдемъ мы на поле гулять!
 Оставимъ скучный городъ, тѣсный,
 Чшобъ свѣжестью дышать.

*

Тогда примите, о Дрѣады!
 Подъ тѣнь древесъ Поэтовъ вы,
 Воспѣшь весну среди прохлады
 На берегахъ Невы!

Востоконъ.

XLIV.

КЪ ПАРАШЪ.

Я былъ въ гостяхъ у Селимены —
 Прекрасной видѣлъ тамъ боскетъ,
 Въ диванъ зеркальныя стѣны,
 Въ гостиную розовой паркетъ.

*

Въ которой край ни оглянуся,
 Красно, богато и свѣтло!
 Чего рукой ни допронуся,
 Всё бархатъ, мраморъ или стекло!

*

Разиня ротъ я любовался
 При Селименѣ тамъ на все;
 Умомъ своимъ ей посужался,
 Но сердце припалъ отъ нее.

*

Рѣкою льются тамъ *шарады*,
 Въ большомъ почтеннѣ *каламбуръ*;
 Стихи перзаютъ безъ пощады,
 А въ лампахъ свѣтитъ *petit jour*.

*

Хозяйка походя смѣется
 Всегда на чей-нибудь да счетъ.
 Вотъ въ ней-то подлинно ведется
 И лисій хвостъ и волчій рожъ.

*

Словца безъ умыслу не скажешь —
Глазамъ великой недосугъ;
Съ надменностію тонкой кажешь
Свои алмазы и жемчугъ.

Она, не рѣдко, пустошь мѣлишь
Про тѣхъ, кого бѣжишь обняшь;
По Руски молвишь — мягко спелишь,
Да жосико, сказываешь, спашь.

Иному дашь такую зорю,
Что кровь приводишь всю въ игру.
Воспра, бойка — я и не спорю,
Да только мнѣ не по нушу.

Меня, спасибо, шамъ ласкали
Хозяйка, госпи, вся семья;
Впередъ почаше приглашали —
Но врядъ опять вернусь ли я!

Отъ нихъ, лишь только все усѣлось,
Похалъ къ Пашиныхъ сидѣть:
Мнѣ сердцемъ жить въ шопъ день хотѣлось,
А не на золото глазѣшь.

Хоть бѣдныхъ компанокъ Параша
Не злала рядишь красота;
Но, ахъ! онѣ чертоговъ краше:
Въ нихъ дружба, честь и простота.

Не найдешь шумъ хрустальныхъ вздоровъ,
Ни шума праздничныхъ забавъ;
Не засияшъ солнца пымой уборовъ;
Все дрянъ — да что-то все на нравъ.

Здѣсь въ мысляхъ полная свобода;
 Хопя проврешься, не бѣда;
 И на чужомъ дворѣ народа
 Никто не пронесть никогда.

*

Госпеш не спая къ ней валился:
 Пясть, шестъ персонъ, бесѣда вся;
 Никто вспоиѣвши не чинился;
 Всѣ шуиъ родня, всѣ шуиъ друзья!

*

Хозяйка суль не хлопочешъ:
 Ешь креслы, сядь — не хочешъ, стой.
 Кому смѣшно — пускай хохочешъ,
 Кто любитъ пѣть — пожалуй пой.

*

Она свое пригожство знаетъ,
 Но такъ имъ мало дорожитъ,
 Что даже часто забываетъ,
 Гдѣ зеркало ея спойтъ.

*

А Селимена ахъ, какъ стыдно! . . .
 Съ премо почти не спустилъ глазъ;
 И какъ ни кроется, но видно,
 Что въ день сойдеиъ съ нимъ сто разъ.

*

Что я красою понимаю,
 Что я зову *любезной* бытъ,
 Въ тебѣ то, Пашилька, встрѣчаю;
 Другимъ дано лишь только *слытъ*.

*

Твоимъ подобьемъ Спернъ цѣнился:
 Его Элиза такова;
 Въ тебѣ (онъ самъ бы въ томъ признался)
 Она родилась свизнова.

*

Мое сравненіе не ложно —
 Въ швомъ углу небесный рай:
 Въ немъ горя чувствовашъ не можно,
 И скука сердца не замай!

Любовь, примаю безъ примѣра,
 Незнаема вселенной всей;
 Съ тобой лишь только не химера:
 Она въ душѣ живетъ швоей.

Она — то общество пѣвнѣе,
 Въ которомъ дни свои ведешь;
 Она всечасно посѣщаетъ
 Тотъ домъ простой, гдѣ ты живешь.

Жеманства маскою дурною
 Ты прочь ее не опразишь;
 Молвы боязню пустою
 Ты дружбы нѣжной не спрашишь.

Живи разсудка подѣ закономъ,
 Богатыхъ не ревнуй судьбъ;
 Къ богатымъ придуть все съ поклонемъ,
 А съ сердцемъ бросятся къ тебѣ.

И такъ я съ ней залепешался,
 Что на часы когда взглянулъ,
 Ахши, полночь!... Домой помчался;
 Путемъ — дорогой такъ сменялъ:

„Параши вѣчно не забуду!
 Мила мнѣ будетъ на всегда!
 Къ ней всякой вечеръ ѣздить буду,
 А къ Селименѣ — никогда.

К. Долгоруковъ.

ЧУВСТВОВАНІЯ РОССІЯНИНА,
ПРИ ЧТЕНІИ ПЕРВЫХЪ МАНИФЕСТОВЪ
АЛЕКСАНДРА I.

~~~~~

На что хвалишь Великихъ въ мірѣ?
Дѣла ихъ славны безъ похвалъ! . . .
Сколь часто на прекрасной лирѣ
Пѣишь злодѣя воспѣвалъ!
Своимъ искусствомъ унижался,
Змѣей предъ трономъ изгибался,
Вѣнокъ отъ лесты заслужилъ;
Тирана славилъ совершенство;
Народа бѣднаго блаженство! —
Сколь часто *Неронъ Тиломъ* слылъ!

✱

Сколь часто ложные герои,
Плѣнясь льстивою хвалою,
Лишь звѣрствомъ оплечались въ бою;
Гонясь вѣкъ свой за мечшой,
Свирѣпствомъ славу покупали! —
Сколь часто изверги писали
Драконовъ варварскій законъ!
Жестокость въ славѣ не укрылась;
Попомству истинна явилась,
Попомство слышнѣ скрытый сѣнь! —

✱

Сердецъ простыхъ благодаренье,
Краснѣй рубиновъ для вѣнца!
На что въ Царяхъ къ хвалѣ стремленье?
Имъ Оды — подданныхъ сердца;

Зерцало дѣлѣ ихѣ — наши нравы.
 На что искашь непрочной славы?
 Одной добротой *славенъ* Царь!
 Когда несчастный улыбнется,
 Отъ мзды вельможа ужаснется —
 Онѣ былъ Великій Государь!

*

Таковѣ еси Ты! — Твои законы
 Намѣ свѣшная зоря чудесѣ.
 Не слышны будущѣ бѣдныхѣ споны,
 Не будущѣ видны рѣки слезѣ.
 Начало дѣлѣ Твоихѣ прекрасно!
 Хвалишь ихѣ и тому напрасно,
 Ищѣ ихѣ хвалишь *искусно* могѣ.
 Но благодарность — не *искусство*;
 Она простаго сердца чувствѣ,
 Ея гласѣ слышищѣ — слыше Богѣ!

*

Ахѣ! часто въ горести, въ напасти,
 Несчастный, слабый человекѣ,
 Въ минушѣ сильной, буйной спраси
 Проступкомѣ помрачаетѣ вѣкѣ;
 И съ самой нѣжною душою,
 Судьбы жестокою рукою
 Во зло бываетѣ вовлеченѣ.
 Судьѣ холодно разсуждающѣ,
Разсудкомѣ сердце обвиняющѣ;
 Но Ты на тронѣ — онѣ прощенѣ!

*

Прощенѣ и оживленѣ Тобою!
 Ты снова чувствѣ далѣ ему.
 Преступникѣ съ тронушѣ душою
 Спѣшищѣ къ престолу Твоему;

Перенеси удары рока ;
 Клянется убѣгать порока ;
 Какъ скорбь опцу нанесшій сынъ
 Передъ самимъ собой винылся ,
 Опять къ семьѣ своей спремится ;
 Опять онъ добрый гражданинъ ! . . .

*

Въ странѣ , гдѣ всѣ законы спроги ,
 Кто вѣкъ свой мирно проводилъ ? —
 Ты , снявши съ подданныхъ налоги ,
Налогъ на сердце наложилъ ,
Налогъ для каждаго священный !
 Твоею благоспѣю плѣненный ,
 Россѣ вѣрный зришь въ Тебѣ Опца ;
 Тебѣ опъ чувствъ приноситъ жертвы :
 Ахъ ! *Минины* еще не мертвы ;
 Еще есть люди , есть сердца !

*

Россія *Тайной* не спрашится ,
 И *тайна* подданныхъ сердецъ ,
 Какъ солнце , предъ Твоей явится !
 Не Царь Ты будешь — нашъ Отецъ ,
 Чье имя Росскіе народы ,
 Среди блаженства и свободы ,
 Всегда въ восторгъ повлорятъ .
 Любовь положишь намъ законы ,
 Хуль , невѣжеству препоны ,
 Предъ ней — злодѣи замолчатъ .

*

Тамъ земледѣлецъ работаетъ
 И строитъ хижинку себѣ ;
 Онъ дни Твои благословляетъ ;
 Онъ Бога молитъ о Тебѣ !

Ты вспомнилъ обо всѣхъ на проиѣ,
 Въ своемъ опеческомъ законѣ:
Всякъ мирно, щастливо живи!
 Въ Твоемъ правленъи нѣтъ угрозы.
 Всякъ въ даръ Тебѣ приносишь слёзы
 Восторга, искренней любви.

*

Тамъ вижу — флаги разпустились,
 Суда бѣлбются вдали;
 Моря Россійски оживились,
 Плывущъ опвсюду корабли;
 Купецъ съ семействомъ торжествуетъ!
 Пускай на сушѣ все буншуетъ,
 Война несется по морямъ —
 Онъ помощи ни чьей не проситъ,
 Твое лишь Имя произноситъ,
 И смѣло пристаеши къ брегамъ.

*

Тамъ тѣ, которые спасали
 Отъ бѣдства Россіи спраны,
 И правду говоришь дерзали —
 Россіи древніе сыны,
 Дворяне, съ духомъ предковъ славныхъ,
 Подпоры всѣхъ Власпей державныхъ,
 Въ безмолвной радости своей
 Колѣна съ чувствомъ преклоняютъ;
 Ихъ слезы предъ Творцемъ сіяютъ:
 Тебѣ блаженныхъ просятъ дней!

*

Градовъ Твоихъ всѣхъ мать, Царица,
Москва Тебя къ себѣ зоветъ!
 Теби Россійскихъ спранъ Столица
 Какъ Перуанка солнца ждеши!

Вя усердіе безмѣрно.
 Ты будешь щастливѣ, щастливѣ вѣрно;
 Молишва подданныхъ сильна! . . .
 Твоя соупница извѣдѣшва
 Тебѣ къ всему откроешъ средства:
 Всего нужнѣй Царямъ она.

*

Ты будешь щастливѣ! мы щастливы,
 Когда законы издалъ Ты;
 Они премудры, справедливы;
 Въ нихъ видя чувствва красны,
 Твоя Россія восхищилась,
 Тебѣ съ восторгомъ покорилась,
 И всякой отъ души сказалъ:
 „На что хвалишь Его на лирѣ?
 „На что хвалишь Великихъ въ мѣрѣ?
 „Дѣла ихъ славны безъ похвалъ.

К. П. Козловскій.

 XLVI.

 ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ

Ужь дни весенни возвратились,
 Прогнавъ жестокой зимнѣй хладъ;
 Суда, что по брегамъ хранились,
 Съ раскатовъ на море скользятъ;
 Въ заграды овцы не пѣбонятся,
 Къ огню не жмется земледѣль,
 И инеемъ не серебрятся
 Луга, гдѣ дернъ позеленѣлъ.

*

При лунномъ въ рощицъ сѣяны
 Сзываешъ ладо юныхъ дѣвъ;
 Во льняномъ тонкомъ одѣяны
 Онъ, подъ рѣзвый свой напѣвъ,
 Сплешся бѣлыми руками,
 Лешающъ, чужь клоня шраву,
 И легко-быспрыми спопами
 Апласяшъ мягку мураву.

*

Вошъ время первые цвѣпочки
 Съ блестящею росой срывать,
 И свивъ душистые вѣночки,
 Чело красавицъ увѣнчать!
 Вошъ время влюбчивому Лелю,
 На мѣсто жертвенниковъ въ честь,
 Изъ мягкихъ розъ постлать постелю,
 А въ жертву торлицу принести!

*

Лукулла щастіе ласкаетъ — —
 Но смерть спропивою ногой
 Равно въ убогу дверь толкаетъ;
 Какъ въ двери храмины златой.
 Мягкѣжна жизнь и скоросечна
 Препишъ доспичъ намъ дальнихъ лѣтъ;
 За нею ночь зѣлетъ вѣчна:
 Мой другъ! она насъ всѣхъ пожретъ.

*

Тамъ злато, знатность, напыщенна
 Не развлекашъ твоихъ очей;
 Пріятность дружества священна
 Души не упоишъ твоей;

Не будешь виночерпной чашей
 Въ пирахъ любовь ты возжигашъ;
 Въ объятыхъ нѣги, съ милой Дашей
 Сладчайше всѣхъ блаженствъ вкушашъ.

Слѣши жъ! въ кругу оспрадъ, веселій,
 Крылатый мигъ оспанови;
 Брегись, чтобъ съ нимъ не улѣзли
 Воспорги первыя любви;
 Лишь разъ ей очарованье
 Насъ можешь въ жизни усладить.
 Увы! пріятно сна мечтанье,
 Проснувшись, можно ль возвратишь?

Капнисть.

~~~~~

XLVII.

НАЩАСТІЕ.

~~~~~

Всегда прехвально, препочпенно,
 Во всей вселенной обоженно
 И вождельнное отъ всѣхъ,
 О ты, великомощно Щасье!
 Источникъ нашихъ бѣдъ, утѣхъ,
 Кому и въ ведро и въ ненастье,
 Мавръ, Лопарь, пасыри, Цари,
 Моляся въ кущахъ и на тронѣ,
 Въ воскликновеньяхъ и спонѣ,
 Въ сердцахъ ихъ зиждущъ олтари!

Сынъ время , случая , судьбины ,
 Иль недовѣдомой причины ,
 Богъ сильной , рѣзвой , доброй , злой !
 На шаровидной колесницѣ ,
 Хрустальной , скользкой , роковой ,
 Во слѣдъ блистающей денницѣ
 Чрезъ горы , степь , моря , лѣса ,
 Вседневно ты по свѣшу скачешь ,
 Волшебною шириной машешь ,
 И производишь чудеса.

Куда хребетъ свой обращаешь ,
 Тамъ въ пепелъ грады претворяешь ,
 Приводишь въ страхъ богатырей ;
 Султановъ заключаешь въ кѣшку ,
 На казнь выводишь Королей ;
 Но еспли пыжь , хопя въ издѣвку ,
 Осклабишь взоръ свой на кого :
 Раба творишь Владыкой міру ,
 На мѣсто рубища порфиру
 Ты возлагаешь на него.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья ,
 Какъ нѣшъ кикиморовъ явленья ,
 Какъ ты лишь всемъ чудотворишь :
 Дѣвицъ и дамъ магнизируешь ,
 Изъ камней золото варишь ,
 Въ глаза папріотизма плюешь ,
 Капаешь кубаремъ весь міръ ;
 Какъ рѣзвосты твоей примѣровъ ,
 Полна земли вси Кавалеровъ ,
 И цѣлый свѣтъ сталъ Бригадиръ ;

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ
 Предъ Рускимъ ты бѣжишь народомъ
 И лавры рвешь ему зимою,
 Стамбулу бороду ерошишь,
 На Тавръ ѣдешь чехардой;
 Задашь Спокогольму перцу хочешь,
 Берлину фабришь ты усы;
 А Темзу въ фижмы наряжаешь,
 Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
 Копишь Голландцамъ колбасы;

Въ тѣ дни, какъ Вѣну ободряешь,
 Парижу пукли разбиваешь,
 Мадришу поднимаешь носъ,
 На Копенгагенъ иней сбесишь,
 Пучокъ подносишь Гданску розъ,
 Венецыи, Мальтѣ не радѣешь,
 А Греціи велишь зѣвать;
 И Риму, ноги чѣмъ не пухли,
 Святѣя оставляя шуфли,
 Царямъ претишь ихъ цѣловать;

Въ тѣ дни, какъ всё вездѣ въ разгульѣ:
 Полипика и правосудье,
 Умъ, совѣсть и законъ свяшой,
 И Логика пиры пируютъ,
 На карты спавятъ вѣкъ злобой,
 Судьбами смертныхъ пуншируютъ,
 Вселенну въ шрантелево тнутъ;
 Какъ полюсы, меридіаны,
 Науки, Музы, боги — пьяны,
 Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ —

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
 Не сѣюшъ, но лишь жнушъ червонцы,
 Ихъ денегъ куры не клююшъ;
 Какъ вкусъ и нравы разпеспрились,
 Весь мѣръ сѣмалъ полосатый шумъ,
 Маршешки въ воздухъ явились,
 По свѣту свѣщая фонари;
 Вишійствуюшъ уранги въ школахъ;
 На пышныхъ каршочныхъ престолахъ
 Сидяшъ мишурные цари;

✱

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди проновъ
 Одна не мѣсипъ макароновъ,
 Не ходишъ въ кузницу ковать,
 А развѣ временемъ лишь скучнымъ
 Изволишъ Музъ къ себѣ пускать,
 И перышкомъ своимъ искуснымъ,
 Не ссоряся никакъ ни съ кѣмъ,
 Для общей и своей забавы,
 Комедьи пишешъ, чистишъ нравы,
 И, припѣваешъ: *хемъ, хемъ, хемъ!*

✱

Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна
 Она съ тобою сопряженна,
 — Ни въ сказкахъ складно рассказать,
 Ни написать перомъ красиво —
 Изволишъ милость проливать,
 Изволишъ царствовать правдиво,
 Не жжешъ, не рубишъ безъ суда,
 А развѣ кое-какъ Вельможи,
 И шакъ и сякъ, пахмури рожь,
 Тузишъ инова иногда;

✱

Въ тѣ дни, какъ мечешъ всюду взоры
 Она вселенной на ресоры
 И вѣситъ скипетры Царей;
 Слѣды орловъ парящихъ видишь
 И пресмыкающихся змѣй;
 Разя враговъ, не ненавидишь,
 А только пресѣкаетъ зло;
 Безъ лапъ богатырямъ и въ лапахъ
 Препишъ давишь лимоны въ лапахъ,
 А хочешъ, чѣобы все цвѣло;

*

Въ тѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ
 Она перунъ къ спранамъ желѣзнымъ
 И громъ за придевяшь земель
 Несетъ на лунно Государство,
 И бомбы сыплетъ будно хмѣль;
 Свое же ублажая Царство,
 Покоетъ, грѣетъ и живитъ;
 Въ морозъ каминъ возжигаетъ,
 Дрова и сѣно запасаетъ,
 Бояръ и чернь благониворитъ;

*

Въ тѣ дни и времена чудесны
 Твой взоръ и на меня всемѣстный
 Прости, о надъ Царями Царь!
 Прости, и удоспой усмѣшкой
 Презрѣнную побою шварь;
 И естли я не созданъ пѣшкой,
 Валясь не рожденъ въ пыли,
 Прошу себя моимъ бышь другомъ!
 Песчинка можешъ бышь жемчугомъ;
 Погладь меня и попрепи.

*

Бывало, ты меня къ боярамъ
 Въ любовь введешь: беру все даромъ,
 На вексель, въ долгъ безъ плашежа;
 Судьи, дьяки и прокуроры,
 Въ передней про себя брюжжа,
 Умильные мнѣ мещущѣ взоры
 И жаждущѣ слова моего:
 А я всѣхъ мимо по паркету
 Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
 И въ грошъ не ссавлю никого.

✱

Бывало, подѣ чужимъ нарядомъ,
 Съ красоткой чернобровой рядомъ,
 Иль съ бѣленькой, сидя со мной,
 То въ шашки, то въ картежъ играешь;
 Прекрасною швоей рукой
 Туза червоннаго вскрываешь,
 Сердечной швой шѣмъ кажешь взглядъ;
 Я къ кралѣ короля бросаю,
 И ферзь къ ладѣ я придвигаю,
 Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ.

✱

Бывало, милыя Науки
 И Музы, проспирая руки,
 Позавтракать ко мнѣ придущѣ,
 И все мое усядущѣ ложе;
 А я, свирѣль наспроя шумъ,
 Съ ихъ каждой лирой то же, то же
 Играю, что вчерась игралъ.
 Согласна прель! взаимны поны!
 Воспоргъ всѣхъ чувствъ! За васъ короны
 Тогда бы взять не пожелалъ.

✱

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било ;
 Полетѣ свой Щастье премѣнило ,
 Безѣ латѣ я Горе - богатырь ;
 Прекрасный полѣ меня лишь бѣситѣ ,
 Амурѣ безѣ перьевѣ — нешопырь ,
 Едва вспорхнешѣ , и носѣ повѣситѣ .
 Сокрылся и вѣ игрѣ мой кладѣ ;
 Не страшны мной , какѣ прежде , Музы ;
 Бояра понадули пузы ,
 И я у всѣхѣ сталѣ виноватѣ .

*

Услышь , услышь меня , о Щастье !
 И солнце какѣ сквозѣ бурѣ , ненастье ,
 Такѣ на меня и ты взгляни ;
 Прошу , молю тебя умильно ,
 Мою ты участь премѣни !
 Вѣдѣ всемогуще ты и сильно
 Творишь добро изѣ самыхѣ золѣ ;
 Отѣ божеской твоей десницы
 Гудокѣ гудитѣ на шонѣ скрипицы
 И вьется локономѣ хохолѣ .

*

Но , ахѣ ! какѣ нѣкая ты сфера ,
 Иль легкѣй шарѣ Монгольфѣера ,
 Блистая вѣ воздухѣ , летишь !
 Вселенна длани простираетѣ ,
 Зовешѣ себя , ты не глядишь ;
 Но шарѣ твоей часто упадетѣ ,
 По прихоши одной твоей ,
 На пни , на кочки , на колоды ,
 На грязь и на гнилыя воды ;
 А рѣдко , рѣдко на людей .

+

Слеши ко мнѣ, мое драгое,
 Серебряное, золотое,
 Сокровище и божество!
 Слеши, причти къ твоимъ любимцамъ!
 Я храмъ тебѣ и торжество
 Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
 Твоимъ разсыплю я цвѣты;
 Возжгу куреньи благовонны,
 И буду вѣдишь на поклоны,
 Гдѣ только обитаешь ты.

*

Жить буду въ шеребѣ богатомъ,
 Возвышусь въ чинѣ, и знатнымъ бракомъ
 Горацию въ родню причтусь;
 Перомъ моимъ славно - школярнымъ
 Разсудка выше вознесусь,
 И ставъ тебѣ неблагодарнымъ,
 — *Блапущь!* братъ мой, на волахъ
 Собою самъ поля орющій,
 Или спада свои пасущій! —
 Я буду восклицать въ пирахъ.

*

Увы! еще ты не внимаешь,
 О Щастіе! моей мольбѣ;
 Мои обѣты презираешь:
 Знать не угоденъ я тебѣ!
 Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
 Въ шѣняхъ ли мирсовыхъ, лавровыхъ,
 Иль въ золотой живешь спранѣ:
 Внемли! — шепни твоимъ любимцамъ,
 Вельможамъ, Королямъ и Принцамъ:
 Спокойствіе мое во мнѣ!

Державинъ.

XLVIII.

КЪ МИЛОСТИ.

Чѣмъ можешь быть Тебя свяще,
 О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
 Чѣмъ краше въ мѣрѣ, чѣмъ милѣ?
 Кто можешь безъ сердечныхъ слезъ,
 Безъ радости и восхищенья,
 Безъ сладкаго въ крови волненья,
 Взирать на прелести Твои?

Какая ночь не озарится
 Огнь солнечныхъ Твоихъ очей?
 Какой мятежь не укротится,
 Одной улыбкою Твоей?
 Речешь, и громы ошумѣютъ;
 Гдѣ спустишь, шамъ цѣлѣны алѣютъ,
 И съ неба льется благодать!

Любовь Твои стопы лобзаетъ,
 И нѣжной матерью зоветъ;
 Любовь Тебя на прѣонъ вѣнчаетъ,
 И скипетръ въ десницу подаетъ.
 Текутъ, текутъ земные роды,
 Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
 Подъ сѣнь державы Твоея.

Блаженъ, блаженъ народъ, живущій
 Въ проспанной области Твоей!
 Блаженъ пѣвецъ, Тебя поющій
 Въ жару, въ огнь души своей!

Доколѣ Милостію будещь ;
 Доколѣ права не забудещь ,
 Съ которымъ человекѣ рожденъ ;

Доколѣ гражданинѣ довольный
 Безъ страха можешъ засыпашъ ,
 И дѣши-подданные вольны
 По мыслямъ жизнь расподгаши ,
 Вездѣ Природой наслаждаешься ,
 Вездѣ наукой укращаешься
 И славить прелести Твои ;

Доколѣ Злоба , дщерь Тифона ,
 Пребудетъ въ мракѣ удалена
 Ошѣ свѣшлосолопѣаго трона ;
 Доколѣ правда не спрашна ,
 И чистый сердцемъ не боишся
 Въ своихъ желаніяхъ открышся
 Тебѣ , владычицѣ души ;

Доколѣ всѣмъ даещъ свободу ,
 И свѣща не шемнишь въ умахъ ;
 Доколь довѣренность къ народу
 Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ ;
 Доколѣ будещъ свято чшима ,
 Ошѣ подданныхъ боготворима
 И славима изъ рода въ родъ !

Спокойствіи Твоей державы
 Ни что не можешъ возмущить ;
 Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы ,
 Какъ вѣрность къ мащери хранить .

Тамъ шронъ вовѣкъ не поприсясея,
Гдѣ онъ любовію брежесея,
И гдѣ на шронѣ — Ты сидишь.

КАРАМЗИНЪ.

XLIX.

ОРЕЛЪ.

Носитель молніи и грома
Всесильнаго Петрова Дома!
Куда несешься съ высоты?
Принявъ перуны въ когти мочны,
Куда паришь, Орелъ Полночный,
И на кого ихъ бросишь ты?

Еще ль, по манію Беллоны,
Спредишься въ прахъ низвергнушь шроны,
Братъ царства, Королей плѣнишь? —
Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
Ты съ Росскими лешишь полками
Престолы падши возносишь.

Гряди спасати Царей, Суворовъ!
Избавишь царства отъ раздоровъ!
И Власть въ порфиру облещи;
Соименитому Герою
Подобно, ты рожденъ Судьбою
Коварства узелъ разсѣчи.

Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку!
 Смири ея пы люшость звѣрску,
 Спаси опъ бѣдъ вселенну вновь!
 Ужасно жалъ ея сверканье,
 Тлешворно, пагубно дыханье,
 И смершно-ядовита кровь.

Но пы одѣтъ въ броню неплѣнну:
 Въ надежду, вѣру несомнѣнну,
 Любовью выспренней горишь;
 Полкъ Ангелъ предъ тобой сомкнется,
 И зло тебѣ не прикоснется,
 Рога пы буйству сокрушишь.

Съ тобою Богъ идетъ! — и Россы,
 Во знаменье побѣдъ, колюсы
 Воздвигнутъ по твоимъ слѣдамъ;
 Слухъ пройдетъ въ позднее потомство;
 „Тобой спертъ Павелъ вѣроломство
 „И скиптры возвратилъ Царямъ!
Д Е Р Ж А В И Н Ѣ.

L.

У М Ъ Р Е Н Н О С Т Ъ.

Коль хочешь вѣкъ прожить щасливо,
 Не всё въ открыто море мчись;
 Ни слишкомъ къ берегу шрусливо
 Межъ камней съ лодочкою жмись.

Кто щасстья шумнаго превогъ
Средину скромну предпочтетъ,
Не въ заглавомъ пошл черпогъ,
Но и не въ хижинъ живетъ.

✱

На ель высоку вихрь спремился;
И башни, гордая челомъ,
Съ крупныхъ высотъ скорѣй валился;
Вершины горъ бьетъ чаще громъ.

✱

Надежду мудрый зрѣтъ въ напасти,
На случай злый вооруженъ;
Но въ льстивомъ бережется щасстья
Судьбы коварныхъ переменъ.

✱

Не всё зима насъ удручаетъ;
Весна за нею въ слѣдъ спѣшитъ;
Сегодня горестъ убиваетъ,
А завтра радость оживитъ.

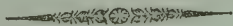
✱

Не каждый разъ перунъ горящій
Грозитъ пожарами спранамъ;
Но часто, шучи, градъносящи,
Прогнавъ, даруетъ ведро намъ.

✱

Будь твердъ въ злощасныя минушны!
Но щасстью пожъ не довѣрай;
И въпрямъ парусы надушы
За благо время опускай.

Капнисть.

ЛІ.

ДРУГУ МОЕМУ.

Взгляни, какъ снѣгомъ покровенны
Высокихъ горъ верьхи блестящѣ;
Какъ сосны инеемъ нагбенны,
И рѣки, льдомъ опягощенны,
Въ берегахъ оцѣпенѣвъ стоящѣ!

Теперь - то, сидя у камина,
Морозъ забытъ ты насъ заславъ;
По старшинству ихъ лѣтъ и чина,
Вели подашь Венгерски вина,
А прочее богамъ осплавъ.

Метели, бури и морозы
Когда они хощащѣ смирить,
Тогда ни липы, ни берѣозы,
Ни гибки однолѣтны лозы
Не смѣющѣ вѣткою шевелить.

Что завтра встрѣпишься съ тобою,
Не безпокойся узнавать;
Минушной пользуйся чредою;
И день, отсроченный судьбою,
Учись подаркомъ почищать.

Во младости несуетливой
Безъ пляски, игръ, не шрашь часа;
И плодъ вкушай любви щасливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребришься волоса.

Теперь тебя зовутъ гулянья ,
 Театръ , концерты , маскарадъ ,
 И тѣ условленны свиданья ,
 Гдѣ нѣжны вечеркомъ шепшанья
 Украдкой о любви швердишь ;

*

Гдѣ смѣхъ невольный опкрываетъ
 Красотку въ темномъ уголкѣ ,
 Что въ фанты перстенёкъ теряешь ,
 И слабо лишь обороняешь
 На сжатой съ нѣжностью рукѣ.

К а п и с т ь .

LII.

КЪ БОГУ.

Невидимый Творецъ безчисленныхъ свѣшилъ!

Сокрышый въ прахѣ червь мгновенный —
 Но червь, въ которомъ Ты Себя изобразилъ —
 Подъемяшъ взоры дерзновенны
 Къ Пресполю Твоему.

О непоспнжимое Величье уму!
 Мїры огромные мелькаютъ ,

Какъ шѣни, въ безднахъ предъ Тобой ;
 Велишь — ихъ нѣтъ ! велишь — пылаютъ !
 Могущій ! Трисвятой ! . . . .

Пусшь Ангеловъ полки, со препеномъ священ-
нымъ

Звуча струнами дивныхъ лиръ,
 Поютъ Твою хвалу по сферамъ изумленнымъ;
 Пускай сей величпный мїръ ,

Твоимъ рожденный словомъ ,
 Всегда украшенный, всегда воцвѣвшъ новомъ,
 О силѣ Творческой въкамъ благовъ-
 спитъ. ....

О Милосль пресвятая !
 Тебѣ хвалу моя душа провозгласитъ,
 Любовію пылая.

Подъ Опческой рукой Твоей ,
 Опасной дней моихъ спезей
 Иду покорный, безмятежной ;
 Тобой хранимый съ высоты ,
 Доспигну пристани надежной ;
 Бѣды жишейскія — мечпы ,
 Одной минутой испытанье ;
 Найду награду за спраданье !

О Ты , Отецъ любви ! внемли моей мольбѣ :
 Спаси неопытность мою отъ прешкновеній ;
 Да буду невредимъ среди мѣрскихъ волненій ;
 Да научусь творить угодное Тебѣ !
 Прикрой сихъ опроковъ (*) десницей благодатной ;
 Пускай для щастія и славы разцвѣтнутъ ;
 Пустьъ выдутъ съ шоржествомъ изъ жизни сей
 превращной ;
 И въ вѣчность мирную невинность принесутъ !

Г Р А М М А Т И Н Ъ .

(*) Спихи сіи читаны на актѣ У. Б. Пенсіона.

П Р И Х О Д Ъ М А Я.

Что вокругъ все такъ смѣется,
 Все веселью предается,
 Восхищаетъ сердце, духъ,
 Взоръ плѣняетъ, нѣжитъ слухъ?
 Что заря, поверхъ долины
 Озлапивши горъ вершины,
 Такъ румяна, такъ ала
 По лазури возглекла;
 И росой серебристой
 Ожемчуживъ лугъ цвѣтислой,
 Тихо такъ и такъ свѣтло
 Утро красное взошло?
 Что Природа такъ играетъ,
 Взоръ умильно ослабляетъ? —
 Май, Природы нѣжный другъ,
 Низлетѣлъ на красный лугъ!
 Съ нимъ забавы низпустились,
 Игры, пляски возвратились;
 Въ полномъ блескѣ къ намъ Весна
 Съ нимъ сошла обручена! —
 Къто жъ теперь не оживится?
 Къто Природой не плѣнится —
 Не поидетъ Весны встрѣчать,
 Жизни сладость ощущать:
 То подъ тѣнью густою,
 Съ угасяющей зарёю
 Близъ шумящаго ручья,
 Пѣснь внимая соловья;

То гуля краснымъ лугомъ
 Иль одинъ, иль съ милымъ другомъ
 По песнѣющимъ цвѣтамъ,
 По зеленымъ берегамъ;
 То съ вершины въ устро ясно
 Восходяще солнце красно,
 Иль за синія моря
 Заходяще солнце зря;
 То въ струяхъ прозрачныхъ, чистыхъ,
 Подъ навѣсомъ древъ вѣтвистыхъ,
 Гдѣ играютъ волны вокругъ,
 Веселя прохладою духъ?

Волковъ.

LIV.

к ъ б ѣ д н я к у.

Парфень! напрасно ты вздыхаешь
 О томъ, что долженъ жить въ степи;
 Гдѣ съ горя, съ скуки изнываешь.
 Ты бѣденъ — слѣдственно шерпи.

*

Блаженство даромъ достается
 Такимъ, какъ ты, на небеси;
 А здѣсь съ поклону всё дается.
 Ты бѣденъ — слѣдственно проси.

*

Коль Баринъ на смѣхъ поднимаетъ ,
 Вмѣняй шо въ честь , и не ропщи ;
 Тобой онъ шѣшишься желаетъ .
 Ты бѣденъ — слѣдственно молчи .

Не смѣй опнюдь шѣмъ обижаешься ,
 Чшо не когда ему шобой
 Въ своей уборной занимаешься .
 Ты бѣденъ — шакъ въ сѣняхъ постой .

Иной шага не переступитъ ,
 Съ софы не пронется своей ,
 А сходно все достанетъ , купитъ .
 Ты бѣденъ — бѣгай и потѣй .

О бѣдность ! горько живешь съ тобою !
 Не лзя и чувснвамъ воли дать .
 Я , разсуждая самъ съ собою ,
 Не могъ вовѣкъ шого понять :

Какъ могутъ люди быть шакіе ,
 У коихъ множество всего ,
 И въ томъ же свѣтѣ есть другіе ,
 У коихъ вовсе ничего ?

Иной въ прекраснѣйшей палатѣ
 Даетъ всѣдневно пиръ друзьямъ ;
 А рядомъ съ нимъ , въ подземной хатѣ ,
 Другой не ѣстъ по цѣлымъ днямъ .

Богачъ перяетъ десятину ,
 И всѣ кричатъ : какой уронъ !
 А бѣдной выронитъ полшину —
 И никому не жалокъ онъ .

Обиженъ сильной—шумъ, превога!
 Обиженъ сирый—быть должно!
 Иль въ области всеильна Бога
 Парфенъ и Крезъ не все равно?

*

Ужь ли различны всѣмъ на свѣтѣ
 Удѣлъ судьбы—природы даръ?
 Инымъ все радости въ предметѣ,
 Другимъ что шагъ, то и ударъ.

*

Ахъ, нѣтъ! не лѣзя, чтобъ Провидѣнье,
 Создавъ меня, себя, его,
 Излило все благошворенье
 Изъ насъ изъ трехъ на одного!

*

Равно насъ матери утроба
 Равно и носитъ и родитъ;
 И всѣмъ въ свой часъ открывъ дверь гроба,
 Равно насъ смерть пуда валитъ.

*

За чтожь? — Опять забываешь,
 Что ты не долженъ разсуждать;
 Ко всѣмъ вопросы посылаешь;
 А зналъ бы ты, Парфенъ—молчать!

*

Терпи свое пихонько горе,
 И знай, что наша жизнь была,
 И будетъ впредь, такое море,
 Въ которомъ гадовъ нѣсть числа.

*

Разсудкомъ щепино ты хлопочешь
 Предразсужденъе одолѣть;
 И есѣли волею не хочешь,
 Насильно будешь же терпѣть.

*

Такъ вѣрь ты мнѣ, Парфенъ! держися
Пословицы Козачьихъ спранъ;
По ихъ системѣ жишь учися:
„Терпи — и будешь Апаманъ.“

К. Долгоруковъ.

LV.

НА КОНЧИНУ Н. Н.

Быстрый полетъ къ намъ направляя,
Съ спрашной косою мчась, шумишь —
Вышнихъ судебъ гласу внимая,
Лютымъ ударомъ смерть насъ разитъ.

Нѣжной супруги вопль и рыданье,
Плачь неушѣшный юныхъ дѣтей —
Ближнихъ, друзей скорбь, состраданье,
Смерть презираешь въ злѣбъ своей.

Лишь прикоснулася; бишься преспало
Томное сердце — зракъ поблѣднѣлъ;
Персть воспріяла прежде начало,
Къ вѣчну Началу духъ ошлѣбѣлъ.

Гдѣ же надежды, радости, печали?
Скрылись; исчезли вмѣстѣ съ побой —
Вѣчности въ нѣдрахъ скрылись; увидали : : : :
Все прекратилось смертной стѣной.

Тщетно супруга стонетъ и рвется,
 Воплемъ наполнишь хочешь эфиръ;
 Другъ ея сердца къ миру несется,
 Здѣшній оставивъ суетный мѣръ.

Нѣжны объятія къ ней простираешь
 Въ воздухъ тонкомъ съ горнихъ высотъ;
 Съ райской улыбкой благословляешь
 Милыхъ оставшихся юныхъ сиротъ.

Ты благодѣтеленъ въ здѣшнемъ былъ мѣрѣ:
 Добрыхъ чертоги шамъ населяй;
 Другъ намъ любезный! въ тихой могилѣ
 Съ миромъ твоей милый прахъ почивай!

Т а у ш е в ъ .

LVI.

у т р о .

Огнистый Сиріусъ сверкающія спрѣлы
 Мешалъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы,
 Лежала на холмахъ вокругъ ночь и тишина,
 Вселенная была безмолвія полна;
 А только въспровъ свистъ — лѣсовъ листья
 шептали —
 Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ
 потоковъ ревъ,
 И изрѣдка вдали рычащій левъ
 Молчанье прерывали.

Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ; всталъ
 И свѣта дожидался;
 Но говоръ птицъ едва по малу слышанъ спалъ,
 Вкругъ по берегамъ раздался
 И вскрикнулъ соловей;
 Тумана, свѣта свѣтъ по небу разпростерлась,
 Сокрылся Сиріусъ за ней;
 И ночь, бѣгущая чужь зрѣлась.
 Мудрецъ возшелъ на вышній холмъ,
 И шамъ, сѣдымъ склонясь челомъ,
 Возсѣлъ на мшистый пенъ подъ дубомъ много-
 лѣшнымъ,
 И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ
 На море, на лѣса, на сини цѣпи горъ,
 И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
 Отъ сна на встающій мѣръ.
 Какое зрѣлище! какой прекрасный цѣръ
 Ему открылся всей Природы!
 Онъ видѣлъ землю вдругъ, и небеса, и воды,
 И блескъ планетъ,
 Тонущій тихо въ юный, рдяный свѣтъ.
 Онъ зрѣлъ: какъ Солнцу путь Заря уготовила,
 Лиловые ковры съ улыбкой разстилала;
 Врата Востока отперла,
 Крылатыхъ коней запрягла,
 И звѣздъ Царя, сего вѣнчаннаго возницу,
 Румяною рукой взвела на колесницу;
 Какъ, хоромъ упренныхъ часовъ окружена,
 Подвинулась въ свой путь она,
 И возшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна;
 Багряны вожжи напругаися
 По конскимъ блещущимъ хребтамъ;
 Летящъ; вверхъ пылушъ огнь, свѣтъ ме-
 щущъ по сѣрамамъ.

И мглы подѣ ними улеглись;
 Тумановѣ рѣки разлились,
 Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинѣ,
 Челомѣ сверкая золошымѣ,
 Возспали горы изъ долинѣ,
 И воскурился сверхѣ ихъ тонкій дымѣ.
 Онѣ зрѣвъ, какѣ свѣща богѣ съ морями лишь

сравнился,
 То алый лучъ по нихъ возколебался,
 Посыпались со скалъ
 Рубины, яхонты, кристалѣ,
 И бисеры перловы
 Зажглись на вѣшняхъ;
 Багряны шѣни, бирюзовы,
 Слились съ златомѣ въ облакахъ,
 И всё сіяніе покрыло!

Онѣ видѣвъ, какѣ сіе божественно свѣщило
 На высоту небесъ внесло свое чело,
 И пропастей лице лучами разцвѣло.

Открылося морей огнисто пропѣянье:

Тамѣ съ холма внизъ глядишѣ навѣсясь тем-
 ный кедрѣ,

Тамѣ съ шумомѣ вержешѣ кипѣ на воздухѣ
 рѣкъ стремленье,

Тамѣ чолѣ на парусахъ бѣжишѣ средѣ вод-
 ныхъ нѣдрѣ;

Тамѣ, выплывѣ изъ пучины,
 Играютѣ, рѣзвяшѣ дельфины,
 И рыбѣ спада сверкаютѣ чешуей,
 И блещутѣ чуды чрева бѣлизной.

А тамѣ среди лѣсовъ гора переступаетѣ,
 Подъземлетѣ хоботѣ слонѣ и съ древѣ плоды
 сжимаетѣ.

Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на верблюдѣ поднялись ;
Тамъ конь , пуска по вѣпру гриву ,
Бѣжитъ и мнѣтъ волнисту ниву ;
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежишь ,
Глазами красными блестящъ ;

Тамъ серны, пряди сѣ холма на холмѣ стрѣ-
лами,
Споютъ на крупизнахъ, висятъ подъ облаками;
Тупъ, взоры пламенны вверхъ устремляя къ
нимъ,
На лапахъ жилистыхъ сидитъ зубастый
скимъ;

Здѣсь пестрый, алчный шигръ въ лѣсѣ кра-
дется дебристый
И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговѣшвисный;
Тамъ въ плещущимъ ключамъ въ зеленый, мяг-
кій логъ

Спремися въ жаждѣ пиить единорогѣ;

А здѣсь по воздуху вишаетъ

Пернашихъ, насѣкомыхъ рой,

Лѣса, поля, моря и холмы населяешъ

Чудесной пестрошюй :

Тѣ въ златѣ, пѣ въ сребрѣ, пѣ въ розахъ,
пѣ въ багряницахъ,

ТѢ ВЪ СВѢТЛЫХЪ ЗАРЕВАХЪ, ШѢ ВЪ ЖЕЛТЫХЪ,
СИЗЫХЪ ГЛАНЦАХЪ,

Гуляють по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вокругъ озеръ;

Надъ ними въ высотѣ ширяется орелъ;

А шамъ съ пологихъ горъ, селъ кровы, башенъ
спицы,

Лучами опразясь, мелькающѣ на водахъ;

Тутъ слышанъ рога зовѣ, тамъ эхо отъ цѣвницы,

Блєяннє, ржанє, ревѣ и попошѣ на лугахѣ;

А здѣсь сѣвозъ пшичій хоръ и шумъ отъ водопада
 Несущся громы въ слухъ съ великолѣпна града,
 И извивающъ водныхъ прудъ.
 Тамъ поселене плугъ влекутъ;
 Здѣсь съти рыболовъ кидаетъ,
 На удъ блещетъ серебро;
 Тамъ огонь съ оружья войскъ сверкаетъ —
 И все то благо, все добро!
 Клеантъ, на все сѣе взирая,
 Былъ внѣ себя Природы отъ чудесъ;
 Верховный умъ Творца воображая,
 Излилъ потоки сладкихъ слезъ.
 „Все дѣло рукъ Твоихъ! вскричалъ во умиленъ,
 И арфу въ восхищенъ
 Пріявъ, благоговѣнъ полнъ,
 Въ Фригическій наспроя шонъ,
 Умолкъ..... Но лишь съ небесъ, сѣвозъ дуба
 сводъ лисвяный
 Проникнувъ, на него палъ свѣтъ багряный,
 Брада сребристая, чело,
 Зардѣвшись какъ солнце, разцвѣло; —
 Ударилъ по спрунамъ, и отъ холма съ вершинъ
 Какъ искръ спрунъ въ долъ быстро покашились,
 Далеко звуки разгласились,
 Воспѣлъ онъ Богу гимнъ.

Д Е Р Ж А В И Н Ъ.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА.

Гремѣишь! . . . благоговѣи, сынъ персти!
 Се *Велхій* деньми съ небеси
 Изъ крошкой, благошворной длани
 Перуны свѣишь по земли! —
 Всесильный! съ трепетомъ младенца
 Цѣлую я священный край
 Твоей молніецвѣтной ризы,
 И — исчезаю предъ Тобой!

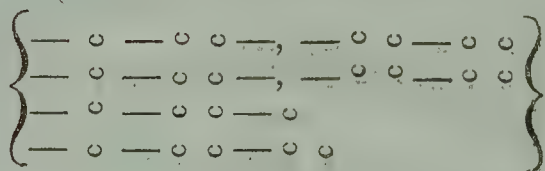
Что человекъ! парѣишь ли къ солнцу,
 Смирительно идѣишь по земли:
 Увы! шамъ умъ его блуждаѣишь,
 А здѣсь споны его скользѣишь.
 Подъ мракомъ въ океанъ жизни
 Пловецъ на ушлой ладѣишь,
 Ошдавши руль слѣпому року,
 Онъ спиѣишь — и мчиѣишь на скалу!

Ты дхнеѣишь — и двигнеѣишь Океаны!
 Реченѣишь — и вспѣишь они шенуѣишь!
 А мы! . . . одной волной подѣишь,
 Одной волной поглоцены!
 Вся наша жизнь, о Безначальный!
 Предъ тайной вѣчношью Твоей
 Едва минуѣишьное мечѣишьпанье,
 Лучъ блѣднѣишь упренѣишьей зари.

ДМИТРІЕВЪ.

КЪ А. Г. В.

ВЪ ДЕКАБРѢ 1802 ГОДА.

Волковъ, милый пѣвецъ! что ты молчишь
шепечешь?

Ты своего давно Анакреонскаго
Лирой насъ не плѣняешь,
И Парнаскихъ не рвешь цвѣтѣвъ!

*

Что ты, другъ мой, молчишь, точно какъ
лѣтній
Пшички зимней порой? Или подъ бременемъ
Тяжкой скуки страдаешь,
Слушанъ сѣпью заботъ лихихъ?

*

Сбрось ихъ, юноша, съ плечъ! жизнь независимо
Долженъ жить, кто любимъ чистыми Музами;
Долженъ жить — наслаждаться,
И не щепочно въ груди питать

*

Огнь, вліянный въ нее Небомъ на то, чѣобы
 Жаръ свой въ ближнихъ сердца, свѣтъ свой
 въ умы ихъ лишь —

Волковъ! о, посѣти же
 Кругъ пріятный друзей твоихъ.

*

Съ ними можешь забыть все, что крушишь тебя;
 Можешь перебирать рѣзвыми перстами
 Лиру, сладкія пѣсни
 Пѣшь, любовь и весну хвалишь!

*

Пусть Декабрь оковалъ воды, въ снѣга зарылъ
 Лугъ, на коемъ цвѣли розы и ландыши —
 Чаши налишы пуншемъ;
 Щоки двушекъ лучше розъ!

Востоковъ.

LIX.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

О ты, священна Добродѣтель!
 Небесныхъ краше ты свѣтилъ;
 Тебя, шебя мїровъ Содѣтель
 Какъ ликъ Свой намъ въ сердца вмѣстилъ;
 Духовъ безплодныхъ утѣшенье,
 Ты смертныхъ рода украшенье;
 Ты Ангельская красота!
 Сіяешь ты въ вершесахъ шемныхъ,

И въ самыхъ пропастихъ подземныхъ
Всегда свѣшла, мила, чиста.

*

Тебя вездѣ сопровождаютъ
Надежда, пвердось и покой;
Вселенну громы поражаютъ,
Но всюду благодать съ тобой;
Ты носишь въ сердцѣ вѣчну радость;
Твоя стихія миръ и сладость;
Блаженна жизнь, блаженъ пвой сонъ.
Сады срѣщаешь въ дебряхъ райски;
Зимою дни вкушаешь майски;
Твоей манна хлѣбъ, пвой холмикъ пронъ.

*

При чувствахъ, златомъ обольщенныхъ,
Напрасно щастьемъ льспить себя
Богачъ въ чертогахъ позлащенныхъ,
Когда не любитъ онъ себя;
Въ преддверіи его стоящій
И нищѣ жалосно молящій,
И нищѣ и блѣденъ и убогъ,
Коль добродѣтелями украшенъ,
Хотя не знаетъ сладкихъ брашенъ,
Богатъ и щастливъ онъ: съ нимъ Богъ!

*

Съ нимъ Богъ! . . . . Но кто, Лукуллъ, съ тобою?
Тщеша, доиука, прахъ и пльнъ!
Соблазны сильною рукою
Тебя имъ отдали во плѣнъ.
При добродѣтели богатство
Есть жизни временной пріятство;
Гдѣ нѣтъ ее, тамъ щастья нѣтъ;
Но тамъ, гдѣ ты, о дщерь Небесна!

Тамъ жизнь и въ нищетѣ прелестна.
Пороки шма — ты чистый свѣтъ!

✱

Дерзнули бранными очами,
Дерзнули на тебя взглянуть?
Ты вся сіяешь вокругъ лучами;
Твою покрыло солнце грудь;
Изъ звѣздъ въ составленной коронѣ
Когда сіяешь ты на тронѣ,
Ты есть земное божество; —
Въ бѣдахъ, въ несчастіяхъ, въ гоненіяхъ,
Отъ міра цѣлаго въ презрѣніяхъ,
Ты Ангельское существо!

✱

Паду въ слезахъ передъ тобою —
Слеза сія есть сердца гласъ,
Что я не каждый день тобою,
Не каждый занимался часъ.
Но кто же вѣрнѣе ей докажетъ?
Пускай другой придетъ и скажетъ:
„Я лучше Добродѣтель чтилъ!“
Въ грѣхахъ на свѣтъ всякъ рождается;
Но мнѣ вина моя простится,
Когда я ближняго простилъ,

✱

Разгнѣше вы священну книгу,
Гдѣ въ каждую рѣчь духъ Божій влилъ,
Котора царскому игу
Сопровивляясь намъ велитъ —
Гласитъ ученіе златое,
Гласитъ Писаніе намъ Святое:

„Твориште добрыя дѣла;
 Другъ друга искренно любите;
 Коль зла перѣтъ вы не хошите,
 Не дѣлайте другому зла!“

*

Сѣдиной старцы умащенны!
 Когда вы правымъ шли путемъ,
 Не молніей суетъ прельщенны,
 Но Добродѣтели лучемъ:
 Съ такою на челѣ печашью,
 Во храмъ, отверсшій Благодатью,
 Не сомнѣвайшеся войши.
 Какъ лозы, юноши цвѣщите;
 Но Добродѣтель сердцемъ чтите,
 Да краше будете цвѣсци.

*

Своею мнимой красотою
 Ты, полъ прелестный, не гордись;
 Душевныхъ качествъ лѣпошою
 Красуйся, славься, убѣлишь.
 Наружное пригожество плѣнно;
 Одно имъ брению око плѣнно.
 При добрыхъ качествахъ души —
 Зарѣ подобны ваши взоры,
 Въ лицѣ румяный видъ Авроры,
 И въ спароснѣ вы хороши.

*

Героевъ ли окровавленныхъ
 Превыше поспавляетъ свѣтъ
 Анахоретовъ, удаленныхъ
 Отъ шума и мірскихъ суетъ?

Мудрецъ ли, въ крошопи живущій,
Или Апшила, кровь ллющій
Почтеннѣй кажется для насъ?
Злодѣевъ мѣрѣ весь ненавидимъ;
А въ Добродѣтели онъ видимъ
Ликъ Божій, слышимъ Божій гласъ.

*

Какія смертнымъ въ утѣшеніе
Въщаешь слава имена,
Которыя у всѣхъ въ почтеніи
Во всѣ пребудущіа времена?
Когда мы Типовъ вображаемъ,
Ихъ любимъ, славимъ, уважаемъ,
Авреліевъ сердечно чтимъ;
Да паче славимся опнынъ
Духъ милости въ ЕКАТЕРИНѢ!
Ея наши лиры посвятимъ.

ХЕРАСКОВЪ.

LX.

Х А Р И Т Ы.

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ,
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликонѣ
Мнѣ предсталъ и говорилъ:
„Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ желаешь воспѣвать?
Столько прелестей безсмертныхъ
Хочешь смертный описать!“

Но бывалъ ли на высокомъ
 Ты Олимпъ у Боговъ?
 Обнималъ ли браннымъ окомъ
 Ты веселье ихъ пировъ?
 Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
 Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,
 Плясками онѣ своими
 Восхищающъ горній мѣръ;
 Какъ, съ пропѣваемымъ тихимъ пономъ,
 Важно павами плывущъ;
 Какъ, съ веселымъ, быстрымъ звономъ,
 Голубками воздухъ вьющъ;
 Какъ вокругъ онѣ спокойно
 Величавый мещущъ взглядъ;
 Какъ ихъ всѣ движенья стройно
 Взору, сердцу говорящъ?
 Какъ хитоны ихъ эфирны,
 Льну подобныя власы,
 Очи свѣтлыя, сафирны,
 Помрачающъ всѣхъ красы?
 Какъ Богини всемъ соборомъ
 Признающъ: имъ равныхъ нѣтъ!
 И Минерва важнымъ взоромъ
 Улыбается имъ въ слѣдъ?
 Словомъ: видѣлъ ли каршины,
 Непоспѣжныя уму?
 — Видѣлъ Внука Екатерины!
 Я отвѣщивалъ ему: —
 Богъ Парнасса усмѣхнулся;
 Давъ мнѣ лиру, оплещѣлъ.
 Я струнамъ ея коснулся,
 И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

Державинъ.

Его Сіятельству

Г Р А Ф У

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

РУМЯНЦОВУ - ЗАДУНАЙСКОМУ.

1775.

Герою Муза будь послушна,
 Не медля въ звонку желвь ударь;
 Твой гласъ проспранства царь воздушна,
 Сердечныхъ гласъ движеній царь.
 Оспрасль красная Лапоны,
 Чшо спроишь слухъ пѣвнѣицы поны;
 Твой арфа, швой Кифара дарь,
 Лаврова вѣпвь швой Дафна жарь;
 Подъ Росскимъ небомъ дышетъ воинъ,
 Всеродныхъ почестей достоинъ;
 Онъ имя, Туркамъ громъ, имъ вѣспныхъ ужасъ
 грозъ,
 Заемлетъ отъ зари румяной, иль отъ розъ;
 Онъ роза намъ, онъ пернъ Махмету;
 Онъ какъ заря извѣстенъ свѣту;
 Ты самъ его вѣнчай!

Гдѣ льясь шумящъ спруи Днѣпровы,
 Едемъ злапочешуйныхъ рыбъ;
 Убѣжища звѣрей, дубровы
 Цѣвшушъ среди взоранныхъ глыбъ:

Какъ Ангелъ, горъ и рѣкъ хранитель,
 Тутъ крылся Колберга тѣснитель,
 Спругуць не дремли свой округъ,
 Ко щаспью смершнымъ вождь и другъ.
 Во знаньи разумъ плодоносенъ,
 И сообщать свой свѣтъ не носенъ;
 Колю непрерывенъ токъ хранима имъ Днѣпра,
 Толь вѣченъ окресивъ лилѣ источникъ онъ добра;
     Всѣмъ нрава тихоспью равенъ,
     И болѣ щедротой явенъ,
     Какъ сана высотой.

Веселоспий его святилище Минервы,
 И книга естества, премудрый кою чтенъ,
 Котораго ни честь, ни зависъ не мяшенъ.
 Какъ души онъ селянъ, такъ села прѣраждаетъ;
 Здѣсь бишь великъ ключамъ, шупъ роши на-
     саждаетъ,
 Безчисленнымъ семьямъ судъ пишуць гражда-
     нинъ,
 Домостройтель вдрутъ, Герой и селянинъ.
 Такъ древле Цинциннатъ, нивъ собспивенныхъ
     оратай;
 На бранномъ полѣ былъ неустрашимый ратай.
 Но вершоградъ нашъ есть рѣдкій даръ Небесъ:
 Онъ свѣдѣнемъ Улиссъ, геройствомъ Ахиллесъ;
 Могуць своимъ умомъ согражданъ вразумити,
 Защищитъ ихъ рукой и сильныхъ рогу сло-
     мити.
 Ловишва днесъ его вепрь, залцъ и елень;
 Утѣха вся древесъ, садитъ который, тѣнь;
 Во жительствѣ собой даетъ примѣръ изрядства,
 И какъ отецъ среди обильна домочадства,

Всѣхъ равно любилъ; всѣхъ обѣмлетъ какъ
дѣшей,

И кажетъ тысячи къ блаженству имъ путей.
„Не беззаконуйте! но Небо запрещаетъ;
„Оно караетъ злыхъ, мзду правымъ обѣщаетъ,
„И множитъ жища ихъ, и чада, и лѣта.“

Онъ судъ имъ тако возвѣщаетъ,
Среди избытка ихъ потребъ;
Немудрыхъ тако просвѣщаетъ,
Себѣ врученной сферы Фѣбъ:
Какъ страшна буря вдругъ дохнула,
И брани моліей блеснула
Съ полдневной въ тихій Нордъ сраны;
Султанъ облекся въ громъ войны,
Доспигнувъ Кіева въ надежду;
Гордыни дмишъ и Галлъ невѣжду.
Коль много во древни дни шекъ въ южны
Готѣхъ край,
Толики Мустафа во Сѣверъ шлепъ рои;
То рашъ вселенной равноспорна,
То пругъ голодныхъ шуча чорна,
То лютыхъ Фурій шма!

Ногами бурный конь топочетъ,
Зовущу къ бѣгу виявъ трубу;
Рвучись, опяшь ошвѣдашь хочетъ
Знакома подвига судьбу;
Возвивъ главу, протягивъ выю,
Въ воздушну ржанье шлетъ спихію;
Пустись несется, какъ Борей,
Ля дымъ и пламень изъ ноздрей;
Спрѣлъ подобенъ, уснѣваетъ,
И въшеръ гриву возвѣваетъ;

Часть I.

Н

Всё бодрѣ и смѣлѣ и быстрѣ, хоть пѣною по-
крытѣ,
Спремияся вдаль; дрожитѣ отъ звонкихъ долѣ
копытѣ.

И се ужъ поприще кончаетѣ;
Спяхавца плесками вѣнчаетѣ,
Побѣдоносенѣ самѣ !

Такѣ бодрый спражѣ Днѣпра, внявѣ Марсовѣ
гласѣ, воздвигся;
Кипитѣ въ его груди геройска гнѣвомѣ кровь,
Кипитѣ, напрягшися, Опечесѣва любовь.
„Коль не по нашему сей свѣтѣ печетѣ желанью,
„И должно спавитѣ грудь, и бранѣ свергати
бранью;
„Такѣ пойдѣмѣ поражаѣ! и намѣ богѣ спрѣлѣ
знакомѣ!
„Подвигнемся, и свой вѣ напущѣ возьмѣмѣ
громѣ!“

То реки, молнн лѣтѣлѣ въ поля скорѣ,
И перваго заспигѣ, корысть мечу, Гирей,
Звиздища со спремийнѣ, средѣ скаповѣ и оковѣ;
Несѣтѣ противѣ него геройскихѣ быспростѣ
сповѣ.

Отъсюду заревѣвѣ орудѣя громомѣшны,
Воспламенившейся открыли ужасѣ Эпины;
Лѣщащи сквозѣ эирѣ желѣзные шары,
Росаѣтѣ на злоспныхѣ мѣстѣ, колеблюѣтѣ нутрѣ
горы;
Гуспишся мгла чернай, какѣ почи шѣнь без-
лунной;
Адѣ адомѣ спертѣ, умолкѣ снарядѣ враговѣ
перуной;
Ихѣ вождѣ, и бодрости и спана обнаженѣ,

Бѣжитъ съ остаткомъ силъ, съ толпой пу-
гливыхъ женъ;
Предсталъ предъ очи холмъ, плачевна холмъ
кладбища:
Лежатъ тѣла вокругъ, волковъ и врановъ пища,
Когда бы сжались Россѣ не предалъ ихъ землѣ.

Дымись кровей Татарскихъ паромъ,
Едва обсохъ Россійскій мечъ;
Всѣхъ молній ополченъ ударомъ,
Визирь шомъ нудитъ вновь извлечь.
Сугубы силы чалмоносцовъ
Сугубитъ жаръ въ Ведущемъ Россовъ.
Такъ Финиксъ тѣмъ сильный растетъ,
Чѣмъ вѣща тяжестъ съ верьху жметъ.
Сперлись, ударились другъ съ другомъ,
Часъ Сѣвера со цѣлымъ Югомъ!
Какъ въ морѣ, страхъ судовъ, не молкнетъ
хлябь урча,
Такъ жерлы бранныя ревъ дали-воззвуча;
Земля и воздухъ попрыскался,
Огней геенны разлился,
И крови, какъ вода!

Въ груди ведущая ихъ Героя
Геройства Россы черпли духъ,
Несутъ сомкнута ужасъ строя,
Спѣшной палящей движась вдругъ;
Горами трудносней преляты,
Воспять не обращають пяты;
Ни челъ, ни персей не щадятъ,
Смертью дождимы, смерть дождятъ;
Сквозь вражьи проломая засады,
Ихъ топчутъ, какъ скудель, преграды.

Ни крѣпки, и на брань рожденныя чресла,
 Ни пѣла спрашивъ роснѣ, ни множество числа,
 Ни изощренный мечъ какъ бришва,
 Ни въ Мекку теплая молитва,
 Не можетъ ихъ спасти.

Какъ волкъ, что шекъ на ловъ, по льву по-
 пался въ когти,
 Коль ребра унесетъ, вонъ выкрушась, свои,
 Бѣжитъ, и по шлопъ кровавы лешъ ручи:
 Такъ львиной крѣпостью онъ Россовъ Турокъ
 вшрѣченъ,
 Побѣтъ; до Испра пушъ кровью его замѣченъ.
 Тамъ шонетъ, ошлгченъ свинцомъ Кагульскихъ
 ранъ;
 Крушитъ раздушый трупъ Дунай, его ширавъ;
 Во чеспи мстишь врагамъ бездушныя стихии
 Участвовать спѣшатъ съ Поборникомъ Россіи.
 И се за Испромъ онъ! коль грозенъ Туркамъ
 плѣвъ!
 Всякъ жизни часъ имъ смерть, гробъ кажда
 крѣпость спѣвъ!
 Съ высотъ Оракійскихъ горъ по видя Марсъ,
 чудится,
 Равнятъ съ собой. Вождя Россіи не спыдится.
 „Сколь долго я, речетъ, съ людьми ни обипалъ,
 Не зрѣлъ, и побѣ такъ побѣдъ на крыліяхъ
 леталъ!
 Опшнѣ на моей я вѣкъ вселюсь планетъ;
 Румянцевъ Марсъ! почто двоимъ бытъ въ
 шомъ же свѣтѣ?
 Взгляни; лишь шолько онъ возложитъ брани
 шлемъ,
 Пылаетъ всюду месъ, и сижетъ смерть за Гемъ.

Я знаю, шлепъ его сюда Екатерина;
Она ему, а Ей споспѣшница Судьбина."
Марсѣ рекъ; и новый Марсѣ вдругъ миромъ
брань вѣнчалъ.

ПЕТРОВЪ.

LXII.

ДРУЖЕСТВО.

Въ полночи, въ темношъ неопасной,
Въ пустынь дикой и глухой,
Сврашась съ пущи пришлецъ несчастной,
Спускаетъ препенной ногой.
Преслѣдуемъ, ведомый страхомъ,
Встрѣчаетъ онъ предъ каждымъ шагомъ
Попоки, шеркъ, спремнины, рвы;
Вокругъ звѣрей вой слышимъ гладный —
Власы подбемлетъ ужасъ хладный,
Капшися хладный потъ съ главы.

✱

Въ поликомъ бѣдствѣ изнуренный,
Опверзныи видя смерти звѣвъ,
Какой, опрадой восхищенный,
Зришь нѣкій свѣтъ онъ межъ деревъ!
Лепитъ къ нему чрезъ страхъ, чрезъ бездны,
И льетъ въ воспоргъ шоки слезны —
Къ любезну фаросу достигъ.
Селеня знаки тушъ находилъ,

Онѣ помна сердца спрахѣ опшодишѣ,
И бѣдѣша забываетѣ вмигѣ.

Лучемѣ огня, лучемѣ надежды
И духѣ и чувства онѣ живишѣ;
Дождемѣ проникнушы одежды,
Развѣся на древахѣ, сушишѣ;
Увявши вѣшью собираешѣ,
Оспрадно огнище питаешѣ,
И вѣ спрахѣ звѣримѣ, кладешѣ кругомѣ
Извѣ хвороспа костры зазженны;
При нихѣ возлегши, помны члены
Живительнымѣ покоишѣ сномѣ.

Такой оспрадою сердечной,
Такимѣ воспоргомѣ оживешѣ,
Кшо вѣ жизни скорбной, скоротечной,
Прямого друга обрѣтешѣ.
Сей вѣрный другѣ, душой избранный,
Вѣ Дедалѣ жизни сей желанный
Покажешѣ намѣ ко щастью путь;
Поддержишѣ вѣ горесѣхѣ падущихѣ;
Противу бѣдѣ, на насѣ пекущихѣ,
Незыблему поснавишѣ грудь.

О Дружество, союзѣ священный,
Вѣйнино Небомѣ чувство намѣ!
И рокѣ не спрашенѣ развѣренный
Тобою связаннымѣ сердцама.
Онѣ, равно дѣля напасши,
Ушѣхи, спрахѣ, надежду, спрасши,

И мысль, и даже бытїе,
Въ едину двѣ души сливаютъ;
Взаимнымъ щастїемъ удвояютъ
И жизнь и щастїе свое.

*

Но гдѣ, въ какомъ краю забвенномъ,
О Дружество! твоей взоръ блеснулъ?
Въ семъ мїрѣ, злобой развращенномъ,
Лишь имя намъ твое звучитъ;
И имя ужъ сѣ святое
Въ орудїе коварства злое
Пороками обращено:
Личиной, взору смертныхъ милой,
Оно корысти видъ посылкой
И лести скрывать принуждено.

*

Куда, Оресты, вы сокрылись?
Пилладовъ гдѣ теперь найти,
И васъ, друзья, что жизнь спремилась
Другъ другу въ жертву принести?
Вы злостъ мучителя плѣнили;
Безсильны страхи смерти были
Вашъ узелъ дружества сомреть;
Васъ дверь не разлучилабъ ада;
Вамъ щастье все и вся опрада:
Для друга жить и умереть!

*

Но не ужель во всей вселенной
Хоть искры дружбы нѣтъ прямой? —
Никакъ! — опъ пышныхъ удаленно
Палатъ, темницы сей злобой,

Скипаясь во изгнаньи спрогомъ,
Въ пастушьемъ шаламъ убогомъ
Склонилось Дружество почишь;
Тамъ Вѣрностью и Проспошою
Пріято, съ сей драгой чешою,
Въ безмолвіи осталось жиць.

*

Сколь милъ мнѣ край уединенный,
Гдѣ въ юности, о нѣжный другъ!
Взаимнымъ чувствомъ привлеченный,
Плѣнился Дружествомъ нашъ духъ!
Гдѣ вещными сей жизни днями
Росло оно, мужало съ нами,
Пока, до зрѣлости дошедъ,
Явилось, искушенно рокомъ
Въ превращѣ случаевъ жестокомъ;
Превыше щасція и бѣдъ.

*

Сколь краше днѣ смерти предавался,
Жизнь друга пивоего храни,
Послѣднихъ хлѣба крохъ лишался,
Чтобъ въ нищетѣ не зрѣлъ меня!
Презрѣвъ спокойствіе, забавы,
Моихъ лишь алчешь выгодъ, славы;
Моей надежды ждешь плодовъ;
Моими горесцѣми помнишься;
На страхъ, на смерть со мной стремишься;
Вознеси меня, иль пастъ готовъ!

*

Чтожь въ томъ? — Здоровье, даръ безцѣнный,
И жизни утонченну нищъ,
На жертву Дружбѣ принесенны,
Ты можешь покомѣ подирѣпить

Подъ чуждымъ, крошкимъ небосклономъ.
 Судьба, не сыта смертныхъ спономъ,
 Сибшитъ уединитъ меня.
 Покоренъ будь ей, другъ любезной!
 Столь горькой, но тебѣ полезной;
 Разлукъ не противлюсь я.

✱

Остань! — Но на кого въ разлукъ
 Мой другъ, меня оставишь ты?
 Въ несносной погруженный скукѣ,
 Вездѣ зри горести, бѣды,
 Ни гдѣ, и во вселенной цѣлой,
 Въ глазахъ моихъ ужь опустѣлой,
 Оспрадъ, спокойства не найду!
 Драгою окруженъ семьею,
 Какъ странникъ, я осиротѣю,
 И — скорбью удрученъ, паду.

✱

Кто бальзамъ мнѣ подастъ сердечной,
 Спеленцею наединѣ?
 Кто, въ мракъ сходящу ночи вѣчной,
 Закроетъ томны вѣжди мнѣ?
 Кто безъ тебя супруги спраспной,
 Тогда вдовы моей несчастной,
 Опчальныхъ спрощъ моихъ
 Останется опцемъ, подпорой?
 Кто помощи рукою скорой
 Осушитъ слезны токи ихъ?

✱

А ты, мой другъ, средь шумна круга
 Не будешь ли уединенъ?

Гдѣ вѣрнаго ты сыщешь друга? —
 Предѣлъ дней нашихъ сокровенъ;
 Но жизнь, сколь ни крапка, ни брenna,
 Пріятность Дружества священна
 Ее умножитъ во сто разъ.
 Чувствительное сердце знаешь,
 Что жизнь должайшу замѣняетъ
 Одинъ веселый съ другомъ часъ.

✱

И такъ да не разлучитъ вѣчно
 Черта насъ жизни ни одна!
 Пожнемъ плоды любви сердечной.
 Пускай отеческа спрана,
 Котора насъ на свѣтъ пріяла,
 Взлелѣла и воспитала,
 Восприметъ въ нѣдро насъ свое.
 Лежавшіе въ одной утробѣ,
 Спряжемъ, въ одномъ возлегши гробѣ,
 И въ смерти наше бытіе.

✱

Предѣлъ, гдѣ общій прахъ нашъ плѣнной
 Опъ смертныхъ будетъ сокровенъ,
 Чепъ, любовью воспаленной,
 На вѣкъ останеся священъ.
 А скрытый врагъ, другъ лицемѣрной,
 Коснувшись рукой невѣрной
 Гробницъ нашей не дерзнувъ:
 Жестоки совѣсти укоры,
 Призраковъ нашихъ грозны взоры
 Опшоль ихъ съ страхомъ опженутъ!

✱

Но естѣли, вѣрностью плѣненны,
 На гробъ нашъ припекутъ друзья
 Обѣщанья подтвердишь священные
 Нелестной дружбы своея:
 Сей дружбы ихъ взаимный пламень,
 Проникши хладный гроба камень,
 Мгновенно оживишь нашъ прахъ;
 И наши тѣни вознесутся,
 Надъ ихъ главами обоймутся,
 И возыграютъ въ облакахъ!

Капнисть.

LXIII.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ
 ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Лице свое скрываетъ день;
 Поля покрыла мрачна ночь;
 Взошла на горы черна тѣнь;
 Лучи отъ насъ склонились прочь:
 Открылась бездна, звѣздъ полна;
 Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
 Какъ мала искра въ вѣчномъ лѣдѣ,
 Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
 Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
 Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
 Теряюсь, мыслями утомленъ!

Уста премудрыхъ намъ гласишъ:
 Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
 Несчетны солнцы тамъ горятъ;
 Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
 Для общей славы Божества,
 Тамъ равна сила Естества.

Но гдѣжь, Натура, твой законъ?
 Съ полночныхъ странъ вспаесть заря!
 Не Солнцель ставишь тамъ свой прокъ?
 Не льдишь льдѣ мещущъ огонь моря?
 Се хладный пламень насъ покрывъ!
 Се въ ночь на землю день вспунилъ! —

О вы, которыхъ быстрый зракъ
 Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ;
 Которымъ малый вещи знакъ
 Являетъ Естества усавъ!
 Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
 Скажите: что насъ такъ мятетъ?

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
 Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
 Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
 Спрямится отъ земли въ зенишъ?
 Какъ можетъ быть, чинюбъ мерзлый паръ
 Среди зимы раждалъ пожаръ?

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
 Иль солнечны лучи блеспятъ,
 Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
 Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
 Иль въ морѣ душъ престаеъ зефиръ,
 И гладки волны быють въ эфиръ . . . .

Сомнѣній полонѣ вашѣ отвѣстѣ
 О томѣ, что окрѣстѣ ближнихъ мѣстѣ;
 Скажишежь, коль проспраненѣ свѣстѣ?
 И что малѣйшихъ далѣ звѣздѣ?
 Несвѣдомѣ шварей вамѣ конецѣ;
 Скажишежь, коль великѣ Творецѣ!

Ломоносовъ.

LXIV.

Г Л А С Ъ П А Т Р І О Т А

Н А В З Я Т І Е В А Р Ш А В Ы.

Гдѣ буйны, гордые Тишаны,
 Смутившіе Аспрей дни?
 Спрямглавъ низвержены, пограны
 Въ прахъ, въ прахъ! Рекла . . . и гдѣ они?
 Вопи, союзница лукава,
 Опиныи спавшая рабой:
 „Изчезла *Собіесковъ* слава!“
 Ходи съ поникшею главой;
 Шатайся, рвись вокругъ селъ несчастныхъ,
 Вкругъ древнихъ, гордыхъ, падшихъ стѣнъ,
 Въ шерзанняхъ совѣсти ужасныхъ,
 И вѣкъ оплакивай свой плѣнъ!

А Ты, гремѣвшая со прона,
 Любимица самихъ Боговъ,

Достойна гимновъ Аполлона!
 Воззри на цвѣтъ Своихъ сыновъ:
 Се вѣютъ шлемы ихъ пернашы,
 Се ихъ бѣлѣютъ знамена!
 Се ихъ покрышы пылью латы,
 На коихъ кровь еще видна!
 Воззри: се идущъ въ ратномъ спрѣ!
 Всякъ истый въ сердцѣ Славининъ!
 Не Марсаль въ каждомъ зришь герѣ?
 Не всякъ ли рока властелинъ?
 Они къ спопамъ Твоимъ бросаютъ
 Лавровы, свѣжіе вѣнки;
 „Твои они, Твои!“ вѣщаютъ,
 Съ Тобой намъ рвы не глубоки;
 Съ Тобою низки спрашны горы.
 Скажи, скажи, о Матерь! намъ,
 Склоня величественны взоры:
 Куда еще лѣтъшь Орламъ? —

Куда лѣтъшь? Кто днесъ возстанѣтъ,
 Всей Польши зря ужасну часъ?
 Твой громъ вошше ни гдѣ не грянетъ;
 Спрашна Твоя, Царица, власъ!
 Спрашна Твоя и прозорливосъ
 Врагу, злодѣю Твоему!
 Вездѣ найдетъ его спрошнивосъ
 Препонъ неодолимыхъ тѣмъ;
 Вездѣ обряцущія преграды:
 Твои, какъ мѣдною стѣной,
 Бойницами прикрышы грады,
 И каждый въ оныхъ спражъ — герой!
 Предѣлы царствъ Твоихъ щипами,
 А седьмъ, рабынь Твоихъ, морей
 Покрышы быспрыми судами,

И жезлъ Судьбы въ рукѣ Твоей!
 Речешь — и двигнешся полсвѣта!
 Различный образъ и языкъ:
 Тавридецъ, чшипель Магомета;
 Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ;
 Башкирецъ съ мѣшкими спирѣлами;
 Съ булашной саблею Черкесъ
 Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами,
 И прахъ поднимаютъ до небесъ!
 Твой Россѣ весь мѣръ дрожать заставитъ,
 Наполнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
 И шамъ сполны свои поставитъ,
 Гдѣ свѣшу цѣлому предѣлъ!

ДМИТРИЕВЪ.

LXV.

КЪ СОСѢДУ.

Кого роскошными пирами,
 На влажныхъ Невскихъ островахъ,
 Между тѣнисными древами,
 На муравѣ и на цвѣтахъ,
 Въ шапрахъ Персидскихъ, златошвенныхъ,
 Изъ глины Кипайскихъ, драгоцѣнныхъ,
 Изъ Вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
 Кого столь славно угощаешь,
 И для кого ты распочаешь
 Сокровища казны твоей?

Гремишъ музыка, слышны хоры
 Вкругъ лакомыхъ пивныхъ столовъ;
 Сласшей и ананасовъ горы
 И множество другихъ плодовъ
 Прельщаютъ чувства и питающъ;
 Младья дѣвы угощаютъ,
 Подносятъ вина чередой,
 И Алѣшико съ Шампанскимъ,
 И пиво Руское съ Бришанскимъ,
 И Мозель съ Зельцеровской водой.

Въ вершѣхъ мраморномъ, прохладномъ,
 Въ которомъ льется водоскатъ,
 На ложѣ розъ благоуханномъ,
 Средь лѣни, нѣги и опрадъ,
 Любовью распаленный спрашпной,
 Съ молодой, веселою, прекрасной
 И нѣжной Нимфой ты сидишь;
 Она поетъ, ты спрашпю поешь;
 То съ ней въ весельи упоаешь,
 То, упомянутъ весельемъ, спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ,
 Что вѣкъ благополученъ ты;
 Что само Небо разсыпаетъ
 Блаженства вкругъ тебя цѣпты;
 Что Парка дней твоихъ не коситъ;
 Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
 Сибирски горы серебра,
 И дождь златый къ тебѣ лѣется. —
 Блаженъ, что по утру проснется
 Такъ щасливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
 Безперерывно въ жизни сей !/
 Но рѣдкому пловцу случится
 Безбѣдно плавать средь морей:
 Тамъ бурны дышущъ непогоды;
 Горамъ подобно гонящъ воды
 И съ пѣною песокъ мушптъ.
 Петрополь сосны осѣняли;
 Но, вихремъ пораженны; пали;
 Теперь корнями вверхъ лежатъ.

*

Непостоянство — доля смертныхъ;
 Въ премѣнахъ вкуса — счастье ихъ;
 Среди утѣхъ своихъ несмѣнныхъ
 Желаетъ мы утѣхъ иныхъ:
 Придутъ; придутъ часы тѣ скучны;
 Когда твоей ланиты пучны
 Престанутъ Граціи препать;
 И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ
 Твоя ужъ Пенелопа въ сукѣ
 Коверъ не будетъ распускать.

*

Не будетъ, можетъ быть; лелѣяшъ
 Судьба ужъ болѣе тебя;
 И вѣтръ благопріятный вѣяшъ
 Въ твоей парусъ . . . береги себя!
 Доколь пекушъ часы злые
 И не присѣли скорѣи злыя;
 Пей, бѣй и веселись; сосѣдъ!
 На свѣтѣ жить намъ время срочно;
 Веселье то лишь непорочно;
 Раскаянья за коимъ нѣтъ.

Державинъ:

НЕОСТОРОЖНЫЙ МОТЫЛЁКЪ.

~~~~~

Въ прохладный лѣтній вечеръ темной,
 Озябши, легкій мошылёкъ
 Въ покой Темиринъ освѣщенной
 Лешълъ на ясный огонёкъ.
 Тамъ роза на окнѣ спюла,
 Съ зарею чупъ лишь разцвѣла;
 Румянцомъ, свѣжестью пѣвила,
 И мошылъка къ себѣ звала.

*

Влекомый запахомъ пріятнымъ,
 На розу мошылёкъ взлѣшълъ;
 Пинаясь сокомъ ароматнымъ,
 Въ забвеньи сладостномъ сидѣлъ.
 Но вдругъ, прельщенный яркимъ свѣтомъ,
 Помчался съ розы мошылёкъ;
 Безпечнымъ вкругъ огня полетомъ
 Порхалъ, и крылошко прижогъ.

*

Еще есть время, мошылёчекъ!
 Пока совсѣмъ ты не сгоришь,
 Душистой ждешь себя цвѣточекъ;
 Лети! . . . но ты въ огонь летишь! —
 О сердце! равной съ нимъ напасти
 Чшобъ и тебѣ не поперѣшь,
 Бѣги отъ милой, пылкой спраси!
 Не то — — придѣтъ и намъ сгорѣть.

Капнисть.

~~~~~

СТАНСЫ БОГУ.

Испочникъ жизни! благъ Податель!
 Къ Тебѣ, о Боже! вопію,
 И предъ Тобою, мой Создатель,
 Мою всю душу пролію:

*

Премудрости наполни свѣтомъ
 Мою къ Тебѣ парящу мысль;
 Имущаго Тебя предметомъ,
 Меня къ Своимъ рабамъ причисль!

*

Къ рабамъ? . . . . Рабовъ Ты не имѣешь,
 Опецъ Тебя любящихъ чадъ!
 Ты благоспѣю одной владѣешь,
 И власшь Твоя полна оспрадъ.

*

Вопице Тебя себѣ подобнымъ,
 Содѣлашь смертныя хопятъ,
 Суровымъ, грознымъ, гордымъ, злобымъ,
 Съ собою ставя Бога въ рядъ!

*

Не вѣрю я сердцама симъ дикимъ,
 Копоры лютоспѣю одной
 Тебя являя намъ Великимъ,
 Не Твоей намъ кажущь образъ, свой.

*

Всякъ часъ Ты ложь ихъ обличаешь,
Пучиною Твоихъ щедротъ,
И милостью опровергаешь
Угрюмыхъ мудрецовъ доводъ.

Ты крошко Солнцу рекъ: „На вѣки
„Блissingая провѣщай Творца,
„Да зрятъ всечасно челоуѣки
„Меня въ щедротъ безъ конца!“

Всякъ день по Солнце повтораешь,
Сей благосии Твоей залогъ,
И вся Природа намъ являетъ,
Что Богъ не можетъ быть не Богъ.

Лишь только мы неблагодарны,
Не чувствуя Твоихъ щедротъ:
То слабы, то высокопарны,
Крушимъ спрашными свой животъ.

Ты, смертнымъ даровавъ свободу,
Къ блаженству тѣмъ пушей открылъ;
Однимъ веселѣмъ Природу
Своей Ты власти покорилъ.

А естли иногда печали
Даютъ вкушать намъ горькій адъ;
Не виненъ Ты, что мы создали
Себѣ изъ рая спрашный адъ.

Не Ты виновенъ, что мы, люди,
Желая всѣ богами быть,
Вздывая гордо наши груди,
Себя дерзнули позабыть.

✱

Тобой творенны наслаждаешься,
Превыше мы себя лешимъ,
И мудростью съ Тобой равняемся
Въ своемъ безуміи хопимъ.

✱

Чувствительность! о даръ Божественъ!
Ты насъ прямѣй ведешь къ концу;
И крыль твоихъ полетъ порожественъ
Возноситъ сердце къ Творцу.

✱

Творецъ! Тебя понять не пишуся,
Всею сердцемъ какъ Опца любя;
Ищю Ты, о томъ я не крушуся,
Съ восторгомъ чувствую Тебя.

✱

Ты былъ, Ты еси, ты вѣчно будешь;
То небо и земля, швердливъ.
Я есмь, меня не позабудешь;
Мой всѣ чувства по гласивъ.

К и я ж и н и ъ.

LXVIII.

В О Р О Ж Б А.

Хлоя! не желай, бесплодно
 Любопышствуя, опкрышь:
 Долго ли богамъ угодно
 Нашу жизнь еще продлить?

*

Ворожбой не занимайся
 О предбудущей судьбѣ;
 Принимаешь равно старайся
 Все, что суждено тебѣ.

*

Хоть еще на свѣтѣ много
 Лѣтъ намъ рокъ прожить велѣлъ;
 Хоть съ зимою сею строгой
 Жизни положенъ предѣлъ:

*

Хлоя! живи спѣши украдкой;
 Смѣйся, пой, люби, играй;
 И по мѣрѣ жизни крапкой,
 Цѣль надежды приближай.

*

Мигъ, въ который молвимъ слово,
 Улетѣлъ уже отъ насъ:
 Не считай на упрое ново,
 А лови летящій часъ.

Капнисть.

ПАМЯТНИКЪ ГЕРОЮ.

~~~~~

Всегда разборчива, правдива,
 Нигдѣ и никому нелъжива,
 О, строгаго Кунгдзель Муза,
 Которая его вдыхала
 Играть на нѣжномъ, звонкомъ кинѣ,
 И прогашь поученьемъ сердце!

Приди, и зря текущи годы,
 Обратность вѣчную Природы,
 Что всходитъ и заходитъ солнце,
 Что лѣто, осень придутъ паки;
 А только къ намъ не возвращаясь
 Дѣла, содѣянные нами,

Вождя при памятникѣ дивномъ
 Возсядь — и въ пѣни унывномъ
 Вѣдай: сей сполнѣ повергнетъ время,
 Разрушитъ! — Ктожь былъ Полководецъ?
 Куда его прошли побѣды?
 Гдѣ мечь его? — гдѣ шлемъ? — гдѣ образъ?

Увы! — и честь сѣя Героевъ,
 Прислуповъ монументы, боевъ,
 Не суть ли знаки ихъ свирѣпства?
 Развалины, могилы, пепелъ,
 Черепья, кости имъ подобныхъ,
 Не суть ли ихъ вѣнецъ и слава?

Ахъ, пѣтъ! средѣ всѣхъ народовъ, вѣковъ,
 Друзья - герои челоѣковъ
 Съ нѣ соль земли, въ мракѣ звѣзды;
 Чрезъ нихъ извѣстна добродѣтель;
 Они великія зеркала
 Богоподобныхъ слабымъ смертнымъ.

Прямой Герой спрасъми недвижимъ,
 Онъ строгъ къ себѣ и благу ко ближнимъ;
 Къ богатствамъ, шипламъ, власти, славы
 Внутри онъ сердца не приверженъ;
 Сокровище его любезно:
 Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Въ терпѣнны твердъ и мудръ въ напасти;
 Не рабствуетъ блестящей части;
 Считаетъ шѣмъ себя довольнымъ,
 Коль общихъ благу гдѣ былъ споспѣшникъ;
 Блаженъ, блаженъ еще спокрашно,
 Что спраси могъ свои умѣрить!

Всѣсамилъ гдѣ, мечемъ ли правитъ,
 Ни шамъ, ни тушъ онъ не лукавитъ,
 Его Царь — долгу; его Богъ — правда;
 Лишь Имъ онъ жертвуетъ собою;
 Искусенъ, остороженъ, почтенъ,
 Рачителенъ, не быстръ ко славы.

Дѣлами исполнитель Вѣры;
 Великодушія примѣры
 Его всѣ мысли наполняютъ;
 И Богъ его благословляетъ
 Побѣдою почти безъ крови,
 Которой миръ даруетъ царствамъ.

Такого Мужаobeliski
 Не щѣмъ славны, что къ небу близки,
 Не мраморомъ, не мѣдью пверды,
 Пускай ихъ разрушаетъ время,
 Но вовсе испребишь не можешъ:
 Живешъ въ преданьяхъ добродѣтель.

Спрой, Муза, памятникъ Герою,
 Кто мужественъ и щедръ душою,
 Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
 Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
 Далъ малой прашой много пользы — — —
 Благословись, Рѣпникъ, попомспвомъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

LXX.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Сѣры, волнисты, пучи дождливы
 Медленно сѣются врознь;
 Серебreno ложе флѣровыхъ облакъ
 Нѣжду покоишь луну.

*

Мраки, рѣдѣя, взору опкрыли
 Спящу Природу вездѣ;
 Пѣнисты воды, съ горъ низпадая,
 Кажущся млечнымъ столпомъ.

*

Эхо утесовъ, нарканье врановъ
 Внемлющимъ вшорипъ полямъ;
 Впрочемъ, повсюду сонъ и безмолвье;
 Изрѣдка слышишься гуль.

Мало по малу холмы яснѣютъ,
 Мраки уносясь въ боръ;
 Пѣшелъ гласящій — дремлющи села
 Къ упреннымъ кличетъ трудамъ.

Думы, заботы, горести и радости
 Въ оныхъ проснулись теперь:
 Скрышули спворы; слышенъ ужь часный
 Бой молодящихъ цѣповъ.

Къ мрачнымъ дубравамъ пушь я направляю,
 Къ Осени вниду во храмъ;
 Ввперъ бушующъ съ свистомъ проноситъ
 Бурю сквозь вѣтви древесъ.

Мершвыя травы, желтые листья
 Тщешно кропимы дождемъ:
 Хладну лишь землю онъ напая,
 Сячется тихо въ нее.

Море шумановъ долъ облегаешь,
 Медленно къ небу взносясь;
 Въ сладкомъ забвеньи духъ мой спремился
 Вмѣстѣ съ шуманами вверхъ.

Плаваѣ всюду, все обнимаѣтъ,
 Легкихъ касаетсѣ шучь;
 Мчипсѣ съ восторгомъ выше и выше,
 Къ дальнымъ несетсѣ мѣрамъ.

*

Сколь безконечно, благо, премудро
 Создалъ вселенную Богъ!
 Неизмѣримостъ звѣздами смонришь:
 Видишь повсюду Себя!...

*

Скоро предъ упромъ скроются звѣзды
 Всѣ въ вышинѣ голубой;
 Ночи свѣтило въ шучахъ попомнишь
 Сребропомеркалый свой шаръ.

*

Небо прѣяло упренню ясносць;
 Блѣдна, осення заря
 Видишь въ уныньи шучу, тошову
 На весь день солнце закрышь. —

*

Древо, склонивши голые сучья,
 Смонришь на лисья свои,
 Кои упали къ корню, и плѣются
 Подлѣ родившаго ихъ;

*

Но въ одѣялѣ мягкаго снѣга
 Землю они ушучивъ,
 Въ сокѣ живящемъ паки весною
 Къ стеблямъ своимъ востекутъ;

*

Паки разцвѣвши, свѣжесью новой
 Чувства восхитишъ мой!
 Все превращаетъ видъ свой въ Природѣ;
 Не исчезаетъ ни что.

✱

Матерь Природа! сколь благодатна,
 Сколько ты къ чадамъ щедра!
 Въ осень сырую, въ зиму сурову
 Благословляю тебя!

✱

Еслибъ не настѣя, бури и спужи
 Смертный не зналъ никогда,
 Могъ ли бы лѣтомъ онъ наслаждаться,
 Сердцемъ весною цвѣсти?

Востокъ.

LXXI.

къ солнцу.

Долинъ высокихъ житель вѣчный,
 Пушеводишель дней и лѣтъ!
 Почто твоей лучъ великолѣпный
 Угрюмымъ облакомъ одѣтъ?
 Изъ вранъ рубиновыхъ востока
 Досель блистательнымъ путемъ
 Ты текъ веселія Царемъ;
 Въ жалаuchi тѣма глубока,
 Узрѣвъ тебя издалека.
 Твое сіянье, какъ рѣка,

Златой волною разливалось ;
 Тобой творенье оживлялось ;
 Тебя земля и небеса
 Съ улыбкою любви встрѣчали ;
 Цвѣшны тебѣ благоухали ;
 Шумѣли въ радости лѣса !

Не уже ли зима , грядуща
 Оледѣнитъ страны сіи ,
 Въ десницѣ иней несуща ;
 На пламенны лучи твои
 Оковы хлада налагаетъ ?
 Не уже ли она скрываетъ
 Тебя на вѣки въ черной мглѣ ;
 Покровомъ застилая снѣжнымъ ?
 Или и самъ ты другомъ нѣжнымъ
 Не хочешь болѣ быть землѣ ?
 Или въ печенѣи ты слабѣешь ,
 Спускаясь Запада къ врагамъ ;
 Въ унылой старости дряхлѣешь ,
 Хладъ чувствуя , подобно намъ ?

Ахъ ! нѣтъ , свѣшійникъ величавый !
 Ты вѣченъ юностью своей !
 Въ порфирѣ лучезарной славы ,
 Въ вѣнцѣ , слѣянномъ изъ огней ,
 Ты шествуешь , не измѣнясь ,
 Небесъ лѣ предѣлахъ голубыхъ .
 Когда града , въ очахъ твоихъ ,
 Передъ Судьбою сокрушаясь ,
 Во мракъ забвенія падущъ ;
 Когда вѣковъ огромный трудъ
 Въ одно мгновеніе исчезаетъ
 Подъ пляжкой времени пяпой ;

Когда подъ нею измѣняешь
 Земля такъ часто образъ свой —
 Въ эфирѣ чистомъ ты ликуешь,
 И надъ свирѣпостью временъ,
 Тебѣ не спрашныхъ, шоржествуешь,
 Презрѣвъ грызущій смертныхъ плавъ:

Почто же ты — лучемъ пріятнымъ,
 Теперь блеснувшимъ на меня,
 Густыя тучи разгоня —
 Своимъ вліянемъ благодатнымъ,
 Весну могущимъ воскресить,
 Не можешь сердца озарить?

Ахъ! съ другомъ разлучась любезнымъ,
 Ни въ чемъ утѣхъ не нахожу;
 Кропя поля попокомъ слезнымъ,
 Въ уныньи по снѣгамъ брожу;
 Тоскою мрачною пипаюсь;
 Сыскаль опраду я спараюсь,
 Да скорбно сердце облегчить;
 Но радость отъ меня бѣжитъ —
 А неизмѣнна грусть за мною
 И днемъ и ночью ходитъ въ слѣдъ:
 Нигдѣ душѣ покоя нѣтъ!

Ахъ! будетъ ли когда Судьбою
 Услышанъ мой унылый гласъ?
 Когда, когда наступитъ часъ,
 Въ которой скорби я забуду?
 Когда, когда я съ другомъ буду,
 Съ которымъ жизнь цвѣла моя?
 Тамъ, тамъ — въ странѣ обѣщанной,

И неизвѣстной и желанной,
Тамъ вѣрно съ нимъ увижусь я!

И такъ теки, источникъ свѣта,
Лазуревымъ пушемъ своимъ!
Не мнѣ оспрадой будь — другимъ;
Для нихъ раждай весны и лѣта
Пріятности и красоты!
Румянъ небесный сводъ зарями,
И землю напой лучами
Животворящей теплоты!
А мнѣ, ллющему слезъ рѣки,
На ту спезю ты свѣтъ пролей,
По коей идутъ человеки
Къ жилищу райскому друзей!

LXXII.

З И М А.

Лютая зима! доколѣ
Землю будешь ты помишь,
Рѣки быспрыя въ неволѣ
Льдистымъ тнепомъ бременишь?
Долголь бышь швоей намъ жертвой
И сносишь жестокой хладъ?
Все уныло, пусто, мертво,
Все, куда ни кинемъ взглядъ.

Ахъ! когдажъ весна Природу
 Оживишь опятьъ придешь;
 Милую ручьямъ свободу;
 Жизньъ древамъ; цвѣтамъ вдохнешъ?
 Скороль; въ рощахъ безмятежныхъ
 Пшичекъ поселяя вновь;
 Къ нимъ на крыльяхъ горлицъ нѣжныхъ
 Принесешь она любовь?

✱

Подождемъ — не всё спремимся
 Буря изъ полночныхъ нѣдръ;
 Время колесомъ вершимся:
 Скоро дунешь южный вѣтръ;
 Живописной теплотою
 Льды распустишь и снѣга;
 И роскошною рукою
 Облечешь въ цвѣтны луга!

✱

Скоро ласпочки на волѣ
 Будушь къ облакамъ взлѣтѣть;
 Скоро спанемъ въ чистомъ полѣ
 Чистымъ воздухомъ дышѣть!
 Подождемъ — какъ послѣ тѣни
 Солнца лучъ ясный блеснитъ;
 Послѣ скорбныхъ угнетеній
 Такъ насъ радость оживитъ.

К а п и с т ѣ:

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ МЕЦЕНАТА.

Кровавая луна блискала
 Чрезъ покровенный ночью лѣсѣ,
 На морѣ мрачномъ простирала
 Столбомъ багровый свѣтъ съ небесѣ,
 По огненнымъ зыбямъ мелькая.
 Я видѣлъ: въ лодкѣ нѣкто плылъ;
 Тутъ вѣтеръ, спрашно завывая,
 Ударилъ въ лѣсѣ — и лѣсѣ завылъ.
 Изъ безднѣ возстали пѣнны горы;
 Берега пустили шумный стонъ;
 Сквозь бурные стихіевъ споры
 Зѣла тѣма со всѣхъ сторонъ.

*

Ко берегу лодка приплывала,
 Приблизилась она ко мнѣ;
 Тѣнь бѣлая на ней мелькала,
 Какъ образъ мраморный во тѣмѣ.
 Ушихъ шумъ роцѣ, умолкъ ревъ волный,
 Лишь стонутъ въ тишинѣ часы;
 Спрямился пошъ по мнѣ холодный
 И дыбомъ возстаютъ власы!
 На брегъ изъ лодки выльзаетъ
 Старикъ, угрюмой и сѣдой,
 И озираясь подпираетъ
 Себя ужасною косою.

*

Тогда по берегу раздалися
 Надгробный плачъ и вой людей;
 Отвсюду къ старику сошлись
 Безчисленны толпы шбней.
 Прискорбны, блбдны и безгласны,
 Онб, пошупя взоры, шли;
 Цбнями Фурїи ужасны
 Кб морскому берегу ихб вели.
 Старикб кровавыми когшями
 Кб себб на лодку ихб влечешб:
 Богачб и нищб, рабы сб Царями,
 Всб равно ославляющб свбшб.

Ужб вб лодкб многїя мечпались
 Знакомыя и мнб чершы;
 Другїя кб оной приближались —
 Межб ихб, Шуваловб! былб и шы.
 И шы, другб Музб, другб смертныхб роду,
 Фаросб младыхб вельможб и мой!
 И шы Коциша зрблб ужб воду!
 Носа смершельна надб побой,
 Разсбкши мракб густой, сверкала,
 Подобно какб перунб сб небесб;
 Эреба бездна ужб зїяла,
 И ногу вб вбчнось шы занесб.

Болбзнь и страхб неизреченный
 Тогда спбснили грудь мою!
 „Кбмб добродбтели почтенны,
 „Кто родб и санб и жизнь свою
 „Спарался шбмб единымб славимб,
 „Чшобб ближнему благопворимб,

„Потомству храмъ Наукъ оставишь —
 „Тому ли вѣкъ толь краткій жить ?
 „Ужель врагъ чести и пороку,
 „И злой и доброй челоуѣкъ
 „Единому подвластенъ року ?
 „О Боже праведный!“ и рекъ.

*

Но вдругъ, средь облака златаго,
 На крыльяхъ утренняя зари,
 Во зракъ божества младаго,
 Котораго рабы, Цари,
 Всѣ люди равноумно любящъ,
 Но всѣ не равно берегущъ;
 Котораго лѣнь, роскошь губящъ,
 Крѣпящъ умеренность и трудъ,
 Здоровье — даръ Небесъ безцѣнный —
 Слѣбло въ швой черпогъ, и взявъ
 Въ златомъ сосудѣ сокъ лечебный,
 Кропя себя, рекло: будь здоровъ!

*

Ты здоровъ! хоръ Музъ, шебъ любезныхъ,
 Драгую жизнь швою любя,
 На мѣсто кипарисовъ слезныхъ
 Вѣнчаетъ лаврами себя!
 Пріимъ одна трубу златую,
 Другая строй лирный гласъ,
 Та арфу, та свирѣль просую,
 Воспѣли — и воспѣлъ Парнассъ:
 „Живи, наукамъ благодѣтель!
 „Твоя жизнь вѣкъ цвѣсти должна;
 „Не умираешь добродѣтель:
 „Безсмертна Музами она!“

*

Безсмертны Музами Периклы,
 И Меценаты вѣкъ живутъ:
 Подобно память, слава, шиплы
 Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
 Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
 А Дщерь Его ввела къ намъ вкусъ;
 Ты, къ знаньямъ просиравъ руки,
 У Ней предшательствомъ былъ Музъ.
 Досель гремитъ намъ въ Иліадъ
 О Неспорахъ, Улиссахъ громъ:
 Равно безсмертенъ въ Пешрядъ
 Ты Ломоносовымъ перомъ.

Державинъ.

LXXIV.

Г И М Н Ъ Г Л У П Ц А М Ъ .

Блаженъ — не шотъ, кто всѣхъ умнѣ:
 Ахъ, нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣ —
 Но шотъ, кто будучи глупцомъ,
 Себя считающъ мудрецомъ.
 Хвалю его! блаженъ спокрашно,
 Блаженъ въ безуміи своемъ!
 Къ другимъ здѣсь Щастіе превратно;
 Ръ ему всегда стоить лицомъ.

Ему ли ссориться съ Судьбою,
 Когда доволенъ онъ собою?
 Емуль чернить сей бѣлой свѣтъ?
 По маслу жизнь его печетъ.

Онѣ вѣстѣ пріятно, дремлетѣ сладко;
 Ни чѣмѣ вѣ душѣ не оскорбленѣ.
 Какѣ ночью кажется всё гладко,
 Такѣ мѣрѣ для глупыхѣ совершенѣ.

Когда другой, съ умомѣ обширнымѣ,
 Прославѣ философѣ всемѣрнымѣ,
 Вздыхаетѣ, чувствуя, сколь онѣ
 Еще отѣ цѣли удалѣнѣ;
 Какими узкими спезями
 Намѣ должно мудрости искаѣ;
 Какѣ прудно слабыми очами
 Неправду съ правдой различаетѣ;

Когда Сократѣ, мудрецѣ славнѣйшій,
 Но вѣ славѣ всѣхѣ другихѣ скромнѣйшій,
 Всю жизньѣ наукамѣ посвятивѣ,
 Для нихѣ и жизни не щадивѣ,
 За тайну людямѣ объявляетѣ,
 Чѣто все загадка для него,
 И мудрый развѣ по лишѣ знаетѣ,
 Чѣто онѣ — не знаетѣ ничего:

Тогда глупецѣ, вѣ мечѣ пріятной,
 Намѣ хвалилѣ умѣ свой необъятной:
 „Ему подобныхѣ вѣ мѣрѣ нѣтъ!“
 Хошипель? звѣзды онѣ сочпелѣ
 Вѣрнѣе нашихѣ Астрономовѣ.
 Хошипель? онѣ расскажетѣ, какѣ
 Сѣяетѣ солнце вѣ царствѣ Гномовѣ,
 И радѣ божишься вамѣ, чѣто *такѣ*!

Боясь ступишь неоспорожно,
 И зная, какѣ упадѣ возможно,

Смиренно смотритъ внизъ мудрецъ;
 Глядитъ спсиво вверхъ глупецъ —
 Спотыкается, въ яму упавъ,
 Нѣтъ нужды! встанетъ безъ стыда;
 И грязь съ себя рукой стирая,
 Онъ скажетъ: *это не бѣда!*

Съ умомъ — въ покой нѣтъ покоя,
 Одинъ для имени Героя
 Радъ мѣръ въ могилу обратишь,
 Для крестика безъ носа бышь;
 Другой, желая громкой славы,
 Весь вѣкъ надъ приемами корпится;
 Глупецъ смѣется: „вошь забавы!“
 И самъ за бабочкой бѣжитъ!

Ему нѣтъ дѣла до правленій,
 До шонкихъ, трудныхъ умозрѣній,
 Какъ спраситъ къ благу обращаешь,
 Людей учишь и просвѣщаешь.
 Царь крошкѣй, или Царь ужасный
 Любезенъ, спрашенъ для другихъ;
 Глупцы Нерону не опасны:
 Неронъ не спрашенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность спрдаенье,
 Любовь не даръ, а наказанье;
 Кипожъ вѣкъ свой прожилъ не любя?
 Глупецъ!... онъ любитъ лишь себя,
 И слѣдственно любимъ неложно;
 Не вѣдаетъ измѣны злой!
 Другимъ грустить въ разлукѣ должно;
 Онъ веселъ — онъ всегда съ собой!

Когда; узнавъ людей коварныхъ,
 Холодныхъ и неблагодарныхъ,
 Душею нѣжный человѣкъ
 Клянешся ихъ забыть на вѣкъ,
 И хочешь лучше жить съ звѣрями,
 Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть:
 Глупецъ считаешь всѣхъ друзьями,
 И мнишь: „меняли не любятъ?“

Есть томная на свѣтѣ мука,
 Змѣя сердецъ — ей имя *скука*:
 Она лезаетъ по землѣ,
 И плаваетъ на кораблѣ;
 Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
 Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
 Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
 Отъ *скуки* умный не уйдетъ.

Но щастливый глупецъ не знаетъ,
 Что *скука* въ свѣтѣ обитаетъ.
 Гремущу въ руки — онъ блаженъ
 Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ!
 Съ умомъ всѣ люди Гераклипы,
 И не жалуютъ слезъ своихъ;
 Глупцы же сердцемъ Демокрипы;
 Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ!

Они судьбу благословляютъ,
 И быть умнѣе не желаютъ.
 Разкроемъ лѣтопись временъ:
 Когда былъ человѣкъ блаженъ?

Тогда , какъ , думашь не умѣя ,
 Безъ смысла онъ *желудкомъ* жилъ .
 Для глупыхъ здѣсь всегда Аспрея ,
 И вѣкъ златой не проходилъ .

КАРАМЗИНЪ.

LXXV.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Вотъ здѣсь ; когда меня не будетъ ,
 Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ .
 На мѣстѣ семъ меня разбудитъ
 Одинъ гласъ трубный въ небесахъ .
 Тогда со всѣхъ концовъ вселенной
 На страшный судъ нелицемѣрной
 Спекутся люди всякихъ вѣровъ ;
 Цари смѣшаются съ рабами ,
 Безумцы станутъ съ мудрецами ,
 Съ ханжей столкнется изувѣръ .

Въ пространномъ царствѣ всей Природы
 Ударитъ вѣчной жизни часъ ;
 Увидимъ разные народы ,
 Колико ни было до насъ ,
 И шѣхъ , въ копорыхъ мы живали ,
 И коихъ вовсе не знавали ,
 Потомковъ шѣмы являшя шутъ .
 Сердецъ познаются движенья ,
 Умовъ сокрыты помышленья
 Тогда въ явленіе придутъ ;

Всѣхъ вѣрѣ изыщется начало;
 Какъ пчелы, секшы зашумяшѣ;
 Соблазновъ ядоушо жало
 Стрѣлами правды приступяшѣ.
 Не спросяшѣ тамъ, въ какомъ кто гробѣ
 Лежалъ дополь въ земной ушробѣ,
 И былъ ли онъ парчей одѣшѣ?
 Съ пальбой ли въ землю опустили,
 Иль просто въ саванъ свалили?
 Вопросъ: какъ жилъ? — Давай отвѣшѣ!

И я, проснувшись на кладбищѣ,
 Что подѣ *Филля* за Москвой,
 Предстану также на судище,
 Гдѣ станешѣ земнородныхъ спрой.
 Съ друзьями тамъ соединюся,
 Съ опцемъ, съ сестрой, съ дѣшными сойдуся,
 И вѣрю, Богомъ духъ пѣня,
 Что радости сея священной,
 Ни съ чѣмъ на свѣшѣ несравненной,
 Никто не возьметъ отъ меня.

О вы, друзья мои любезны!
 Не спавъте камня надо мной;
 Всѣ ваши бронзы бесполезны:
 Онѣ души не скрасяшѣ злой;
 Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
 И въ кучѣ шѣлѣхъ проспонародныхъ
 Пускай истлѣетъ мой составъ!
 Повѣрьте, съ чѣмъ ни схоронисья,
 Земля все въ землю обратисья.
 Се равенство природныхъ правъ!

Добро, какое я имѣю,
 Даю женѣ и дѣшамъ всё:
 Давашь могу, доколь владѣю;
 Умру — ничто ужь не моё.
 Печальныхъ каршѣ не посылайте,
 И черныхъ плашьева не вздѣвайте:
 Пустой убытокъ, пышной вздоръ!
 Ни въ дождь, ниже во время ясно,
 Не мучьте вокругъ меня напрасно
 Богатыхъ пастырей соборъ.

Молишесь лучше Богу вѣчно,
 Создавъ убогихъ и сиротъ,
 Чшобъ Онъ пучину безконечну
 Явилъ бы мнѣ своихъ щедротъ;
 Чшобъ Онъ, врагамъ моимъ прощая,
 И кланьи ихъ съ меня слагая,
 Въ Едемской рай мой духъ вселилъ.
 Предъ Богомъ словъ не надо многа:
 Душевный вздохъ къ Нему дорога;
 Онъ Самъ ее намъ проложилъ.

Не славьте вы меня стихами;
 Они не нужны мершвецамъ;
 Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
 Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
 Стихи отъ ада не избавятъ,
 Въ раю блаженства не прибавятъ;
 Въ нихъ только гордость и щеще.
 Прошокъ воды, двѣ — при березы,
 Да ближнихъ искреннія слезы —
 Вотъ монументовъ красота!

Таковъ его здѣсь воздвигаю
 Тебѣ, любезная сестра!
 Твой гробъ сердечно лобызаю;
 Придетъ и наша всѣхъ пора.
 Ты дань природѣ заплавила,
 Конецъ съ началомъ ссединила,
 Доспигла цѣли естества;
 Твой прупъ въ покоѣ безмятежномъ
 И въ ложѣ смерти неизбѣжномъ
 Позналъ измѣну вѣщества.

А я еще живу и маюсь,
 И міру всячески служу;
 Не рѣдко вздоромъ утѣшаюсь,
 Не рѣдко о пуспомъ шую.
 Подчасъ вселенну ненавижу,
 И хощу изъ опытовъ и вижу,
 Что въ ней не лзя спокойну быть;
 Но, ахъ! какъ смертной слабъ бываетъ!
 Лишь чужъ Раида приласкаетъ,
 Готовъ еще сто лѣтъ прожить.

К. Долгоруковъ.

ДРУГУ СЕРДЦА.

Я знаю, другъ мой! что за мною
 На край бы свѣта ты лѣтѣлъ;
 Со мной безпрепечной ногою
 Тиркански дебри тыбѣ прошелъ;
 И осылочной Сибири холодъ,
 И средь песковъ Ливійскихъ зной,
 Межъ лютыхъ Кафровъ, жажду, голодъ
 Охотнобѣ прешерпѣлъ со мной.

*

Но дай Богъ, чтобъ на брегъ Псола,
 Гдѣ липы мнѣ шалашъ плетутъ,
 Въ тѣни зеленаго раздола
 Былъ спарости моей пріютъ!
 Дай Богъ, чтобъ щасье тамъ прильнуло
 Къ груди, успалой отъ заботъ;
 И томно сердце отдохнуло
 Отъ бурныхъ жизни непогодъ!

*

Но ежели свирѣпствомъ рока
 Удѣла милаго лишусь,
 На берегъ пучинъ Альмска пока,
 Въ Тавриду древню преселюсь,
 Гдѣ овцы, пеленой обвишы,
 Красу сребристыхъ нѣжашъ рунъ;
 Отколь въ кумирахъ знаменитый
 Владиміромъ сраженъ Перунъ.

*

Земли потѣбъ уголокъ щасливый
 Всѣхъ болѣдѣишъ манишъ мой взоръ;
 Средѣ лѣса зрѣющѣ шамъ оливы,
 Медѣ каплетъ изъ ущелья горъ;
 Тамъ долго вѣспрѣ весенній вѣсѣ,
 Гнешетъ не долго зимній хладъ;
 На холмахъ, какъ янтарь, желѣшетъ
 Токайскій сладкій виноградъ.

Вотъ шамъ-то, въ рожицѣ пѣниспой,
 Успланной мягкой муравой,
 Близъ шока, изъ скалы кремниспой
 Жемчужной льющагось струей,
 Мы сядемъ отдохнушь съ шобою,
 И дружны сѣдинимъ сердца;
 Тамъ — теплой оросишь слезою
 Прахъ милаго тебѣ пѣвца.

К а п н и с т ь.

LXXVII.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное свѣпило
 Простерло блескъ свой по земли,
 И Божїа дѣла открыло;
 Мой духъ съ веселіемъ внемли!
 Чудяся яснымъ полъ лучамъ,
 Предспавъ, каковъ Зиждишель самъ!

Когда бы смершнымъ шоль высоко
Возможно было возлещь,
Чшобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣшь;
Тогдабъ со всѣхъ опкрылся спранъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы спремяшся
И не находяшъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутяшся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипишъ,
Горящи шамъ дожди шумяшъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣшлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Чшо Ты шворишъ намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ноши свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему опкрылись
Исполненны Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая вызываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣпило дневное блистаетъ
Лишь шолько на поверхность шѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну пропцаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.

Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лѣтся радость швари всей.

Творецъ! покрытому мнѣ шмою
Прости премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда швориши научи,
И на Твою взирая шварь,
Хвалишь Тебя, безсмертный Царь!

Л о м о н о с о в ъ.

LXXVIII.

к ъ в о л г ѣ.

Конецъ благополучну бѣгу!
Спускайше, други, паруса!
А ты, принеся ко берегу,
О Волга! рѣкѣ, озерѣ краса,
Глава, царица, честь и слава!
О Волга пышна, величава!
Прости!... но прежде удоспой
Склонить свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мѣрѣ,
Но воспоеннаго шбой.

Исполнены мои обѣщанья;
Свершилось то, чего желалъ
Еще въ младенческія лѣтны,
Когда я руки простиралъ
Къ тебѣ изъ отческѣй кущи,
Взирая на суда бѣгущи

На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ.
Свершилось, и блажу судьбину!
Великолѣпну зрѣлъ картину! —
И я былъ на пѣвоихъ волнахъ.

То нѣжнымъ вѣтеркомъ лобзаемъ,
То ревомъ бури и вадовъ
Подъ черной пучей оглушаемъ
И опывомъ пѣвоихъ береговъ,
Я плылъ, скакалъ, лепѣлъ спрѣлою —
Тамъ видѣлъ горы надъ собою,
И спрашивалъ, который вѣкъ
Засталъ ихъ въ молодости сущихъ?
Здѣсь мимо городовъ цвѣтущихъ
И дикихъ пустыней я шекъ.

Тамъ веси, нивы благодѣшны,
Спада и кущи рыбаей,
Цвѣшны и правы аромашны,
Распути средь пѣвоихъ зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А шамъ Сиренъ пернатыхъ хоры,
Подъ шѣнь кусточковъ уклонясь,
Пространство пѣннемъ оглашали —
И два сайгака имъ внимали
Съ крутыхъ спремнинъ не шевелись.

Тамъ кормчій, руку просширая
Черезъ лѣсъ дремучій на курганъ,
Вѣщалъ, сопутниковъ зывая:
„Здѣсь Разиновъ былъ, други, станъ!“
Вѣщалъ, и въ думу погрузился;
Холодный потъ по немъ разлился,

И перстѣ на воздухѣ дрожалъ.
 А пивой пѣвецѣ въ сѣи мгновенья,
 На крыліяхъ воображенья,
 Въ пропекшихъ временахъ лешалъ.

Лешалъ, и будто сквозь шумана
 Я видѣлъ пивой веселый покъ
 Подъ ратью Грозна Іоанна,
 И видѣлъ Аспрахани рокъ.
 Вошце Ордынцы безопрадны
 Бѣгутъ на холмы виноградны
 И сыплютъ стрѣлы по судамъ:
 Безспрашный Россѣ на брегѣ ступаетъ —
 И гордо Царство упадетъ
 Со шрепепомъ къ его спопамъ.

Я слышалъ Каспія сѣдова
 Пророческій, громовый гласъ:
 „Спрашитесь, Персы, рока злова!
 Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ!
 Его и Югъ и Нордъ шрепещетъ;
 Онъ тысячами перуны мещетъ;
 Зашмилъ Луну и Льва сразилъ! . . .
 Внемлите шумъ: се Волжски волны
 Несутъ Его, гордыни полны —
 Увы, Дербентъ! идетъ Царь силъ!“

Прорекъ — и хлынули рѣками
 У бога воды изъ очесъ;
 Вдругъ море вздулося буграми,
 И влажный Каспій въ нихъ исчезъ.
 О какъ пы, Волга, ликовала!
 Съ какимъ воспоргомъ поднимала

Часть I.

Р

Побѣдоноснаго Царя!
 Въ сію минушу предъ тобою
 Казались малою рѣкою
 И Белѣ, и Каспій, всѣ моря!

Но менѣль ты знамениша
 Въ благодареніяхъ своихъ?
 Почто безсиліе Пѣиша
 Начашый прерываеши стихъ!
 О есшлибъ вдохновенъ былъ Фебомъ,
 Тыбъ первою рѣкой подъ небомъ,
 Знавшишей Гангеса была!
 Тыбъ славою своею зашмила
 Величіе Эвфраша, Нила,
 И всю вселенну прошекла!

ДМИТРИЕВЪ.

Что въ роцѣ громко раздаётся
 При свѣтѣ ясныя луны?
 Что въ сердце, въ душу сладко льётся
 Среди ночныя тишины,
 Когда безмолвствуетъ Природа,
 И звѣзды голубаго свода
 Сіяютъ въ зеркалѣ ручья?
 Что въ грудь мою поску вселяетъ
 И духъ мой крошко восхищаетъ? . . .
 Гласъ нѣжный, милый Соловья.

Пѣвецъ любезный, другъ Орфей!
 Кому, кому хвалишь себя,
 Лѣсовъ зеленыхъ Корифей?
 Ты славишь громко самъ себя,
 Натуру въ гимнахъ прославляя,
 Свою любезнѣйшую мать,
 И равнаго себѣ не зная,
 Велишь пы зависпи молчать.
 Ахъ! много въ роцѣ пѣсней слышно;
 Но что онъ передъ твоей?
 Какъ Фебъ златый, являясь пышно
 На шверди, славою своей
 Луну и звѣзды помрачаетъ:
 Такъ пѣснь твоя уничижаетъ
 Гармонію другихъ пѣвцовъ.
 Поешь и жаворонокъ въ полѣ,
 Вѣясь подъ тѣнью облаковъ;
 Поешь пріятно и въ неволѣ.

Любовь - малиновка весной ;
 Веселой чижикъ , коноплянка ,
 Малюшка пѣночка , овсянка ,
 Щегленокъ , рѣдкій красошой ,
 Поющъ и нѣжно и согласно ,
 И шѣшашъ службъ ; но все не то —
 Ихъ пѣнїе *одно* прекрасно :
Въ сравненїи съ твоимъ — ничто !
 Они *одно* плѣняютъ чувство ,
 А ты приводишь *все* въ восторгъ ;
 Они суть Музы , ты ихъ Богъ !

Какое чудное искусство !
 Сперва , какъ дальняя свирѣль ,
 Пѣшь тихо , нѣжно начинаешь ,
 И все къ вниманїю склоняешь ;
 Сперва прїятный свистъ и прель ,
 Потомъ , свой голосъ возвышая
 И чувство чувствомъ оживляя ,
 Спредишь ты пѣснь свою рѣкой ;
 Какъ волны мчаться за волной ,
 Легко , свободно , безъ преграды ,
 Такъ быстрая твои *рулады*
 Сливаются одна съ другой .

Тремишь и вдругъ ослабѣваешь ;
 Журчишь , какъ томный ручеекъ ;
 Съ любезной крошостью вздыхаешь ,
 Какъ пѣжный Майскій вѣтерокъ .
 Изъ сердца каждый звукъ несется ,
 И въ сердцѣ тихо опдаётся
 Такъ счастливый , щастливый супругъ ,
 (Любовникъ пылкой , вѣрной другъ)
 Супругъ милой извѣстляетъ

Свою любовь, сердечный жаръ.
 Твой громкій голосъ удивляетъ —
 Онъ есть Природы чудный даръ;
 Но тихій, въ душу проникая
 И чувства нѣжною питаю,
 Еще любезнѣ сто разъ.

Пой, другъ мой! восхищенъ тобою,
 Подъ кровомъ ночи, въ тихій часъ,
 Несчастный сладкою слезою
 Мирится съ Небомъ и Судьбой.
 Невольникъ цѣпи забываетъ,
 Свободу въ сердцѣ обрѣтаетъ —
 Находитъ сноснымъ жребій свой.
 Лющій слезы надъ могилой,
 Гдѣ прахъ душъ и сердцу милой
 Лежитъ въ безмолвной тишинѣ,
 Какъ въ сладкомъ и глубокомъ снѣ —
 Тебѣ внимая, утѣшаетъ
 Себя надеждой вѣчно жить,
 И вѣчно милого любитъ
 Тамъ, тамъ, гдѣ счастье обитаетъ;
 Гдѣ радость есть для чувствъ законъ;
 Гдѣ вздохи сердцу неизвѣстны;
 Гдѣ мой любезный Агапонъ,
 Какъ въ Маѣ гѣацинцѣ прелестный,
 Весной безсмертія цвѣшетъ. . . .
 Меня къ себѣ съ улыбкой ждешь!
 Пой, другъ мой! восхищенъ тобою,
 Природой, красною весною,
 И я забуду грусть свою.
 Луговъ цвѣшущихъ ароматы
 Цѣлятъ, питаютъ грудь мою.

Когдажъ, сынъ Феба, Миръ крылатый,
На землю спустился съ небесъ —
Умолкнувъ громы, и народы
Оспрутъ оливою токи слезъ:
Тогда, тогда, Орфей Природы,
Я въ гимнъ сердце излію,
И миръ съ тобою воспую!

КАРАМЗИНЪ.

В О Д О П А Д Ъ .

Алмазна сыплется гора
 Съ высошѣ чешырема скалами,
 Жемчугу бездна и сребра
 Кипишѣ внизу, бьешѣ вверьхѣ буграми;
 Ошѣ брызговѣ синѣй холмѣ стоишѣ,
 Далече ревѣ въ лѣсу гремишѣ.

Шумишѣ — и средѣ густаго бора
 Теряешся въ глуши попомѣ;
 Лучѣ чрезѣ пошокѣ сверкаетѣ скоро;
 Подѣ зыбкимѣ сводомѣ древѣ, какѣ сномѣ
 Покрышы волны, тихо льютсѣ,
 Рѣкою млечною влекушѣ.

Сѣдая пѣна по берегамѣ
 Лежишѣ буграми въ дебряхѣ темныхѣ;
 Сшукѣ слышанѣ мласовѣ по вѣшрамѣ,
 Визгѣ пилѣ и спонѣ мѣховѣ подѣвменныхѣ:
 О водопадѣ! въ швоемѣ жерлѣ
 Все ушопаетѣ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣшрами ль сосны пораженны?
 Ломаютсѣ въ шебѣ въ куски.
 Громами ль камни опшорженны?
 Спираютсѣ шобой въ пески.
 Сковашѣ ли воды льды дерзаетѣ?
 Какѣ пылъ спекляна низпадаютѣ.

Волкъ рыщетъ вокругъ тебя, и страхъ
 Въ ничто вмѣняя, спановится;
 Огонь горитъ въ его глазахъ,
 И шерсть на немъ щетиной зрится;
 Рожденный на кровавый бой,
 Онъ воешь, согласясь съ тобой.

Лань идешь робко, чуть ступаешь,
 Вливъ водъ своихъ падающихъ ревъ,
 Рога на спину приклоняешь
 И быспро мчишься межъ деревьевъ;
 Ее спрашивъ вокругъ шумъ, буръ свистъ
 И хрупкій подъ ногами листъ.

Решивый конь, осанку горду
 Храня, въ шебъ порой идешь:
 Крушую гриву, жарку морду
 Поднявъ, храпишь, ушми прядеши;
 И подспрекаемъ бывъ, бодрится,
 Опважно въ хлябъ твою спремится.

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
 При спрашной сей красъ Природы,
 На упломъ пнѣ, который свисъ
 Съ упеса горъ на яры воды,
 Я вижу, нѣкій мужъ сбдой
 Склонился на руку главой.

Копье и мечъ и щитъ великой,
 Стѣна опечесства всего,
 И шлемъ, обвинный павеликой,
 Лежащъ во мху у ногъ его:
 Въ бронѣ блистая златордяной,
 Какъ вечеръ во зарѣ румяной,

Сидишь — и взоръ вперя къ водамъ,
 Въ глубокой думѣ разсуждаешь:
 Не жизнь ли челоуѣковъ намъ
 Сей водопадъ изображаетъ?
 Онъ такъ же блескомъ струй своихъ
 Поишь надменныхъ, крошкихъ, злыхъ.

Не такъ ли съ неба время льется,
 Кипишь спремленіе спрасшей,
 Честь блещетъ, слава раздается,
 Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
 Которыхъ красота и радости
 Мрачатъ печали, скорби, старость?

Не зримъ ли всякой день гробовъ,
 Съдишь дряхлѣющей вселенной?
 Не слышимъ ли въ бою часовъ
 Гласъ смертнй, двери скрытъ подземной?
 Не упадаешь ли въ сей звѣвъ
 Съ престола Царь и другъ Царевъ?

Падущъ — и Вождь непобѣдимый!
 Въ Сенаѣ Цезарь, средь похвалъ,
 Въ томъ мигъ, желалъ какъ дѣдимы,
 Закрывъ лице плащомъ, упалъ;
 Изчезли замыслы, надежды,
 Сомкнулись алчны къ трону вѣжды.

Падущъ — и несравненный Мужъ
 Торжествъ несмѣнныхъ съ колесницы,
 Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
 Презрѣвшій прелестъ багряницы,
 Пльнившій Велizarъ Царей —
 Въ шемницѣ палъ, лишенъ очей!

Падущь! — И не мечты прельщали,
 Когда мени, въ цвѣщущій вѣкъ,
 Давно ли города испрѣчали,
 Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ шекъ?
 Давноль? Нѣ, ахъ! теперъ во брани
 Мои не мещущь молній длани!

Ослабли силы; буря вдругъ
 Копье изъ рукъ моихъ схватила!
 Хотя и бодрѣ еще мой духъ,
 Судьба побѣдъ меня лишила. —
 Онъ рекъ, и позабылся сномъ:
 Морфей покрылъ его крыломъ.

Сошла Октябрская ночь на землю,
 На лоно мрачной тишины;
 Нигдѣ я ничего не внемлю,
 Кромѣ ревуцїи волны,
 О камни съ высоты дробимой,
 И снѣжною горою зримой.

Пустыня, взоръ насупя свой,
 Упесы и скалы дремали;
 Волнистой облака грядой
 Тихонько мимо пробѣгали,
 Изъ коихъ, препешна, блѣдна,
 Проглядывала внизъ луна.

Глядѣла, и едва блистала,
 Предъ спарцемъ преклонивъ рога,
 Какъ бы съ почтенъемъ познавала
 Въ немъ своего шого врага,
 Котораго она спрашивалась,
 Кому вселенная дивилась.

Онѣ спалѣ — и чудотворный сонѣ
 Мечшы ему являлѣ геройски ;
 Казалося ему , что онѣ
 Непобѣдимы водилѣ войски ;
 Что вкругѣ его перунѣ молчилѣ ,
 Его лишь мановенья зрилѣ ;

Что огнедышуци за перстомѣ
 Ограды вѣ слѣдѣ его идущѣ ;
 Что вѣ полѣ гладкомѣ , вкругѣ опверстомѣ ,
 По слову одному рослущѣ
 Полки его изѣ скрытыхѣ станомѣ ,
 Какѣ холмы вѣ морѣ изѣ туманомѣ ;

Что только по правѣ росистой
 Ночные знаѣ его шаги ;
 Что упромѣ пыль , подѣ пвердью чистой ,
 Ужѣ поздно зрилѣ его враги ;
 Что оспрошой своихѣ зѣницѣ
 Блюдетѣ онѣ ихѣ , какѣ лстребѣ птицѣ ;

Что , положиа чершежѣ и мѣры ,
 Какѣ волхвѣ невидимый , вѣ шашрѣ ,
 Тѣмѣ кажешѣ онѣ вѣ долу химеры ,
 Тѣмѣ вѣ шиграхѣ агнцовѣ на горѣ ,
 И вдругѣ рѣшителнымѣ умомѣ !
 На тысячи бросаешѣ громѣ !

Что орлю дерзосѣ , гордосѣ Лунну ,
 У Черныхѣ и Яншарныхѣ волиѣ ,
 Смирилѣ Колхиду златорунну ,
 И Бѣлаго Царя уронѣ
 Рая вечерня предѣ границей
 Ошмстилѣ побѣдами спорицей ;

Что, какъ руминой лучъ зари,
 Спрану его покрыла слава;
 Чужіе вожди и Цари,
 Своя Владычица, Держава
 И всѣ вездѣ его почли,
 Трїумфами превознесли;

Что образъ, имя и дѣла
 Цвѣтушъ его средь разныхъ глянцовъ;
 Что верхъ сребристаго чела,
 Въ вѣнцѣ изъ молніиныхъ румянцовъ
 Блистаетъ въ будущихъ родахъ,
 Ошвѣчиваясь въ сердцахъ;

Что зависть отъ его сіянья
 Свой блѣдный пошупляетъ взоръ,
 Среди безмолвнаго спенанья
 Ползетъ и ищетъ шокмо норъ,
 Куда бы отъ него сокрылся;
 И что никто съ нимъ не сравнится. —

Онъ спитъ — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ
 Внимаетъ завыванье псовъ,
 Ревъ въпрровъ, скрипъ деревъ дебелыхъ,
 Спенанье филлиновъ и совъ,
 И вѣщихъ гласъ вдали живошнихъ,
 И тихій шорохъ вкругъ безплошнихъ.

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
 Спаница врановъ впрепешала,
 Кремнистый холмъ далъ спрашну щель,
 Гора съ богатствами упала;
 Грохочетъ Эхо по горамъ,
 Какъ громъ гремящій по громамъ.

Онѣ зрѣтъ одѣшу въ ризы черны
 Крылашу нѣкую жену,
 Власы имѣвшу разпущенны,
 Какъ смертну вѣсть, или войну,
 Сѣ носой въ рукахъ, сѣ трубой споящу,
 И слышишѣ онѣ: „проснись!“ — гласящу.

На шлемѣ у нея орелѣ
 Сидѣлъ сѣ перуномѣ помраченнымѣ;
 Въ немѣ гербѣ Опечесства онѣ зрѣлъ;
 И бывъ мечпой сей возбужденнымѣ,
 Вдохнулѣ, и испустя слезѣ дождѣ,
 Вѣщалѣ: „Знашѣ умерѣ нѣкій Вождѣ!“

„Блаженѣ, когда, спремясь за славой,
 „Онѣ пользу общую хранилѣ,
 „Былѣ милосердѣ въ войнѣ кровавой
 „И самыхъ жизнь враговѣ щадилѣ!
 „Благословенѣ средѣ поздныхъ вѣковѣ
 „Да будешѣ другѣ сей человекѣ!“

„Благословенна похвала
 „Надгробная его да будешѣ,
 „Когда всякѣ жизнь его, дѣла
 „По пользамѣ только помнишѣ будешѣ;
 „Когда не блескѣ его прельщалѣ
 „И славы ложной не искалѣ!“

„О! слава, слава въ свѣтѣ Сильныхъ!
 „Ты точно естъ сей водопадѣ,
 „Онѣ водѣ стремленіемѣ обильныхъ
 „И шумомѣ льющихся прохладѣ
 „Великолѣпенѣ, свѣплѣ, прекрасенѣ,
 „Чудесенѣ, силенѣ, громокѣ, ясенѣ;

„Дивишься вокругъ себя людей
 „Всегда толпами собираешь;
 „Но естъли онъ водой своей
 „Удобно всѣхъ не напоишь;
 „Коль рвешь берега, и въ быспрогахъ
 „Его нѣтъ выгодъ смертнымъ — ахъ!

„Не лучше ли менѣ извѣстнымъ,
 „А болѣе полезнымъ быть?
 „Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
 „Поли, луга, сады кропишь,
 „И тихимъ въ далекъ журчаньемъ
 „Пошомство привлекашь съ вниманьемъ?

„Пусть на обросшій дерномъ холмъ
 „Прійдетъ пушникъ и возсядетъ,
 „И, наклонясь своимъ челомъ
 „На подписанье гроба, скажетъ:
 „Не только славный лишь войной,
 „Здѣсь скрытъ великій Мужъ душой!

„О! будь безсмертенъ, Вишязь бранный,
 „Когда ты весь соблюлъ свой долгъ!“ —
 Въцалъ сѣдиной мужъ вѣнчанный,
 И въ небеса возрѣвъ, умолкъ.
 Умолкъ — и гласъ его промчался,
 Гласъ мудрый всюду раздавался...

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
 Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
 Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
 Въ воздушныя жилища горны?
 На темномъ взоръ и челъ
 Сидитъ глубока дума въ мгла!

Какой чудесный Духъ крылами
Отъ Сѣвера паритъ на Югъ?
Ввыпрѣ медленъ печь его спезями,
Обозрѣваетъ царшвы вдругъ;
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей шрупъ, какъ на распушѣ мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепшы покрываютъ очи,
Прижаты къ холодной груди персты,
Уста безмолвствуютъ опверсты!

Чей одрѣ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги — вокругъ пустынные виды? . . .
Не ты ли щасья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты чesпей
Незпно палъ среди степей?

Не пылъ наперсникомъ близъ прона
У Сѣверной Минервы былъ;
Во храмъ Музъ, другъ Аполлона,
На полъ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшителъ думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могуцъ — хотя и не въ порфирѣ?

Не пылъ, который взвѣситъ смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознестъ швой громъ на шѣ спремницы,
На конхъ древнѣй Римъ стоялъ,
И всей вселенной колебалъ?

Не пылъ , копорый Орды сильны
 Сосѣдей хищныхъ испребилъ,
 Проспранны области пусшынны
 Во грады , въ нивы обрашилъ,
 Покрылъ понтѣ Черный кораблями,
 Пошрясѣ среду земли громами ?

Не пылъ , копорый зналъ избрашъ
 Доспойный подвигъ Росской силъ,
 Стихїи самыя попрашъ
 Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
 И швердой дерзостью такой
 Бышъ дивомъ храброспи самой ? —

Се ты , опважнѣйшій изъ смертныхъ ,
 Парящій замыслами умъ !
 Не шелъ ты средъ пушей извѣстныхъ ,
 Но проложилъ ихъ самъ , и шумъ
 Оставилъ по себѣ въ попомки —
 Се ты , о чудный вождь Пошемкинъ !

Се ты , копорому враша
 Торжештвенныя созидали ,
 Искусство , разумъ , красота
 Недавно лавръ и миршѣ сплещали,
 Забавы , роскошь вкругъ цвѣли,
 И щасшьє съ славой слѣдомъ шли !

Се ты , небеснаго плодъ дара
 Кому едва я посвятилъ ,
 Въ созвучность громкаго Пиндара
 Мою настроишь лиру мнилъ ,
 Воспѣлъ побѣду Измаила ,
 Воспѣлъ — но смерть тебя скосила !

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
 Моихъ въ сшепанье превратился;
 Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
 И и тамъ въ слезы погрузился,
 Гдѣ бездна разноцвѣтнѣхъ звѣздъ
 Чертогъ являла райскихъ мѣстѣ.

Увы! — и громы оцѣмѣли,
 Ревущіе тебя вокругъ;
 Полки твои осиротѣли,
 Наполнили рыданьемъ слухъ;
 И все, что близъ тебя блистало,
 Уныло и печально спало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
 Гранена булава упала,
 Мечъ въ полнощны войши чужь могъ,
 Екатерина возрыдала!
 Посвѣта попряслось за ней
 Незапною смертію своею!

Оливы свѣжи и зелѣны
 Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ;
 Родства и дружбы воли, споны,
 И Музъ Ахейскихъ жалкій звукъ
 Вокругъ Перикла раздается:
 Маронъ по Меценатѣ рвеица;

Который, почестей въ лучахъ,
 Какъ пѣкій Царь, какъ бы на проиѣ,
 На сребророзовыхъ коняхъ,
 На златозарномъ фазонѣ,

Во сонмѣ всадниковѣ блисталь,
И въ смертный черный одръ упаль!

Гдѣ слава? Гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человекъ?
Маеусайла долголѣпье
Лишь былобъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль нѣтъ! тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волосѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ:
Въ пыли Героевъ попираютъ!

Героевъ? Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистающъ;
Нешатѣна память, похвала
И изъ развалинъ вылетающъ,
Какъ холмы гробы ихъ цѣлуютъ;
Напишется Пошемкинъ трудъ.

Театръ его — былъ край Эвксина ;
 Сердца обязанны — храмъ ;
 Рука съ вѣнцомъ — Екатерина ;
 Гремяща слава — ѳиміамъ ;
 Жизнь — жертвенникъ шоржеспѣ и крови,
 Гробница ужаса , любви.

Когда багровая луна
 Сквозь мглу блискаетъ темной ноци,
 Дуная мрачная волна
 Сверкаетъ кровью , и сквозь роци
 Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
 И слышатъ сшонъ — что Турокъ мнитъ?

Дрожитъ — и во очахъ сокрытыхъ
 Еще ему шпыки блестятъ ,
 Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убиныхъ
 Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ ,
 Мечтаются ему ихъ шѣни,
 И Россѣ въ крови ихъ по колѣни!

Дрожитъ — и обращаетъ взглядъ
 Онъ робко на окрестны виды ;
 Столпы на небесахъ горятъ
 По сушѣ, по морямъ Тавриды!
 И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь
 Течетъ его и мерзнетъ кровь.

Но въ ясный день , средь свѣтлой влаги,
 Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ ,
 И выюся полосаты флаги ,
 Нашъ флотъ на воздушныхъ парусахъ

Вдали блбещь на Лиманахъ —
 Какое чувство въ Россiянахъ ?

Восторгъ, восторгъ они, — а страхъ
 И ужасъ Турки ощущають;
 Имъ мохъ и перны во очахъ,
 Намъ лавръ и розы разцвѣтають
 На мавзолеехъ у Вождей,
 Власщителей земель, морей,

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
 Задумчиво Любовь сидитъ,
 Отъ цытры вътерокъ весенней
 Ея повсюду голосъ мчитъ;
 Перлова грудь ея вздыхаетъ,
 Геройскій образъ оживляетъ.

По утру солнечнымъ лучомъ
 Какъ монументъ златый зажегся,
 Лежатъ обняты серны спомъ
 И паръ вокругъ холмовъ вѣетъ,
 Пришедши спарецъ надпись зреть:
 „Здѣсь трупъ Пошемкина сокрытъ!“

Алцибiадовъ прахъ! — и смѣетъ
 Червь ползати вокругъ его главы!
 Взятъ племъ Ахилловъ не робѣетъ,
 Нашедши въ полѣ, Оирсѣ? — Увы!
 И плоть, и трудъ коль исплѣваешь:
 Чтожъ нашу славу соснавляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не пресчанутъ
Гремѣнь перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ.

Услышь жеждь, водопады мѣра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имѣли только мѣшу,
Чтобъ щастіе доставить свѣшу.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся спранамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ спременьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздной памяти людей
Живи лишь красою пвоей!

Живи! — и шучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ пвоимъ,
Въ умахъ тебя не запмѣвали
Разженный громъ и черныи дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка, на сѣверѣ гремяща,
О Суна! коль съ высотъ блиспаешь
Ты можешь — и опѣ зарь горяща,

Кипишь и сѣеши дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

То тихое швое печенье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ швоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу;

И безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поишь златые въ нивахъ бреги.
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Оиѣги:
Какое зрѣлище очамъ!
Ты шумъ подобна небесамъ.

Державинъ.

Конецъ первой Части.

